

**НИЖЕГОРОДСКИЙ ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
НИУ ВШЭ – НИЖНИЙ НОВГОРОД**

А.А. Лаврова

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

МОНОГРАФИЯ

Нижегород

2011

УДК 811.111:81.367:81.23
ББК 81.2Англ-2+83.7
Л 136

Рецензенты:

В.Г. Зусман – доктор филологических наук, профессор
(Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики – Нижний Новгород)

Т.В. Романова – доктор филологических наук, профессор
(Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова)

Научный редактор:

Т.Н. Синеокова – доктор филологических наук, профессор

Работа обсуждена и одобрена на заседании Учебно-методического совета
НФ ГУ-ВШЭ. Протокол №4 от 2 марта 2011 г.

Л 136 Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации
эмоционального компонента в политической речи: Монография. –
Нижний Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2011. – 223 с.

ISBN 978-5-905520-03-7

В монографии представлены результаты исследования синтаксиса политической речи (на материале американских предвыборных теледебатов). В основу лингвистической парадигмы, разрабатываемой в исследовании, положено представление о том, что средства выражения эмоциональности связаны с деформациями нейтральных единиц языка. На синтаксическом уровне эмоциональный компонент проявляется в отклонениях структуры высказывания от структуры нейтрального ядерного предложения. Выделяются составляющие эмоционального компонента политической речи, связанные с осознанным воздействием на эмоциональную сферу адресата, а также с отражением эмоционального состояния оратора; выделяются и описываются экспоненты этих составляющих на синтаксическом уровне.

Книга адресована преподавателям, студентам и аспирантам лингвистических вузов и факультетов и кафедр иностранных языков.

УДК 811.111:81.367:81.23
ББК 81.2Англ-2+83.7

ISBN 978-5-905520-03-

© А.А. Лаврова, 2011

© НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ.....	12
1.1. Речевое воздействие как основная цель политической речи.....	15
1.2. Эмоциональный и рациональный компоненты речевого воздействия.....	16
1.3. Факторы, определяющие соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия.....	20
1.4. Предвыборные теледебаты как жанр с доминирующим эмоциональным компонентом.....	27
1.4.1. Понятие речевого жанра.....	27
1.4.2. Критерии выделения теледебатов как жанра, реализующего эмоциональный компонент.....	29
1.4.3. Экстралингвистические факторы, определяющие наличие эмоционального компонента в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	38
Выводы по главе 1.....	42
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТАХ.....	44
2.1. Принципы построения структурно-семантической классификации.....	46
2.2. Первичные структурно-семантические классификационные признаки.....	48
2.2.1. Экспликативные формы модификаций.....	49

2.2.1.1. Повтор.....	49
2.2.1.2. Материально избыточные элементы.....	67
2.2.1.3. Разрывы потенциального синтаксического целого.....	78
2.2.1.4. Расшифровывающие конструкции.....	93
2.2.1.5. Инверсия.....	113
2.2.2. Импликативные формы модификаций.....	121
2.2.2.1. Транспозиция.....	121
2.2.2.2. Эллипсис.....	134
2.2.2.3. Изолированные элементы.....	139
Выводы по главе 2.....	146
ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ И АФФЕКТИВНОЙ РЕЧИ.....	148
3.1. Подготовка баз данных.....	148
3.2. Статистические и содержательные характеристики тождественных, сходных и специфических признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	150
3.2.1. Использование доминантных признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	151
3.2.1.1. Доминантные признаки диссоциативного состояния в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	152
3.2.1.2. Доминантные признаки поискового состояния в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	153
3.2.1.3. Доминантные признаки апеллятивного состояния в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	159
3.2.2. Использование недоминантных признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи.....	166

3.3. Статистические и содержательные характеристики специфических признаков предвыборных теледебатов.....	172
Выводы по главе 3.....	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	185
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	218
Приложение I. Структурно-семантические признаки предвыборных теледебатов и аффективной речи.....	218
Приложение II. Статистические характеристики структурно-семантических форм предвыборных теледебатов.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью ораторской речи в целом и политической речи как ее разновидности является воздействие на аудиторию. При этом речевое воздействие оказывается в комплексе – как на сознание, так и на эмоции аудитории, а степень присутствия рационального и эмоционального компонентов определяется множественными экстралингвистическими и лингвистическими факторами.

До настоящего времени остается актуальным вопрос о принципиальной возможности разграничения эмоционального и рационального компонентов речевого воздействия на основе языковых экспонентов. Тем не менее, результаты проведенных в последние годы исследований в области политологии, социальной психологии, когнитивистики, психолингвистики, лингвистики свидетельствуют о том, что такая дифференциация и, в частности, выделение лингвистических элементов, манифестирующих собственно эмоциональный компонент, возможны.

Анализ работ, посвященных данной проблеме, позволил выделить следующие существенные представления об особенностях реализации эмоционального компонента в политической речи.

1. Воздействие на эмоциональную сферу аудитории предполагает сходство ситуации реализации политического выступления и собственно эмоциогенной ситуации [Труфанова 2003]. Политик во время выступления сознательно моделирует стандартную эмоциональную ситуацию.

2. Эмоциональный компонент политической речи может иметь две составляющие: псевдоэмоциональную (*псевдоаффективную*) – связанную с сознательным моделированием, имитацией эмоций с целью воздействия, и собственно эмоциональную (*собственно аффективную*) – связанную с выражением психологического состояния говорящего [Блох 2000; Синеокова 2003 и др.].

3. Средства выражения эмоциональности на разных уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом) связаны с различными видами *деформаций* нейтральных единиц языка [Reuning 1941; Денисов 1973; Юдина 1973; Гриневич 1975; Блох 1976; Носенко 1979; Змеева 1989; Синеокова 1989; Адамчук 1996; Сулова 2002].

4. На синтаксическом уровне при сознательном воздействии на эмоциональную сферу аудитории используются структуры, реализуемые в эмоциогенных ситуациях, в том числе в состоянии аффекта [Сулова 1998; Спивак 2000; Мажар 2005 и др.].

Таким образом, выводы разных исследователей, работающих в разных областях лингвистического знания, позволяют сформировать целостное представление о важнейших экстралингвистических и лингвистических факторах, обуславливающих реализацию эмоционального компонента в политической речи, и выявить специфические синтаксические формы, коррелирующие с псевдоаффективной (имитационной) и собственно аффективной составляющими.

Актуальность исследования определяется возрастающей ролью политической коммуникации, характеризующейся высокой степенью манипулятивного воздействия. Выявление механизмов политического общения, дифференциация лингвистических экспонентов при воздействии на рациональную или эмоциональную сферы аудитории, описание и систематизация специфических конструктивных форм, обладающих значительным суггестивным потенциалом, создание рекомендаций по оптимизации способов речевого воздействия, с одной стороны, и распознаванию языковых маркеров суггестологического текста – с другой, представляются важными проблемами современной лингвистики.

Объектом исследования в работе являются деформированные синтаксические конструкции, используемые в политической речи.

Предметом исследования выступает структурно-семантическая специфика высказываний, реализующих эмоциональный компонент значения. Выбор синтаксического уровня языковой системы обусловлен тем, что синтаксические исследования в области аффективной речи предоставляют удобный для анализа инструмент – структурно-семантические классификации ненейтральных, деформированных относительно ядерного инварианта вариантов структурных форм, отражающих особенности протекания эмоциональных процессов [Сулова 1998; Синеокова 2003 и др.].

Материалом для исследования послужили стенограммы предвыборных теледебатов претендентов на пост президента и вице-президента США, размещенных на сайте <<http://www.debates.org/pages>>. Всего было рассмотрено 14 транскриптов теледебатов с 1960 по 2008 гг., в которых приняли участие 12 политических деятелей (Дж. Буш Старший, Дж. Буш Младший, Б. Доул, М. Дукакис, Дж. Картер, Дж. Кеннеди, Дж. Керри, Б. Клинтон, Дж. МакКейн, Р. Никсон, Б. Обама, Дж. Форд). Анализировались 2444 высказывания, отобранные методом сплошной выборки.

Теоретической основой исследования послужили работы исследователей, связывающие реализацию эмоционального компонента с деформированной речью и указывающие на использование элементов речи, реализуемой в состоянии эмоционального напряжения, при сознательном воздействии на эмоциональную сферу аудитории [Юдина 1973; Блох 1976; Носенко 1979; Спивак 1998; Сулова 1998; Синеокова 2003]. Кроме того, исследование базируется на теории Ю.М. Скребнева о дихотомической организации ненейтральной речевой специфики [Скребнев 1971] и теории парадигматического синтаксиса, выдвинутой М.Я. Блохом [Блох 1976]. В основу работы положены также результаты диссертационного исследования Т.Н. Синеоковой, а именно корреляционная классификация структурных форм, реализуемых в эмоциогенных ситуациях [Синеокова 2004].

Цель проводимого исследования заключается в выделении и исследовании специфических синтаксических конструкций, реализующих эмоциональный компонент и его псевдоаффективную (имитационную) и собственно аффективную составляющие в политической речи.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1) разработка критериев выделения жанра политической речи, в котором эмоциональный компонент и его составляющие присутствуют с наибольшей степенью вероятности; обоснование выбора предвыборных теледебатов (далее ПТД) как жанра, в наибольшей степени реализующего эмоциональный компонент и его собственно аффективную и псевдоаффективную составляющие;

2) создание структурно-семантической классификации конструкций, реализуемых в ходе ПТД;

3) сопоставление конструкций, реализуемых в предвыборных теледебатах и аффективной речи (далее АР), с целью выделения четырех групп – тождественных конструкций АР и ПТД, сходных конструкций со структурно-семантическими особенностями в обоих типах речи, специфических конструкций АР и специфических конструкций ПТД;

4) сопоставительный анализ структурных форм ПТД и структурных форм АР, реализуемых в разных типах психологических состояний, с целью выделения *собственно аффективной* и *псевдоаффективной составляющих* эмоционального компонента в ПТД и их языковых экспонентов;

5) рассмотрение статистических характеристик ПТД с целью выделения наиболее частотных структурных признаков, отражающих эмоциональное состояние оратора или намеренно использующихся с целью воздействия на эмоции.

Для решения указанных задач применялись методы конституентного и категориального анализа материала. Кроме того, в исследовании

использовались методики дефиниционного, трансформационного, сравнительно-сопоставительного, интерпретационного лингво-филологического и прагматического анализа. Управление базой данных и математическая обработка проводились средствами приложения Microsoft Access.

Научная новизна исследования состоит:

1) в общем подходе к анализу ораторской речи, эмоциональный компонент воздействия которой базируется на имитации эмоциональной реакции, которую говорящий хочет внушить слушателю; в качестве эффективного способа такой имитации рассматривается использование синтаксических форм, характерных для конструируемого психологического состояния;

2) в выделении жанра предвыборных теледебатов как разновидности политической речи, коммуникативная ситуация которой во многом сближается с ситуацией реализации речи в эмоциогенной ситуации и, следовательно, в значительной степени реализует эмоциональный компонент воздействия;

3) в выявлении синтаксических коррелятов собственно аффективной и псевдоаффективной составляющих эмоционального компонента в политических дебатах.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии принципов парадигматического подхода к изучению синтаксических особенностей ненейтральной речи. Кроме того, использованный в работе метод сопоставительного анализа аффективной речи и политической речи может быть применен в процессе исследования других форм ненейтральной речи. В частности, аналогичным образом могут исследоваться другие виды ораторской речи (например, судебная речь), в которых степень присутствия эмоционального и рационального компонентов воздействия отлична от ПТД. Это может оказаться полезным как для развития лингвистической теории эмоций, так и для теории речевого воздействия.

Практическое значение работы определяется тем, что ее основные положения могут использоваться в преподавании ряда лингвистических дисциплин – в курсах по общему языкознанию, теории коммуникации, теоретической грамматике, теории и практике перевода, стилистике, риторике, специальных курсах и семинарах по психолингвистике и социолингвистике. Полученные результаты также могут найти применение в практике преподавания английского языка для обогащения языковой компетенции учащихся. Результаты работы могут представлять интерес для специалистов по связям с общественностью при разработке и проведении агитационных, пропагандистских и PR-кампаний.

Выражаю огромную благодарность моему научному редактору доктору филологических наук, профессору Т.Н. Синеоковой за неоценимую помощь в разработке теоретической концепции исследования, за внимание и моральную поддержку. Благодарю моих коллег д.ф.н. А.В. Иванова, к.ф.н Т.А. Ненашеву, к.ф.н. В.В. Сдобникова, к.ф.н. К.М. Рябову, к.ф.н. О.А. Лисенкову, Е.И. Беляеву за помощь при работе над монографией. Благодарю д.ф.н. В.Г. Зусмана и д.ф.н. Т.В. Романову за глубокий и всесторонний анализ этой публикации.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Речевое воздействие в политической речи имеет *комплексный* характер, поскольку в основе любого политического выступления лежит стремление оратора воздействовать не только на рассудочную, рациональную, но и эмоциональную сферу слушателей.

Исследования в области политической коммуникации свидетельствуют о том, что дифференцировать эмоциональный и рациональный компоненты воздействия крайне трудно. Проблема заключается и в многожанровости политического дискурса, и в том, что в разных фрагментах одного и того же политического выступления может превалировать тот или иной компонент.

Тем не менее, дифференцированное изучение эмоциональной и рациональной составляющих политического текста, по-видимому, возможно.

В центре внимания многочисленных работ в области политологии [Базылев 1999; Ильин 1997; Ирхин 1996; Казанцев 2001; Сергеев 1987; Сергеев, Сергеев 2001; Сорокин 1999; Шестопал, Новикова-Грунд 1996; Walker 1983], социальной психологии [Спивак 2000; Херадштейт, Нарвесен 1987; Winter, Stewart 1977], когнитивистики [Григорьева 2008; Феденева 1998; Чудинов 2001; Van Dijk 1998], лингвокультурологии [Баранов, Караулов 1994; Караулов, Баранов 1991], собственно лингвистики [Анисимова 2000; Баранов, Караулов 1994; Баранов 2001; Блакар 1987; Вайнрих 1987; Водак 1998; Денисов 1998; Купина 1995; Левин 1998; Паршин 1986; Почепцов 1998; Шаховский 2008], посвященных проблемам структурообразующих признаков политического дискурса [Ноблок 2007; Шейгал 2004], психотехнологий, используемых в политической речи [Герасименко 1998; Гронская 2001; Иванова 2003; Иссерс 1999; Bolinger 1980; De Landsheer 1998], лингвокогнитивным аспектам политического дискурса [Гусева 2006] и многим другим вопросам, неизменно находятся *специфические*

лингвистические средства, направленные на два разных способа восприятия – эмоциональное и рациональное – и манифестирующие, соответственно, реализацию двух разных способов воздействия.

Анализ работ показывает, что проблема дифференциации эмоционального и рационального компонентов в политической речи связана с решением, по крайней мере, двух задач:

- 1) выделением таких коммуникативных ситуаций, в которых эмоциональный компонент присутствует с наибольшей степенью вероятности;
- 2) выделением тех специфических лингвистических единиц, которые реализуют собственно эмоциональный компонент.

Успешность решения второй задачи в значительной степени связана с решением первой. Соответственно, на первом этапе исследования представляется целесообразным рассмотреть различные виды политической речи с точки зрения вероятности присутствия в них (в той или иной степени) эмоционального компонента.

Несомненно, важным при этом представляется вывод исследователей о том, что степень вероятности реализации эмоционального компонента зависит от ряда факторов экстралингвистического характера. К таким факторам относится относительное сходство тех *условий*, в которых реализуется собственно аффективная (отражающая состояние самого говорящего) и псевдоаффективная (воздействующая на эмоции аудитории) речь. Так, например, И.В. Труфанова отмечает, что «для того, чтобы воздействовать на эмоциональную сферу слушающего, необходимо *смоделировать (выделено мной – А.Л.)* в речевом акте стандартную эмоциональную ситуацию, в которой люди (...) испытывают эмоцию» [Труфанова 2003: 60]. То есть искомая ситуация реализации политической речи (с гипотетически большей вероятностью присутствия в ней эмоционального компонента) должна быть сходна с реальной эмоциогенной ситуацией реализации аффективной речи.

При этом важно учитывать, что аффективный компонент политической речи может иметь две составляющие: *псевдоаффективную* – связанную с сознательным моделированием, имитацией эмоций с целью воздействия, и *собственно аффективную* – связанную с выражением психологического состояния говорящего. Соответственно, характерные признаки искомой ситуации реализации политической речи должны свидетельствовать о наличии не только эмоционального компонента в целом, но и двух его составляющих.

Таким образом, задача дифференциации и типологизации специфических языковых средств преимущественного воздействия неразрывно связана с задачей выделения тех жанровых разновидностей политического дискурса, которые в большей степени ориентированы именно либо на эмоциональное, либо на рациональное восприятие. В частности, для анализа лингвистических приемов воздействия на эмоциональную сферу представляется целесообразным выделить разновидность политической речи, в которой эмоциональный компонент превалирует над рациональным.

Для решения этой задачи в настоящей главе рассматриваются следующие вопросы: цель и задачи политического выступления (раздел 1.1); эмоциональный и рациональный компоненты воздействия и факторы, определяющие их соотношение (разделы 1.2 и 1.3); предвыборные теледебаты как жанр политической речи, в значительной степени реализующий эмоциональный компонент (раздел 1.4.2). Кроме того, в главе рассматривается вопрос о структуре эмоционального компонента, реализующего как функцию воздействия на аудиторию, так и функцию отражения эмоционального состояния самого оратора (см. в разделе 1.2) и обосновывается выбор жанра предвыборных теледебатов как разновидности политической речи, реализующей как псевдоаффективную (осознанное воздействие на эмоциональную сферу), так и собственно аффективную составляющую (выражение эмоционального состояния оратора) (раздел 1.4.3).

1.1. Речевое воздействие как основная цель политической речи

Основной целью политической речи является *оказание воздействия* на аудиторию. Речевое воздействие представляет собой изменение интенциональной сферы внутреннего мира человека за счет модификации отдельных фрагментов структуры его знаний [Стернин 2001; Красных 2002; Иссерс 1999; Иванова 2003] или изменения его эмоционального состояния [Труфанова 2003]. Конечным результатом – реализацией мотива – является изменение поведения (в самом широком смысле) *объекта* речевого воздействия (в политической речи – аудитории) в направлении, планируемом *субъектом* речевого воздействия (политиком). Отсутствие такого изменения признается отрицательным результатом речевого воздействия.

Следует иметь в виду, что в политической речи воздействие, оказываемое на аудиторию, должно быть осознанным, в отличие, например, от аффективной речи, одной из целей которой также может быть оказание воздействия на собеседника/собеседников [Блох 2000; Синеокова 2003; Сулова 1998]. Как отмечает Ю.М. Иванова, речевое воздействие в сфере политической коммуникации «выступает не как случайный эффект речи, а как запланированное действие» [Иванова 2003: 13]. Кроме того, при оказании речевого воздействия на аудиторию оратор должен «совершать действия, направленные не только на модификацию фрагментов знания аудитории, но и на нейтрализацию эффекта воздействия речи оппонента» (там же: 14-15).

Оратор может ставить перед собой следующие задачи, зависящие от его собственных интересов и условий коммуникативной ситуации:

- донести информацию до аудитории;
- убедить аудиторию в истинности излагаемых фактов;
- сообщить о занимаемой позиции относительно ряда фактов;
- создать определенный эмоциональный настрой.

Следует отметить, что конкретные задачи могут меняться на протяжении выступления в зависимости от интенций оратора, а при устной реализации политического текста и наличии оппонента и/или прямого контакта с аудиторией – в зависимости от реакции оппонента и/или аудитории. Однако, несмотря на то, что задачи могут меняться, основная цель – оказать воздействие на аудиторию – остается неизменной.

1.2. Эмоциональный и рациональный компоненты речевого воздействия

Как отмечалось выше, воздействие в политической речи оказывается в комплексе как на сознание, так и на эмоции аудитории. Цель речевого воздействия – изменить, трансформировать, модифицировать «картину мира» коммуниканта, которая представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние слушателя [Сергеев 1987: 16]. Воздействие на сознание представляет собой изменение интенциональной сферы внутреннего мира реципиента за счет модификации отдельных фрагментов структуры его знаний, а воздействие на эмоции – за счет изменения его эмоционального состояния.

Следует также иметь в виду то, что на протяжении выступления цель оратора – оказать воздействие на аудиторию – остается неизменной, но способы воздействия – на сознание или на эмоции – могут меняться. На что воздействовать в данный момент (преимущественно на сознание или преимущественно на чувства) – выбор оратора и свидетельство его мастерства.

Если задача оратора – убедить слушателей в истинности излагаемых им суждений, ввести аудиторию в состояние *интеллектуального сопереживания*, то есть совместной мыслительной деятельности, то его инструментом становится логика. При этом неважно, соответствует ли излагаемая мысль действительности или нет, так как при умелой подаче материала ложные

доказательства могут восприниматься слушателями как истинные. В подобном политическом тексте преобладают рациональные и псевдорациональные составляющие [Гусева 2006]. Методы, которыми пользуется оратор – это логические уловки, искажение реальности, заведомо неверные, ложные построения, словесные и логические ухищрения. Как отмечают исследователи, воздействующий субъект не всегда стремится изменить компоненты структуры знания реципиента в полном соответствии со своим знанием. Чаще всего он внушает объекту некоторое смоделированное знание, информационно обедненное (замалчивание фактов), либо содержащее излишнюю информацию (перегружение внимания), либо содержащее сильный акцент на одних компонентах ситуации и упускающее другие (тенденциозное представление фактов), в крайнем случае – ложное [Вайнрих 1987; Иванова 2003].

Если же задача оратора – изменение эмоционального состояния аудитории, залогом успеха, возникновения ситуации *эмоционального сопереживания* является внешняя «эмоциональность» оратора. При этом оратор может либо испытывать, либо не испытывать эмоции по поводу обсуждаемых вопросов. Политическая речь неизменно предполагает, что оратор владеет собой: он либо не испытывает эмоций, либо умело контролирует их. Если говорящий находится в эмоционально нейтральном состоянии при воздействии на эмоциональную сферу слушающих он может умело *имитировать* эмоции¹, используя элементы аффективной речи и аффективного поведения в целом как приемы речевого воздействия [Суслова 1998]. В этом смысле политическую речь можно назвать *псевдоаффективной* [Блох 2000]. Эмоциональность оратора не может выглядеть наигранной, она должна быть естественной, так как ораторская убежденность, пусть и внешняя, в верности того, что он говорит, является залогом установления контакта с аудиторией. Апеллируя к чувствам аудитории, оратор стремится передать

¹ Об имитации и сокрытии эмоций см.: Шаховский 2008; Экман 1999; Ekman, Friesen 1975.

слушателям определенный эмоциональный настрой: вызвать гнев, сочувствие, недовольство и т.п.

В то же время в ряде ситуаций даже самый опытный оратор может сам испытывать определенные эмоции, вызванные, например, резкой критикой со стороны отдельных оппонентов или аудитории в целом. Первостепенной задачей при этом является контролирование собственного эмоционального состояния, т.к. аффективные процессы не должны влиять на осуществление основной цели политической речи – оказания воздействия на аудиторию. Таким образом, контроль за собственным психологическим состоянием, обусловленный спецификой коммуникативной ситуации политической речи, исключает диссоциативное аффективное состояние², которое характеризуется практически запредельным возбуждением (истерика, экстаз и т.п.) или торможением (ступор, транс и т.п.) [Спивак 1998]. Однако, по всей видимости, полностью исключить влияние эмоционального состояния на речь не представляется возможным: оратор может находиться в так называемом пограничном адаптационном, или *поисковом*, состоянии, в котором он стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоциогенных факторов на сознание [Синеокова 2003].

В таблице 1.1 представлены возможные варианты реализации эмоций в политической речи в зависимости от эмоционального состояния оратора.

Табл. 1.1

Варианты реализации эмоций в политической речи в зависимости от эмоционального состояния оратора

Реализация эмоций в речи оратора	Эмоциональное состояние оратора	
	Оратор не испытывает эмоции	Оратор испытывает эмоции
Отсутствие эмоций	+	–
Имитация эмоций	+	–

² Подробнее о состоянии аффекта см.: Леонтьев 1972; Лук 1972; Рогачевский 1984; Симонов 1982; Спивак 1998; Якобсон 1958 и др.

Окончание табл. 1.1

Реализация эмоций в речи оратора	Эмоциональное состояние оратора	
	Оратор не испытывает эмоции	Оратор испытывает эмоции
Контроль эмоций	–	+
Выражение эмоций	–	+

Взаимосвязи между вариантами реализации эмоций и типами оказываемого воздействия в политической речи отражены в таблице 1.2.

Табл. 1.2

Варианты реализации эмоций в политической речи и компоненты речевого воздействия

Реализация эмоций в политической речи	Речевое воздействие	
	Воздействие на эмоции	Воздействие на сознание
Отсутствие эмоций	–	+
Имитация эмоций	+	–
Контроль эмоций	–	+
Выражение эмоций	+	–

Следует иметь в виду, что рассмотренные в табл. 1.2 возможные корреляции между вариантами реализации эмоций в политической речи и типом оказываемого воздействия представляют собой «чистые» ситуации, хотя, безусловно, в реальной политической коммуникации при имитации эмоций воздействие может оказываться в комплексе как на эмоции, так и на сознание аудитории.

Таким образом, *эмоциональность* в политической речи, с одной стороны, является результатом сознательного моделирования эмоциогенной ситуации с целью воздействия на эмоции аудитории, а с другой, – выражением эмоционального состояния самого оратора. Иными словами, эмоциональный компонент в политической коммуникации имеет две составляющие –

псевдоэмоциональную, или псевдоаффективную (воздействие на эмоции), и *собственно аффективную* (отражение психологического состояния оратора).

1.3. Факторы, определяющие соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия

Факторы, влияющие на степень присутствия эмоционального и рационального компонентов речевого воздействия, разнообразны. К ним можно отнести:

- политическое «амплуа» оратора;
- принадлежность оратора к какому-либо политическому течению;
- особенности аудитории;
- наличие прямого контакта с аудиторией или опосредованность коммуникации теле- или радио-эфиром;
- тематику выступления;
- индивидуальный стиль оратора;
- форму (устную или письменную) реализации речи и др. [Бакумова 2002; Гусева 2006; Ушакин 1995; Шейгал 2004].

Воздействие на эмоции и сознание слушающих может иметь разное соотношение в выступлениях политиков с разными **политическими «амплуа»** [Ушакин 1995: 145-146].

Степень представленности эмоционального и рационального компонентов воздействия различается также в выступлениях представителей разных **политических течений** (ср., например, тексты *либералов* и *маргиналов* или *коммунистов*) [Бакумова 2002].

Характерные **особенности аудитории** также влияют на степень присутствия эмоционального и рационального компонентов воздействия. Так отмечается, что тексты леворадикальных партий (например, РНЕ, «лимоновцев») отличаются превалированием эмоционального компонента

воздействия над рациональным. Это объясняется тем, что они изначально создаются в расчете на некритическое восприятие, т.к. адресованы определенной целевой аудитории, заранее настроенной на прочтение подобных агитационных текстов.

Представляется, что выбор между способами воздействия (эмоциональным или рациональным) зависит от *степени критичности аудитории по отношению к оратору*. Во-первых, соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия будет отличаться в выступлениях перед «своей» и «чужой» аудиторией. Политику, выступающему перед «своим» электоратом, нет необходимости рационально обосновывать свою позицию, в отличие от ситуации, когда он вещает перед расширенной аудиторией, среди которой много сторонников оппозиции. При выступлении перед «чужой» аудиторией оратору потребуется не только создание ситуации эмоционального сопереживания для привлечения слушающих на свою сторону, но и средства логики для преодоления критичности аудитории. Как отмечает В.С. Григорьева, необходимость воздействия на рациональную сторону адресата «наступает тогда, когда существует разница в «картине мира» говорящего и «картине мира» слушающего» [Григорьева 2008: 27]. О.А. Гусева, сравнивая обращения Дж. Буша к нации 2001 и 2005 годов, отмечает, что в обращении 2005 года снижается степень присутствия эмоционального компонента в пользу усиления рациональной составляющей: если в 2001 году президент мог опираться на наличие однородной аудитории с высокой степенью внутреннего согласия (нация объединилась в своей ненависти к терроризму после событий 11 сентября), то в 2005 году ему приходится иметь дело с гетерогенной аудиторией, значительная часть которой изначально не склонна соглашаться с оратором (неодобрение народом войны в Ираке) [Гусева 2006].

Во-вторых, степень критичности аудитории зависит также от того, состоит ли аудитория из *политиков*, профессионально владеющих

технологиями воздействия и умеющих их распознавать, или из *неподготовленных* в этом плане *реципиентов*. Выступая перед коллегами, оратор, скорее всего, прибегнет к рациональному способу воздействия, так как аудитория, состоящая из политиков-профессионалов, с легкостью заметит стремление к манипулированию.

Степень присутствия эмоционального и рационального компонентов воздействия зависит от наличия **прямого контакта** оратора с аудиторией **или опосредованности коммуникации** теле- или радио-эфиром. При этом в политической речи, передаваемой в *теле- или радио-эфире*, степень присутствия рационального компонента больше, чем в политической речи, произносимой *непосредственно перед аудиторией*. Во-первых, выступления в эфире редактируются. Во-вторых, наличие прямого контакта с аудиторией подразумевает возможность осуществления двусторонней коммуникации, т.е. аудитория может выражать свои эмоции в виде аплодисментов, смеха, шума, выкриков, свиста, в ряде случаев – вопросов и прямых обращений к оратору, и т.п. Видя непосредственную реакцию слушающих, оратор может варьировать приемы воздействия в зависимости от ситуации и своих интенций. Кроме того, эмоциональность аудитории может передаваться и самому оратору [Сулова 1998]. В этом случае имеет место не только осознанное воздействие оратором на эмоции слушающих, но и выражение эмоционального состояния самого оратора.

На соотношение эмоционального и рационального компонентов влияет также **тематика политического выступления**. Е.И. Шейгал говорит о том, что информативность в парламентских слушаниях превалирует, когда идет рутинная законотворческая деятельность, однако при обсуждении острых политических вопросов доминирует эмоциональный аспект [Шейгал 2004].

Степень присутствия эмоционального и рационального компонентов воздействия также зависит от **индивидуального стиля** оратора, который понимается как своеобразная маска. Например, выступления лидера ЛДПР

В. Жириновского характеризуются ярко выраженной эмоциональной составляющей.

Кроме того, на соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия может влиять **форма реализации** речи. Так, *письменные* политические тексты тяготеют к преобладанию рационального компонента воздействия. Это обусловлено тем, что при восприятии письменной речи реципиенту легче «распознать» манипулятивные интенции автора, чем при восприятии речи на слух. *Устные* выступления в большей степени реализует эмоциональный компонент воздействия.

Приведенные выше факторы, как видим, действительно влияют на степень присутствия эмоционального и рационального компонентов воздействия. Однако в реальной политической коммуникации они выступают в разных соотношениях.

Во-первых, далеко не у всех политиков можно определить «амплуа» и не каждый политик обладает *ярко выраженным* индивидуальным стилем, т.е. характерной, закрепившейся за ним маской. Кроме того, опытный оратор может менять маски в зависимости от характера аудитории, тематики выступления и т.п.

Во-вторых, даже если оратора отличают эти характеристики, они связаны с другими факторами, влияющими на соотношение эмоционального и рационального компонентов:

– одно и то же политическое течение может быть представлено политиками с разными «амплуа»;

– политический деятель, обладающий ярко выраженным индивидуальным стилем, модифицирует свое выступление в зависимости от характера аудитории («свои/чужие», т.е. «единомышленники/оппоненты»; профессиональная аудитория/непрофессиональная аудитория);

– характер аудитории определяет и то, что одна и та же тема может быть раскрыта эмоционально в одном выступлении и рационально – в другом.

Наконец, тематика может варьироваться в ходе политического выступления.

Как видим, рассмотрение выделенных факторов по отдельности не дает возможности обнаружить доминирующий компонент воздействия. Тем не менее, рассмотрение *сочетаний* ряда факторов, вероятно, позволит *выявить такие комбинации, при которых превалирует* рациональный или эмоциональный компонент воздействия.

В таблице 1.3 приводятся факторы, влияющие на соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия, рассматриваются особенности их проявления, а также делаются выводы о возможности выделения доминантного компонента воздействия.

Табл. 1.3

Факторы, определяющие соотношение рационального и эмоционального компонентов речевого воздействия

Факторы	Особенности проявления	Возможность выделения доминантного компонента воздействия
1. Политическое «амплуа» оратора	Не обязательный (факультативный) фактор	—
2. Ярко выраженный индивидуальный стиль	Не обязательный (факультативный) фактор	—
3. Принадлежность оратора к тому или иному политическому течению	Одно и то же политическое течение может быть представлено политиками с противоположными «амплуа» (1) и различным индивидуальным стилем (2)	—
4. Тематика выступления	Одна и та же тема может быть освещена как эмоционально, так и рационально в зависимости от характера целевой аудитории (7); может варьироваться в ходе выступления	—

Факторы	Особенности проявления	Возможность выделения доминантного компонента воздействия
5. Форма (устная или письменная) реализации речи	Устная форма реализации речи тяготеет к преобладанию эмоционального компонента воздействия, письменная – рационального	+
6. Характер контакта с аудиторией (непосредственный, прямой/ опосредованный теле- или радиозфиром)	При прямом контакте оратору предоставляется большая возможность использовать эмоциональный компонент воздействия	+
7. Особенности целевой аудитории («свои» – «чужие»; профессиональная аудитория – непрофессиональная аудитория)	Выступление перед «своей» или непрофессиональной аудиторией предполагает высокую степень вероятности присутствия эмоционального компонента воздействия	+

Анализ рассмотренных факторов позволяет сделать следующие выводы.

1. *Политическое «амплуа»* и ярко выраженный *индивидуальный стиль* оратора (маска) являются необязательными, факультативными характеристиками политической речи и не могут рассматриваться в качестве стабильных доминантных факторов, определяющих соотношение рационального и эмоционального компонентов воздействия.

2. *Принадлежность оратора к тому или иному политическому течению* и *тематика выступления* также не могут рассматриваться в качестве искомым доминантных факторов, поскольку их качественные характеристики в значительной степени зависят от качественных характеристик проявления других факторов («амплуа» политика, целевой аудитории и др.); кроме того, тематика может варьироваться на протяжении выступления.

3. *Форма презентации, характер контакта с аудиторией, особенности воспринимающей аудитории* являются наиболее стабильными характеристиками политической речи. Их конкретные формы строятся на

основе бинарных оппозиций (*письменная/устная* форма презентации, *наличие/отсутствие* прямого контакта с аудиторией, *аудитория-сторонники/аудитория-оппоненты*, *профессиональная аудитория/непрофессиональная аудитория*), каждый член которых обнаруживает корреляционные связи с доминирующим компонентом воздействия – эмоциональным или рациональным.

Степень доминантности рассмотренных факторов относительно компонентов воздействия может быть представлена схематически (см. рисунок 1.1).

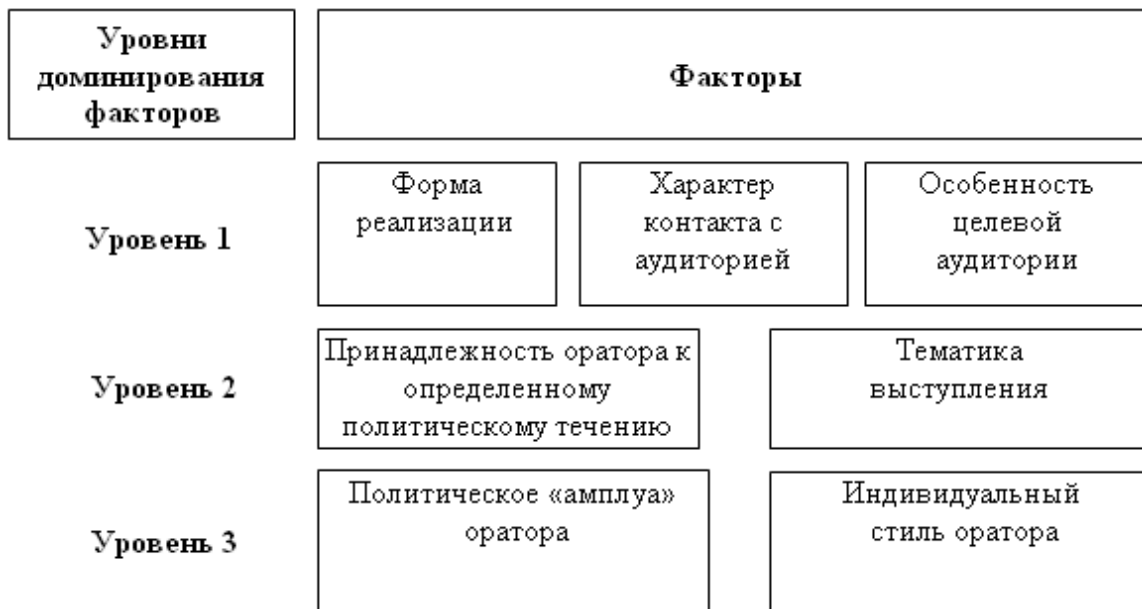

Рис. 1.1. Диаграмма рядов доминантности факторов при определении соотношения рационального и эмоционального компонентов воздействия в политической речи

Возможные варианты *совместной реализации* выделенных факторов лежат в основе такого лингвистического понятия, как *жанр* политической речи. Представляется, что анализ жанров политической речи с точки зрения присутствия в них конкретных проявлений рассмотренных факторов позволит выделить ту жанровую разновидность, в которой степень реализации эмоционального компонента воздействия превышает степень реализации рационального.

1.4. Предвыборные теледебаты как жанр с доминирующим эмоциональным компонентом

Для решения задачи выбора речевого жанра, в котором превалирует эмоциональный компонент, в настоящем разделе рассматриваются вопросы, связанные с общим понятием речевого жанра, критериями описания жанров политической речи, экстралингвистическими особенностями, сближающими предвыборные теледебаты и аффективную речь.

1.4.1. Понятие речевого жанра

Как отмечают исследователи, в настоящее время нет единой типологии речевых жанров [Бахтин 1996; Горошко <<http://www.textology.ru/public/gorsh1.html>>], однако составляются списки, а также описываются критерии, в соответствии с которыми речевые жанры могут быть выделены [Арутюнова 1992; Вежбицкая 1997; Винокур 1990; Гайда 1999; Кожевникова 1979; Пешковский 1928; Скребнев 1994; Шмелева 1997 и др.].

Несомненный интерес с точки зрения поставленной в главе задачи представляет определение речевых жанров М.М. Бахтиным. М.М. Бахтин пишет о том, что для речевого жанра характерны такие признаки, как коммуникативная ситуация, концепция автора и адресата, объем, а также экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация [Бахтин 1996: 458, 496]. Данные признаки могут быть положены и в основу дифференциации жанров политической речи.

– *Коммуникативная ситуация* подразумевает наличие или отсутствие прямого контакта с аудиторией (ср. такие жанры политической речи, как встреча кандидата в депутаты с избирателями и радиообращение). Кроме того, ситуация общения предопределяет и форму реализации речи – устную

или письменную. Так, говорят о письменных и устных речевых жанрах (ср. публичную речь и статью в общественно-политическом печатном органе).

– Для разных речевых жанров характерны различные *отношения между автором и адресатом* и, соответственно, различная степень критичности адресата (аудитории) по отношению к автору (ср. выступление лидера политической партии на партийном съезде и предвыборные теледебаты).

– *Объем* (приблизительная длина речевого целого) может быть различен у речевых произведений разных жанров (ср. лозунг и инаугурационную речь).

– *Экспрессия и экспрессивная интонация* соотносятся с понятием *эмоциональности* речевого произведения. Очевидно, что разным речевым жанрам свойственна различная степень экспрессии и эмоциональности (ср. митинговую речь и отчетный доклад министра перед президентом).

Как видим, рассмотренные в разделе 1.3 факторы влияния на соотношение эмоционального и рационального компонентов в политической речи соотносятся с характеристиками жанров, выделяемыми М.М. Бахтиным. Исключением является лишь объем речевого произведения. В то же время такая характеристика, как экспрессия, позволяет говорить о двух возможных составляющих в самом эмоциональном компоненте – имитационном (псевдоаффективном) и собственно аффективном, отражающим субъективное психологическое состояние говорящего.

Таким образом, в основе разграничения жанров политической речи лежат характерные признаки, позволяющие определить степень присутствия в них эмоционального и рационального компонентов. Представляется, что рассмотрение жанровой специфики политической речи позволит выделить жанр, в наибольшей степени реализующий эмоциональный компонент и его псевдоаффективную и собственно аффективную составляющие.

1.4.2. Критерии выделения теледебатов как жанра, реализующего эмоциональный компонент

Для выделения жанра, в котором степень присутствия эмоционального компонента воздействия превышает степень присутствия рационального компонента, представляется целесообразным рассмотреть выделяемые

Е.И. Шейгал критерии дифференциации политической речи:

- институциональность;
- социокультурный фактор;
- фактор событийной локализации;
- функция;
- субъектно-адресатные отношения [Шейгал 2004].

Поскольку политическая коммуникация может представлять собой не только институциональное (статусно-ориентированное), но и лично ориентированное общение, при градуировании по оси институциональности жанры политической коммуникации можно расположить в последовательности от максимальной неформальности общения до максимальной институциональности/официальности. Классификация жанров политической коммуникации по критерию институциональности может быть представлена следующим образом:

- *разговоры о политике* в семье, с друзьями, с незнакомыми людьми в очереди, со случайными попутчиками, *слухи, анекдоты*;
- самиздатовские *листовки* и *граффити*;
- *телеграммы* и *письма* граждан в знак поддержки или протеста;
- *пресс-конференции*;
- публичные политические *дискуссии*;
- публичные *выступления, речи* политических лидеров;
- *законы, указы* и прочие политические документы;

– *международные переговоры, официальные встречи* руководителей государств.

Анализ факторов, влияющих на соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия, показывает, что степень присутствия эмоционального компонента речевого воздействия превышает степень присутствия рационального компонента при следующих условиях:

- устная форма реализации речи;
- прямой контакт с аудиторией;
- «своя» аудитория;
- непрофессиональная аудитория.

Письменные жанры политической коммуникации не будут рассматриваться ниже как неудовлетворяющие одному из условий, а именно – условию устной формы реализации.

Следует также иметь в виду, что в реальной политической коммуникации выступление перед «своей» аудиторией встречается не так часто. В большинстве случаев аудитория имеет смешанный характер, т.е. состоит как из сторонников, так и из противников оратора (а также неопределившихся). Следовательно, для выделения жанра, в котором степень присутствия эмоционального компонента преобладает, этот фактор не является определяющим.

Кроме того, необходимо отметить, что ориентированность на непрофессиональную аудиторию не исключает вероятность того, что реципиентами политического текста могут быть и профессиональные политики. Важным для целей данного исследования представляется то, что рассматриваемые жанры адресованы преимущественно непрофессионалам, т.е. электорату.

Таким образом, нас интересуют два оставшихся фактора – прямой контакт с аудиторией и непрофессиональная аудитория – в условиях устной реализации. Рассмотрим выделяемые по критерию институциональности

жанры политической речи в соответствии с условиями преимущественной реализации эмоционального компонента речевого воздействия (таблица 1.4).

Табл. 1.4

Институциональные жанры политической речи и факторы, определяющие степень присутствия эмоционального компонента (устная форма реализации)

Жанр политической речи	Прямой контакт с аудиторией	Ориентированность на непрофессиональную аудиторию
1. Разговоры о политике, слухи, анекдоты	+	+
2. Пресс-конференция	–	+
3. Публичные политические дискуссии	+	+
4. Публичные выступления, речи политических лидеров	+	+
5. Международные переговоры, официальные встречи руководителей государств	+	–

Как видим, приведенным выше условиям соответствует ряд рассмотренных по шкале институциональности жанров: разговоры о политике, публичные выступления, публичные политические дискуссии. Однако *разговоры о политике* на бытовом уровне не всегда имеют целью собственно воздействие. Для данного исследования интерес представляет речь профессиональных политиков, осознанно ориентированная на воздействие на массы. *Публичные выступления* зачастую характеризуются наличием прямого контакта с аудиторией и могут быть ориентированы на непрофессиональную аудиторию, однако в данном случае коммуникация носит односторонний характер: речь оратора – монолог, который часто полностью подготовлен заранее. *Публичные*

*политические дискуссии*³, по-видимому, наиболее соответствуют приведенным условиям: устная форма реализации, прямой контакт с аудиторией, ориентрованность на непрофессиональную аудиторию (электорат).

Социокультурная дифференциация жанров политической речи обосновывается неоднородностью групповых субъектов политики в плане ценностных ориентаций и подразумевает наличие социокультурных вариантов политической речи (либерально-критические, оппозиционные, диссидентские тексты и т.п.). Социокультурная стратификация политической речи вряд ли может быть соотнесена с понятием жанра, скорее, с описанным выше понятием политического течения.

Описывая жанры политической речи с точки зрения событийной локализации, Е.И. Шейгал отмечает, что большинство коммуникативных политических событий вбирают в себя несколько речевых жанров: например, партийный съезд охватывает такие жанры, как *доклад, дискуссия, лозунг, резолюция, постановление*.

Каждый из жанров, соотносящихся с тем или иным политическим событием, может быть рассмотрен в соответствии с выделенными факторами влияния. Однако, по всей видимости, корреляционные связи между коммуникативным политическим событием как таковым и преимущественным способом речевого воздействия не могут быть обнаружены, т.к. одно и то же политическое событие реализуется в разных речевых жанрах, для каждого из которых характерно различное сочетание эмоционального и рационального компонентов воздействия (ср. такие жанры, как *доклад* и *дискуссия* в рамках коммуникативного политического события «партийный съезд»).

По характеру ведущей функции жанры политической речи подразделяются на *ритуальные* (*инаугурационная речь, традиционное радиообращение*), *ориентационные* жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (*партийная программа,*

³ Подробнее о публичных политических дискуссиях см.: Рублева 2006.

конституция, отчетный доклад, указ, соглашение), и агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дискуссии/дебаты) [Шейгал 2004].

В таблице 1.5 представлены функциональные жанры политической речи в соответствии с условиями преимущественной реализации эмоционального компонента речевого воздействия.

Табл. 1.5

Функциональные жанры политической речи и факторы, определяющие степень присутствия эмоционального компонента

Функциональные разновидности жанров политической речи	Устная форма реализации	Прямой контакт с аудиторией	Ориентированность на непрофессиональную аудиторию
1. Ритуальные жанры	+	–	+
2. Ориентационные жанры	–	+	–
3. Агональные жанры	+	+	+/-

При рассмотрении функциональных разновидностей жанров политической речи в отношении выделенных факторов влияния обнаруживается, что *ритуальные жанры* характеризует опосредованность коммуникации теле- или радиозфиром, т.е. отсутствие прямого контакта с аудиторией, а *ориентационные жанры* являются преимущественно жанрами письменной речи.

Агональные жанры (жанры вербальной агрессии) в наибольшей степени реализуют эмоциональный компонент воздействия, однако такие их разновидности, как лозунг и рекламная речь могут быть полностью подготовлены оратором заранее и реализуются в форме монолога, не подразумевающего проявления эмоциональной реакции аудитории и влияния этой реакции на эмоциональное состояние оратора. Как отмечает Е.И. Шейгал, жанр политической рекламы является стопроцентно

инсценированным: «существует сценарий и заранее написаны тексты, распределяются роли, проводятся репетиции» [Шейгал 2004: 66]. Особый интерес представляет жанр *парламентских дискуссий/дебатов*, который характеризуется не только устной формой реализации, прямым контактом с аудиторией, но и высокой степенью эмоциональности. Однако адресатом в данном жанре политической речи является аудитория, целиком состоящая из политиков-профессионалов, способных разглядеть манипулятивные интенции оратора при воздействии на эмоции. Данный жанр не может быть рассмотрен как реализующий в наибольшей степени эмоциональный компонент.

Таким образом, в *предвыборных дебатах* в наибольшей степени реализуется эмоциональный компонент, нежели в других функциональных разновидностях жанров политической речи.

Дифференциация по субъектно-адресатным отношениям подразумевает разграничение политической коммуникации, включающей институты, и общение за институтами. В общении, включающем институты, рассматриваются общественно-институциональная коммуникация (инициирована институтом власти и адресована обществу), коммуникация между институтом и гражданином (инициирована институтом власти и адресована отдельным гражданам) и коммуникация между агентами в институтах (инициирована отдельным представителем института власти и адресована другим представителям института власти). Общественно-институциональная коммуникация осуществляется через следующие жанры: *постановление правительства, декрет, закон, лозунг, плакат, публичная речь, радиообращение, указ президента, инаугурационное обращение президента, прощальная речь президента, военная речь, речь об импичменте* [Campbell, Jamieson 1990].

К числу жанров политической коммуникации между институтом и гражданином относятся *телеграммы и письма граждан, обращения к политикам или институтам непосредственно или через масс-медиа, петиции, листовки, наказы избирателей, выступления на митингах.*

Коммуникация между агентами в институтах реализуется в таких жанрах, как *служебная переписка, кулуарное обсуждение, закрытое заседание, переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии/дебаты, круглый стол, послание президента конгрессу, выступление президента на заседании Думы, послание о наложении вето, речь в преддверии импичмента, речь о помиловании, доклад на съезде, партийная программа, программная речь на съезде партии и др.* [Шейгал 2004: 234-236; Campbell, Jamieson 1990]. Данные политические тексты адресованы политикам-коллегам и, следовательно, не соответствуют одному из выделенных выше факторов, а именно ориентированности на непрофессиональную аудиторию.

Поскольку для данного исследования интерес представляет речь профессиональных политиков, осознанно ориентированная на воздействие на непрофессиональную аудиторию (электорат), в соответствии с выделенными факторами влияния рассматриваются жанры общественно-институциональной коммуникации в условиях устной реализации (таблица 1.6).

Табл. 1.6

Общественно-институциональные жанры политической речи и факторы, определяющие степень присутствия эмоционального компонента (устная форма реализации)

Жанр политической речи	Прямой контакт с аудиторией	Ориентированность на непрофессиональную аудиторию
1. Лозунг	+	+
2. Публичная речь	+	+
3. Радиообращение	–	+
4. Инаугурационное обращение, прощальная речь	–	+
5. Военная речь, речь в преддверии импичмента, речь об импичменте	–	+

О жанрах лозунга и публичной речи/выступления в отношении рассматриваемых факторов влияния на доминирующий компонент воздействия см. в данном разделе выше.

Таким образом, рассмотрение классификаций жанров политической речи в соответствии с выделенными факторами влияния на степень присутствия эмоционального и рационального компонентов (формой реализации речи, наличием/отсутствием прямого контакта с аудиторией, а также особенностями воспринимающей аудитории) позволяет сделать вывод о том, что такие жанры, как *предвыборные теледебаты* и *публичные политические дискуссии* в наибольшей степени реализуют эмоциональный компонент.

При сопоставлении коммуникативных ситуаций жанров предвыборных теледебатов и публичной политической дискуссии обнаруживается ряд общих черт: устная форма презентации речи, прямой контакт с аудиторией в телестудии и трансляция в телеэфире, непрофессиональная воспринимающая аудитория. В теледебатах и политической дискуссии принимают участие не только ораторы, но и медиатор-журналист, а иногда и независимые журналисты, задающие ораторам вопросы.

Наряду со сходствами, рассматриваемые жанры обнаруживают и ряд существенных отличий. Это объясняется следующими причинами.

– Роль ведущего в политической дискуссии и предвыборных теледебатах неодинакова. Ведущий политической дискуссии выражает свою точку зрения, комментируя выступления ораторов и подводя итоги, и, тем самым, способствует формированию общественного мнения, в том числе эмоционально обусловленного. Ведущий предвыборных теледебатов предельно объективен, не высказывает своей позиции, а лишь следит за соблюдением регламента участниками теледебатов. Воздействие на аудиторию в данном случае – исключительная прерогатива политиков, выступающих перед аудиторией.

– Роль журналистов, задающих вопросы участникам теледебатов и политической дискуссии, также неодинакова. Журналисты в предвыборных теледебатах остаются нейтральны в отношении выражения собственных взглядов: их задача – с помощью вопросов сделать позицию ораторов наиболее понятной слушателям. Журналисты, присутствующие на политической дискуссии, свободно высказываются по поводу обсуждаемых вопросов.

– Проведение предвыборных теледебатов инициируется таким сверхважным политическим событием, как выборы главы государства, что увеличивает количество воспринимающей аудитории до всей нации. Публичные дискуссии могут инициироваться и менее важными политическими событиями. Их аудитория значительно уже – как правило, это люди, особенно интересующиеся политикой. Воздействие на аудиторию в жанре предвыборных теледебатов более осознанно, поскольку более актуально и необходимо, чем в жанре политической дискуссии.

Таким образом, эмоциональный компонент в предвыборных теледебатах реализуется именно в дискурсе политиков-профессионалов, т.е. в предвыборных теледебатах, в отличие от политической дискуссии, исключается фактор воздействия ведущего, журналистов, приглашенных общественных деятелей, писателей и т.п., который влияет на фактор воздействия на аудиторию собственно политиков.

Кроме того, в предвыборных теледебатах принимают участие, как правило, два участника, выражающие две полярно противоположные политические позиции. Соответственно, целевая аудитория делится по отношению к оратору на две пропорциональные части – «свой» и «чужие» (в том числе неопределившиеся, колеблющиеся). При воздействии на «свой» электорат высока степень присутствия эмоционального компонента воздействия; при воздействии на «чужой» электорат вероятность присутствия рационального компонента воздействия увеличивается, поскольку оказывается недостаточно создать ситуацию эмоционального сопереживания и требуется

прибегнуть к средствам логики. В политической дискуссии может принимать участие больше, чем два оратора, каждый из которых будет защищать свое видение проблемы. Воспринимающая аудитория при этом делится больше, чем на две группы: «свои», «чужие₁», «чужие₂» и т.д. Чем больше «чужих» среди реципиентов, тем выше степень присутствия рационального компонента речевого воздействия. Таким образом, степень вероятности присутствия эмоционального компонента в предвыборных теледебатах выше, чем в политической дискуссии.

Таким образом, из всех рассмотренных жанров политической речи предвыборные теледебаты в наибольшей степени реализуют эмоциональный компонент воздействия.

Исходя из приведенного в преамбуле к главе постулата о специально смоделированной или/и объективной схожести речевых актов в собственно эмоциогенной ситуации и коммуникативной ситуации, основной целью которой является воздействие на эмоциональную сферу аудитории, для подтверждения результатов данного раздела – выделения жанра предвыборных теледебатов как разновидности политической речи, в наибольшей степени реализующей эмоциональный компонент, – представляется целесообразным более подробно сравнить экстралингвистические факторы, определяющие наличие эмоционального компонента в предвыборных теледебатах и собственно аффективной речи, а также выявить путем такого сравнения две составляющие эмоционального компонента воздействующей речи – *собственно аффективную* и *псевдоаффективную*.

1.4.3. Экстралингвистические факторы, определяющие наличие эмоционального компонента в предвыборных теледебатах и аффективной речи

Предвыборные теледебаты являются разновидностью политической полемики во время предвыборной кампании. В США в теледебатах

принимают участие кандидаты на пост президента и вице-президента – двое, иногда трое. Общение между участниками опосредовано: они не вступают в открытый спор, а отвечают на вопросы журналистов – представителей органов СМИ, таких как ABC News, CBS, Wall Street Journal, New Yorker magazine, United Press International, Newsday и т.п. (*panel*) – или ведущего (*moderator*). На ответ отводится определенное время, после чего оппонент имеет возможность его оспорить (*rebuttal*). Участники теледебатов не знают вопросов заранее. Оппоненты, как правило, произносят вступительную (*opening statement*) и заключительную речь (*closing statement*). Очередность выступлений определяется жеребьевкой (*the toss of the coin*). Ведущий следит за соблюдением регламента. Теледебаты обычно проводятся в помещении театра или актовом зале университета, где присутствуют зрители, и транслируются по центральным телеканалам.

Представляется, что речевая ситуация именно предвыборных теледебатов сближается с ситуацией реализации аффективной речи по ряду признаков:

- относительная спонтанность;
- наличие собеседника/собеседников;
- высокая степень эмоциональной насыщенности речи в силу того, что оратору не просто нужно оказать воздействие на аудиторию, но и нейтрализовать эффект воздействия оппонента;
- проявление эмоциональной реакции аудитории;
- влияние аудитории и собеседника/собеседников на эмоциональное состояние самого говорящего.

Рассмотрим параметры, в которых аффективная речь и предвыборные теледебаты пересекаются.

Спонтанность. Спонтанность (пусть и относительная) является характерной чертой как предвыборных теледебатов, так и аффективной речи. Следует отметить, что круг обсуждаемых тем заранее известен участникам

теледебатов, поэтому их выступление, как и в любом другом жанре политической речи, продумано и даже может содержать подготовленные фрагменты, что особенно заметно в приветственной и финальной частях (*opening and closing statements*). Однако оратор не в состоянии предвидеть всех вопросов, которые зададут ему журналисты или ведущий, а также не может предвидеть аргументы, которые приведет его оппонент. Спонтанность может объясняться также тем, что оратор не только стремится воздействовать на эмоции аудитории (псевдоаффективная составляющая), но и сам находится в эмоционально ненейтральном состоянии (собственно аффективная составляющая).

Наличие собеседника. Аффективная речь как разновидность адаптивной деятельности, направленной на максимизацию или минимизацию раздражителя-источника возникновения того или иного эмоционального состояния, как правило, направлена на адресата. Предвыборные теледебаты, в отличие от многих других жанров политической речи, также характеризуются наличием *собеседника*. Собеседник представлен в лице оппонента, журналистов и ведущего. Если задача ведущего и журналистов сводится к тому, чтобы сделать позицию говорящего понятной аудитории, то задача оппонента – выявить ее слабые стороны и, тем самым, нейтрализовать эффект воздействия говорящего на аудиторию (псевдоаффективная составляющая).

Эмоциональная насыщенность выступления. Предвыборные теледебаты, так же как и аффективная речь, характеризуются высокой степенью эмоциональной насыщенности, т.к. задача оратора – привлечь аудиторию на свою сторону, воздействуя на эмоциональную сферу. Оратор может *имитировать* эмоции с целью оказания воздействия на эмоции аудитории. Именно в этом смысле политическая речь вообще (и жанр предвыборных теледебатов в частности) называется рядом исследователей *псевдоаффективной*. Эмоциональность опытного оратора должна выглядеть естественно, т.к. его убежденность в верности того, о чем он говорит, является

залогом контакта со слушателями. Кроме того, оратор может действительно испытывать эмоции по поводу обсуждаемых вопросов (собственно эмоциональная составляющая).

Проявление эмоциональной реакции аудитории и влияние аудитории и собеседника на эмоциональное состояние самого говорящего. В эмоциогенной ситуации собеседник также может находиться в эмоционально ненейтральном состоянии, что находит отражение в его мимике, жестикуляции, речевых характеристиках. Следует отметить, что аудитория, находящаяся в телестудии и подвергающаяся эмоциональному воздействию со стороны оратора, может выражать свои эмоции в виде выкриков, реплик, аплодисментов, смеха, свиста. Реакция аудитории, а также речь собеседника определенным образом влияют на эмоциональное состояние самого выступающего, однако оратор, в отличие от человека, находящегося в состоянии аффекта, всегда контролирует свои эмоции и не позволяет им оказывать деструктивное воздействие на речь. Тем не менее, вероятно, оратору не всегда удастся добиться полного контроля над эмоциями (собственно аффективная составляющая).

Отметим, что ситуация реализации *митинговой речи* так же, как и жанр предвыборных теледебатов, во многом близка ситуации реализации аффективной речи. Степень эмоциональной насыщенности митинговой речи, как правило, даже выше, чем предвыборных теледебатов. Эмоциональная реакция аудитории может быть очень бурной. Однако митинговая речь не всегда предполагает наличие собеседника, вступающего в дискуссию с говорящим, а «мешающие» цели оратора выкрики из зала могут просто игнорироваться, что лишает ее спонтанности. В жанре предвыборных теледебатов говорящий точно так же может не реагировать на негодующие реплики из зала, однако они будут подхвачены и развиты в выступлении оппонента и вопросах журналистов, которые он просто не имеет права оставить без комментария. Кроме того, участники предвыборных теледебатов

не просто профессиональные политики, а кандидаты на пост президента и вице-президента США с большим опытом публичных выступлений и высоким уровнем подготовки и речевой компетенции, что является гарантией того, что элементы аффективной речи используются ими в выступлениях продуманно и осознанно.

Таким образом, вследствие сходства экстралингвистических условий реализации предвыборных теледебатов и аффективной речи, жанр предвыборных теледебатов является жанром политической коммуникации, в наибольшей степени реализующим эмоциональный компонент и две его составляющие – собственно аффективную и псевдоаффективную.

Выводы по главе 1

1. Основная цель политической речи – оказание воздействия на аудиторию. Речевое воздействие осуществляется в комплексе, как на сознание, так и на эмоции аудитории, и, соответственно, включает два компонента – рациональный и эмоциональный.

2. Степень присутствия эмоционального компонента воздействия зависит от целого ряда взаимосвязанных факторов (устной формы реализации речи, наличия прямого контакта с аудиторией, ориентированности на непрофессиональную аудиторию) и неодинакова в разных жанрах политической речи. В наибольшей степени эмоциональный компонент воздействия реализуется в таком жанре политической коммуникации, как предвыборные теледебаты.

3. Эмоциональный компонент политической речи характеризуется, в свою очередь, двумя составляющими: псевдоаффективной, осуществляемой посредством сознательного моделирования эмоциогенной ситуации с целью воздействия на эмоциональную сферу реципиентов, и собственно аффективной, отражающей эмоциональное состояние самого оратора.

4. Факторами, влияющими на вероятность присутствия собственно аффективной составляющей, являются степень подготовленности речи, эмоциональная насыщенность, наличие эмоциональной реакции аудитории и влияние этой реакции на эмоциональное состояние оратора.

5. Сопоставление экстралингвистических условий реализации предвыборных теледебатов и аффективной речи позволяет говорить о том, что предвыборные теледебаты представляют собой жанр политической речи, в наибольшей степени реализующий собственно аффективную и псевдоаффективную составляющие эмоционального компонента.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТАХ

Целью данного исследования является разработка классификации структурных признаков предвыборных теледебатов (далее ПТД), реализующих эмоциональный компонент и его псевдоаффективную и собственно аффективную составляющие. Поскольку языковые элементы, реализуемые в аффективной речи (далее АР), используются оратором с целью эмоционального воздействия на аудиторию [Блох 2000; Мажар 2005; Спивак 2000; Сулова 1998 и др.], синтаксические исследования в области аффективной речи предоставляют удобный для анализа инструмент – структурно-семантические классификации ненейтральных структурных форм [Синеокова 2003; Сулова 1998].

Таким образом, инструментом для анализа в данной работе является классификация деформированных относительно ядерного инварианта вариантов структурных форм, отражающих особенности протекания эмоциональных процессов, разработанная Т.Н. Синеоковой [Синеокова 2003]. Данная классификация, созданная с целью выявления корреляционных связей между основными типами психологических состояний (состоянием *диссоциации*, *поисковым* состоянием и состоянием *эвстресса*, или *апеллятивным* состоянием) и структурными особенностями речи говорящего, обнаружила высокий прогностический потенциал не только относительно психологических состояний, но и пола говорящего, находящегося в состоянии эмоционального напряжения [Лисенкова 2007].

Синтаксические конструкции, реализуемые в АР и ПТД, могут быть объединены в следующие группы.

Специфические конструкции АР. Данные конструкции не зафиксированы в ПТД, что может быть объяснено особенностями речевой

ситуации, свойственной рассматриваемому жанру политической речи (далее ПР).

Тождественные конструкции АР и ПТД. Использование в ПТД конструкций, тождественных конструкциям АР, свидетельствует о стремлении оратора воздействовать на эмоциональную сферу аудитории. Названия признаков данной группы, их описания, иллюстративные примеры полностью заимствуются из классификации, разработанной Т.Н. Синеоковой [Синеокова 2003]. При описании признаков данной группы приводятся также примеры из ПТД.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. Данные конструкции представляют собой структуры АР, модифицированные в речевых условиях ПТД. При рассмотрении признаков данной группы используется терминология, описания, иллюстративные примеры, так же заимствованные у Т.Н. Синеоковой, с дополнениями и примерами из ПТД.

Специфические конструкции ПТД. Использование данных конструкций не зафиксировано в АР; их описание производится впервые.

Следует иметь в виду, что объединение конструкций по выделяемым группам будет производиться на собственно лингвистической основе, поскольку механизм возникновения деформаций в описываемых разновидностях ненейтральной речи различен: в АР деформации подвергаются элементы, находящиеся в центре сознания самого говорящего; в ПТД цель деформации – привлечение внимания слушающего к наиболее важным элементам высказывания.

2.1. Принципы построения структурно-семантической классификации

Поскольку, исходя из задачи исследования, собственно лингвистический классификационный ряд должен строиться с учетом влияния эмоционального состояния говорящего на его речевые характеристики, в качестве точки отсчета рассматривается некое типичное для нейтральной, неаффективной речи «ядерное предложение», характеризующееся четким набором дистинктивных признаков. Под воздействием психологического состояния говорящего признаки ядерного предложения деформируются, в результате чего возникает ряд неких вариантов с новыми признаками, собственно и представляющий собой синтаксическую парадигму АР. В ПТД деформация ядерного предложения может происходить вследствие двух причин – под воздействием психологического состояния оратора (собственно аффективная составляющая) или в результате сознательной имитации эмоций (псевдоаффективная составляющая).

Синтаксическая парадигма АР, являющаяся инструментом для анализа структурной специфики ПТД, представляет собой трехуровневую иерархическую классификацию, первый ряд которой основан на дихотомическом подразделении всей специфики ненейтральной речи на экспликативные и имплицативные формы, второй представляет собой классификационный ряд наиболее общих структурных модификаций эмоциональных форм в рамках выделенных экспликативной и имплицативной реализаций, а третий включает в себя классификационный ряд более частных, «первичных» признаков внутри каждой из модификаций [Синеокова 2003].

Уровень трансформаций. Верхний иерархический уровень представляет собой наиболее общие признаки, которые отличают нейтральную языковую область от ненейтральной и позволяют выявить наиболее характерные связи между ядерным инвариантом и его эмоциональными вариантами. Было использовано дихотомическое подразделение всей коллоквиальной специфики

на экспликационную и импликационную [Скрёбнев 1971]. Ю.М. Скрёбнев доказывает, что экспликация и импликация являются универсальными количественными характеристиками всех без исключения отклонений от нейтральной языковой области. Любое отклонение от нейтрального языкового обозначения, любая специфическая единица, не совпадающая с нейтральной по форме и стилистическому «созначению» (коннотации), демонстрирует действие одной из двух названных соотносительных тенденций – экспликационной или импликационной.

Уровень модификаций. Второй иерархический уровень парадигмы эмоциональной речи строится на основе количественного измерения и последующей градации экспликативных и импликативных форм, которые осуществляются на основе собственно языковых признаков путем их сопоставления с признаками некоторой нейтральной единицы как точки отсчета. В качестве такой единицы может служить выделенное М.Я. Блохом «ядерное предложение», характеризующееся: 1) ограничением состава позиционным минимумом, отражающим лишь обязательные синтаксические позиции; 2) ориентированностью на валентностные подклассы глагола, поскольку личный глагол является организующим центром предложения⁴; 3) строго фиксированным порядком знаменательных позиций от подлежащего через личный глагол к предикативу, дополнению и обстоятельству; 4) максимальной коммуникативной независимостью структуры; 5) стилистически нейтральным характером структуры, соответствующим чистому типу «интеллективной», «рассудочной речи» [Блох 1976: 100]. Последний признак подчеркивает принадлежность перечисленных выше четырех дифференциальных признаков ядерного предложения к

⁴ Представляется целесообразным расширить границы выделенного М.Я. Блохом признака, сформулировав его как признак облигаторности основных синтаксических позиций, и рассматривать отсутствие (эллипсис) ожидаемых – с точки зрения законов нейтральной области языка – элементов как деформацию этого признака [Синеокова 2003].

нейтральной области языка. Изучение вариантов деформации этих признаков позволяет выявить экспликативные и имплекативные формы и построить парадигму основных структурных модификаций деформированной речи и таких ее разновидностей, как АР и ПР (в том числе ПТД).

Уровень модификаций представляет собой классификационный ряд, состоящий из восьми модификаций, возникающих при деформациях признаков ядерного предложения: повтор, материально избыточные элементы, разрывы потенциального синтаксического целого, расшифровка, инверсия, транспозиция, эллипсис и изолированные элементы. Выделенные модификации различаются формами проявления в них экспликационных и импликационных свойств. В одних случаях экспликационная и импликационная тенденции затрагивают конкретные материальные знаки (слова, словосочетания, потенциальные части сложных предложений), в других – структурно-семантические характеристики условий их объединения (порядок следования, слитность или разобщенность, функциональное значение конструкции и т.д.).

Уровень первичных признаков. Классификация первичных признаков проводится в рамках экспликативных и имплекативных модификаций и насчитывает 40 признаков в АР. Различия в структурной специфике АР и ПТД проявляются именно на уровне первичных признаков, следовательно, именно уровень первичных признаков АР является инструментом для анализа синтаксических особенностей ПТД в данном исследовании.

2.2. Первичные структурно-семантические классификационные признаки

В предыдущем разделе были описаны принципы построения иерархической структурно-семантической классификации эмоциональной речи, выделены уровни трансформаций и модификаций, в общем виде обозначен третий иерархический уровень – уровень первичных признаков.

Ниже будут описаны первичные признаки ПТД, в основе выделения которых лежит структурно-семантическая классификация АР. Для удобства анализа, который будет способствовать выделению собственно аффективной и псевдоаффективной составляющих эмоционального компонента, конструкции, реализуемые в ПТД и АР, будут объединены в названные выше группы (специфические конструкции АР, тождественные конструкции АР и ПТД, сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в обоих типах речи и специфические конструкции ПТД).

2.2.1. Экспликативные формы модификаций

2.2.1.1. Повтор

В современной лингвистической литературе большое количество работ посвящено проблемам описания повторов, широко используемых как в разговорной речи в целом, так и в ораторской речи и в такой ее разновидности, как политическая речь, в частности. В существующих классификациях традиционно используются следующие признаки повторов: их дистрибутивные, компонентные, лексико-грамматические характеристики и коммуникативная значимость [Астафьева 1963; Астапова 1975; Блох 1971; Бойцова 1986; Водяха 1993; Волгина 1984; Грибкова 1987; Жучкова 1984; Зернецкий 1983; Змиевская 1978; Кисловская 1975; Кобков 1964; Кутянина 1998; Мальченко 1975; Монин 1977; Николаева 1970; Першикова 1982; Петрова 1996; Погосян 1993; Розанова 1983; Семина 1999; Синеокова 2003; Сквородников 1979; Скребнев 1985; Солодова 1993; Старикова 1976; Трофимова 1981; Aitchison 1994; Allerton 1994; Attridge 1994; Charleston 1960; Giddey 1994; Jucker 1994; Knowles 1979; Nanny 1994; Quirk 1985].

Поскольку корреляционные связи между выделяемыми на основе обозначенных характеристик классификационными группами и психологическим состоянием говорящего прослеживаются лишь в самом общем плане [Кузнецова, Синеокова 2001], для установления соотношений

между типами повторов и эмоциональным состоянием говорящего потребовалось создание новой классификации, основывающейся на самых разнообразных сторонах рассматриваемого явления – от строго формальных структурных признаков повторов до их общей семантической функции. Следует также иметь в виду, что основным критерием классифицирования специфических форм эмоционально речи является их семантическая функция, однако необходимым условием выделения таких форм является возможность их однозначной идентификации на основе жестких формальных характеристик.

Поскольку в основе описания структурных форм ПТД лежит синтаксическая классификация АР, сначала будут перечислены признаки, зафиксированные в АР.

В АР внутри модификации «повтор» (ER⁵) используются следующие структурно-семантические признаки: эхολалический повтор, повтор-подтверждение/отрицание, повтор-подлинный переспрос, артикуляторные персеверации, ложный повтор, повтор-вокатив, повтор-аффектив, повтор-побуждение и фокусирующий повтор⁶.

Как уже отмечалось выше, сопоставительный анализ структурных признаков АР и ПТД позволил выделить следующие группы деформированных конструкций: специфические конструкции АР, тождественные конструкции АР и ПТД, сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в обоих типах речи, специфические конструкции ПТД, не свойственные АР. Рассмотрим следующие группы конструкций подробнее.

⁵ Данное обозначение является кодом модификации в рубрикаторе, используемом при обработке базы данных на основе программы Microsoft Access 2000.

⁶ Импликационные разновидности повтора, функционирование которых связано с переосмыслением значения высказывания, рассматриваются ниже, в разделе «Транспозиция».

Специфические конструкции АР. Специфическими конструкциями АР, не зафиксированными в ПТД, являются повтор-вокатив, повтор-аффектив, эхोलалический повтор, артикуляторные персеверации и повтор-подлинный переспрос.

Повтор-вокатив (ER23⁷) представляет собой обращение говорящего к собеседнику с целью привлечения его внимания с помощью обращений и высказываний типа *Do you hear? You hear him? Did you listen?* и т.п.:

Mr. Naville (screaming, his face stricken with horror). Davy! Davy! (Dad ... dies) (Ribman) [Синеокова 2003: 73-74]

Повтор-аффектив (ER24) вызван стремлением говорящего выразить эмоциональную оценку происходящего. Разновидностями повтора-аффектива являются повторы изолированно употребляемых слов утверждения и отрицания *yes* и *no* и их эквивалентов, а также повторы оскорблений, ругательств и проклятий⁸:

Curio. Yes, yes, yes! (Cameron) [Синеокова 2003: 74]

Как правило, в ПТД эмоциональная оценка выражается с помощью других лексико-грамматических средств, однако в ПТД зафиксирован единичный случай использования повтора-аффектива:

And DeGaulle waved them off and *said*, "No, no, no, no. The word of the president of the United States is good enough for me." (Kerry)

Свидетельством того, что данный специфический признак АР сознательно используется оратором в ПТД с целью воздействия на эмоциональную сферу аудитории, может служить то, что говорящий не сам воспроизводит структуру, свойственную АР, а вкладывает ее в уста цитируемого им политического деятеля. Трудно представить, что ДеГолль действительно мог произнести "*No, no, no, no*". Данный прием может быть

⁷ Данное обозначение является кодом признака в рубрикаторе, используемом при обработке базы данных на основе программы Microsoft Access 2000.

⁸ Повтор-аффектив следует отличать от употребления слов утверждения/отрицания *yes* и *no*, функционирующих в качестве уточняющих материально избыточных элементов (см. раздел 2.2.1.2) или используемых изолированно (см. раздел 2.2.2.1).

назван *псевдоцитированием*. Сам факт использования повтора-аффектива в ПТД как специфической конструкции АР является наглядным примером намеренного употребления элементов АР в ПР с целью оказания эмоционального воздействия на аудиторию.

Эхолалический повтор (ER34) вызван сужением сознания говорящего на эмоционально доминирующем смысловом элементе, заключенном в реплике собеседника, и часто является произвольным и неосознанным:

Miss Mossie. ...And I've brought in a few kind friends to help me.

Mulligan (rising from his chair in blank surprise, and almost echoing Miss Mossie). A few friends to help you? (O'Casey) [Синеокова 2003: 68-69]

Артикуляторные персеверации (ER14) отражают существенные изменения в работе органов речепорождения в состоянии эмоционального напряжения. Физиологические сдвиги, вызванные аффектом, ведут к нарушению дыхания, возрастанию напряженности мышц речевого аппарата, неспособности говорящего управлять ими:

Martha (a howl which weakens into a moan). NOOOOOOoooooo.
(Woolf) [Синеокова 2003: 71]

Повтор-подлинный переспрос (ER35) вызван стремлением говорящего уточнить смысл услышанного. Причиной подлинного переспроса в эмоциональной речи является состояние крайнего удивления, вызванного словами собеседника. Повторной реализации могут подвергаться элемент/элементы или вся реплика собеседника в целом:

Evans (tenderly). Ned told me – the secret – and I'm so happy, dear!

Nina (stammering). Ned told you – what? (O'Neill) [Синеокова 2003: 70]

В ПТД зафиксирован единичный случай употребления повтора-подлинного переспроса:

JENNINGS: The theme that keeps coming up about the way you govern is passionless, technocratic –

Passionless? (Dukakis)

JENNINGS: Passionless, technocratic, the smartest clerk in the world. [Your critics maintain that in the 1960's your public passion was not the war in Vietnam or civil rights, but no fault auto insurance. And they say in the 1970's you played virtually no role in the painful busing crisis in Boston. Given the fact that a president must sometimes lead by sheer inspiration and passion. We need to know if this is a fair portrait of your governing or if it is a stereotype. And if it isn't fair, give us an example of where you have had that passion and leadership that sometimes a president needs?]

Сложность идентификации повтора-подлинного переспроса в данном высказывании вызвана тем, что в этом фрагменте теледебатов, по-видимому, присутствует сбой в транскрипте: Дукакис переспрашивает, журналист поясняет свои слова, далее фрагмент выступления, содержащий ответ оратора, отсутствует. Однако структурные характеристики высказывания (повтор фрагмента реплики собеседника с вопросительной интонацией, отсутствие собственной реплики после переспроса, последующее разъяснение собеседником элемента, вызвавшего удивление), а также причина возникновения – удивление, вызванное употреблением в контексте политического выступления такого эмоционально окрашенного прилагательного, как *passionless* (оратор не просто не понимает и хочет уточнить, а именно удивляется), – указывают на то, что это повтор-подлинный переспрос.

Следует отметить, однако, что в ПТД оратор хорошо владеет материалом, ориентируется в ситуации и, поэтому, вопросы, задаваемые оратору журналистом или комментарии оппонента, как правило, понятны говорящему, не вызывают у него удивления и не требуют дальнейших разъяснений. Поскольку в базе данных ПТД зафиксирован всего один пример повтора-подлинного переспроса, такая низкая представленность признака в ПТД не позволяет отнести его ни к группе тождественных конструкций, ни к

группе сходных конструкций, имеющих особенности в АР и ПТД. На этом основании данный признак отнесен к группе специфических конструкций АР.

Однако, по всей видимости (и это может быть проверено при расширении базы данных), единичное использование повтора-подлинного переспроса в ПТД в принципе возможно. Это может свидетельствовать о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения (поисковом состоянии). Косвенным подтверждением этого может являться наличие большого количества других структурных признаков, характерных для поискового состояния в выступлении данного оратора (см. главу 3).

Тожественные конструкции. Анализ структурных признаков, входящих в модификацию «повтор» в АР и ПТД, показал, что к конструкциям, совпадающим по конструктивным особенностям в АР и ПТД, относятся ложный повтор, тавтологический, сужающий, расширяющий, модифицирующий и смешанный повторы.

Использование *ложного повтора* (ER17) связано с нарушениями интеллектуальной деятельности мозга и с возникающими в связи с этим затруднениями в выборе последующих компонентов высказывания. Повторы в данном случае позволяют говорящему собраться с мыслями, частично заполнить паузы хезитации. Ложный повтор характеризуется контактным расположением повторяемых элементов реплики самого говорящего. По компонентному составу такие конструкции могут представлять собой равнообъемные, суженные и расширенные повторения исходного высказывания:

1) Man (terrified). I... I won't do it again.... (Fugard) [Синеокова 2003: 72]

2) It isn't necessary to – to run America down in order to build her up. (Nixon)

В АР не зафиксировано повторение союзов (*and, that, if*) артиклей, предлогов, частицы *to* перед глаголом в инфинитиве, глагола в инфинитиве, местоимений и существительных, являющихся элементами второстепенных

членов предложения, а также материально избыточных паузозаполнителей⁹. Кроме того, ложный повтор в АР чаще всего встречается в начале предложения. Однако представляется, что эти различия не позволяют отнести данную разновидность повторов к другой группе, поскольку они не затрагивают сам признак, а являются следствием различий в рассматриваемых видах ненейтральной речи: в ПТД предложения более разнообразны по структуре, содержат больше синтаксических позиций. В ПТД говорящий, заполняя паузы хезитации при подборе следующего компонента высказывания, может повторно воспроизвести артикль (1), в АР в аналогичном случае артикль опускается (2):

1) This is a – a typical attitude that really causes havoc in people's lives, and then it's covered over by saying that our country has naturally got a 6 percent unemployment rate, or 7 percent unemployment rate and a 6 percent inflation. (Carter)

2) Serafina (She moves about helplessly, not knowing what to do with her big stricken body.)... Band, band, already – started. – Going to miss – graduation. (Williams) [Синеокова 2003: 72]

Тавтологический повтор (ER18) представляет собой полный повтор слов и словосочетаний внутри предложения и целых предложений:

1) Ben (turning his head sharply to Leo). I'm remembering that. I'm remembering that, Leo. (Hellman) [Синеокова 2003: 78]

2) Now we have a chance. Now we have a chance. (BushS)

Эмфатизации может подвергаться идея количества. При этом дублируются отдельные слова – наречие *very*, существительные, производные от числительных (*millions and millions, billions and billions, hundreds and hundreds* и т.п.), количественные местоимения *much, many*, существительные со значением времени, качественные прилагательные и наречия в нулевой и сравнительной степенях сравнения, глаголы, глагольные постфиксы и т.д.

⁹ О материально избыточных паузозаполнителях см. раздел 2.2.1.2.

Такая разновидность тавтологического повтора характеризуется контактным расположением элементов. Компоненты повтора могут соединяться союзом *and*:

1) Michael. There's whispers an' whispers in that house, upsettin' a man's mind. (O'Casey) [Синеокова 2003]

2) On November second all of you will make a very, very important decision. (Ford)

Следует отметить, что в АР чаще повторяются целые предложения, а в ПТД – отдельные элементы; в АР не зафиксировано анафорическое повторение вводных элементов (1), а также повторение при псевдоцитировании (2). Однако это не дает основания отнести тавтологический повтор к группе сходных признаков со структурно-семантическими отличиями, поскольку описываемые различия относятся не к самому признаку, а, по-видимому, являются отражением специфики рассматриваемых типов речи:

1) I think we have to demonstrate some flexibility and I think the FDA is attempting to do so now in trying to make it possible for new and experimental drugs to be available to people who are at risk at AIDS and I would hope that we could bring that kind of a policy to bear beginning in January. (Dukakis)

2) When the Secretary General Kofi Annan offered the United Nations, he *said*, "No, no, we'll go do this alone." (Kerry)

Сужающий повтор (ER19) характеризуется элиминированием элементов при вторичной реализации высказывания:

1) Mother (her tension breaking out). Suddenly he takes an airplane from New York to see him. An airplane! (Miller) [Синеокова 2003: 78]

2) If you're a small business person and you don't insure your employees, Sen. Obama will fine you. Will fine you. (McCain)

Расширяющий повтор (ER20) характеризуется введением новых элементов при повторной реализации высказывания:

Feelim (startled). Here? Do this ghostly dancers assemble here?
(O'Casey) [Синеокова 2003: 78-79]

Функция расширяющего повтора – уточнение или эмфатизация наиболее важных элементов высказывания:

And so, today, we are 90 percent of the casualties and 90 percent of the cost: \$200 billion – \$200 billion that could have been used for health care, for schools, for construction, for prescription drugs for seniors, and it's in Iraq. (Kerry)

Расширяющий повтор следует отличать от сочетания тавтологического повтора с обращениями или вводными элементами (см. раздел 2.2.1.2).

Модифицирующий повтор (ER31) характеризуется заменой смысловых элементов при повторе с помощью словарных или контекстуальных синонимов, репрезентации и субституции:

Mulligan (he suddenly stiffens). She had no handbag! She never had a handbag! (O'Casey) [Синеокова 2003: 79]

Функции модифицирующего повтора – уточнение за счет замены элементов (1) и эмфатизация наиболее важных элементов за счет синонимической замены (2), градации (3):

- 1) They were ignored. The Vice President ignored them. (Dukakis)
- 2) We've done about all, we are the reform party, the Republican Party. (Dole)
- 3) These programs have been cut and slashed and butchered, and they've hurt kids all over this country. (Dukakis)

Смешанный повтор (ER32) характеризуется наложением упомянутых признаков (ER18+ER19; ER18+ER20; ER18+ER31; ER19+ER20; ER19+ER31; ER20+ER31) в одном высказывании:

1) Serafina (in a fierce whisper). I will go back in the house and smash the urn with the ashes – if you do not tell me! I will go mad with the doubt in my heart and I will smash the urn and scatter the ashes – of my husband's body! (Williams)
[Синеокова 2003: 79]

2) The fact happens to be that education spending is up by the federal government; it is up. It is not down. (BushS)

Особой разновидностью смешанного повтора в ПТД является дистантный повтор союза *that*, вводящего придаточное изъяснительное или определительное аппозитивное. Повтору предшествуют уточняющие элементы – инвертированные обстоятельства, в т.ч. выраженные придаточными предложениями, уточняющие материально избыточные элементы (см. раздел 2.2.1.2):

I believe that if we can tap the tremendous untapped reservoir of innate strength in this country, that we can once again have a government as good as our people, and let the world know what we still know and hope for – that we still live in the greatest and the strongest and the best country on earth. (Carter)

В АР не зафиксировано использование такой разновидности смешанного повтора, однако это не может служить основанием для отнесения данного признака к другой группе, поскольку это отличие не касается сути самого признака, а является следствием специфики ПР: в ПТД предложения имеют развернутый характер, могут содержать сочинительные и подчинительные части.

Смешанный повтор следует отличать от антиципационных конструкций (см. раздел 2.2.1.4). Маркером смешанного повтора может служить повторение элементов исходного высказывания:

And, yet, after sitting through meeting after meeting, he endorsed that decision, endorsed the sale of arms to the Ayatollah in exchange for hostages, one of the most tragic, one of the most mistaken foreign policy decisions we've ever made in this country and I dare say encouraged others to take hostages as we now know. (Dukakis)

Тавтологический, расширяющий, сужающий, модифицирующий и смешанный повторы могут быть объединены в общую группу *фокусирующий повтор*, который реализуется в ситуациях, когда говорящий сознательно или неосознанно подвергает повтору элементы, являющиеся для него

эмоциональной доминантой. Эмоциональная доминанта, находящаяся в фокусе сознания говорящего, может быть выражена любыми компонентами предложения. В данную группу включены те типы высказываний, которые не могут быть квалифицированы в рамках семантических функций, присущих другим разновидностям повтора. Это не означает, что группа образована по остаточному принципу: выделение данной группы было продиктовано задачей установления корреляционных связей речевых характеристик с психологическим состоянием говорящего [Синеокова 2003]. В то же время эта группа представляет особый интерес вследствие достаточной разнородности характеризующих ее формальных (дистрибутивных, конструктивных и лексических) признаков, что, собственно, и является ее отличительной чертой. Разновидности фокусирующего повтора следует отличать от ложного повтора, причина появления которого – поиск нужного слова, а не привлечение внимания слушающего к наиболее важным элементам высказывания.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. Анализ высказываний с повторами показал, что к данной группе можно отнести следующие структурно-семантические разновидности: повтор-подтверждение/отрицание и повтор-побуждение.

Повтор-подтверждение/отрицание (ER37) представляет собой повтор реплики собеседника или ее фрагмента с целью выражения эмоционального – положительного или отрицательного – отношения к услышанному. При этом нередко происходит элиминация, субституция или репрезентация элементов исходного высказывания. Эмоциональная оценка в построениях такого рода выражается эксплицитно с помощью утвердительного и отрицательного слов *yes/no*, а также их эквивалентов – вводных слов и предложений (*definitely*,

never, that's right и др.). В качестве повтора-подтверждения может выступать формально отрицательное предложение¹⁰:

Father de Leo. No, you are not a woman, you are an animal.

Serafina (striking her wrists together). Yes, it's me, it's me! (Williams)
[Синеокова 2003: 69]

Часть высказываний, содержащих повтор-подтверждение/отрицание, обнаруживает полное совпадение в употреблении признака с AP:

[BUSH J: No, the way to win this is to be steadfast and resolved and to follow through on the plan that I've just outlined.]

Yes, we have to be steadfast and resolved, and I am. (Kerry)

Остальные высказывания отличаются от аналогичных в AP по лексическому наполнению, дистрибутивным характеристикам и т.д. Так, в ПТД в качестве эквивалентов слов утверждения и отрицания могут использоваться элементы *That's right, That's the point I made, It's true, I doubt* и др., усилительное *do*:

1) [MASHEK: Well, Governor, you did select Lloyd Bentsen of Texas.]

I did indeed. (Dukakis)

2) [CLINTON: Well, let me say, first of all, in February Senator Dole acknowledged that the American economy was in the best shape it's been in in 30 years. LEHRER: Senator Dole.]

I doubt that I acknowledged that this year. (Dole)

Особой разновидностью повтора-подтверждения/отрицания в ПТД, не зафиксированной в AP, является использование прямой речи при цитировании (или псевдоцитировании) (1) и косвенной речи (2). Последующая реплика-повтор при этом содержит эмоциональную оценку говорящим слов цитируемого. Маркерами повтора-подтверждения/отрицания при этом могут являться такие конструкции, как *He suggested that, He said that*:

¹⁰ Повтор-подтверждение/отрицание следует отличать от повтора-аффектива (см. данный раздел выше), в котором дублированию подвергаются элементы реплики самого говорящего.

1) You cannot lead the war on terror if you keep changing positions on the war on terror and say things like, "Well, this is just a grand diversion." It's not a grand diversion. This is an essential that we get it right. (BushJ)

2) Well, you know, Sen. McCain, in the last debate and today, again, suggested that I don't understand. It's true. There are some things I don't understand. (Obama)

В отличие от АР, где повтор-подтверждение/отрицание характеризуется контактным расположением иницирующей и дублирующей реплик, в ПТД данная структурная разновидность может иметь как контактный, так и дистантный характер.

Наличие «совпадающих» в реализации признака высказываний в АР и ПТД позволяет отнести данный признак к группе использующихся в АР. Структурно-семантический анализ высказываний, в которых данный признак используется с отличиями в АР и ПТД, дает основания говорить о том, что эти различия не являются признакообразующими, т.е. не делают рассматриваемый признак специфичным для ПТД. Таким образом, повтор-подтверждение/отрицание используется в ПТД, но с некоторыми структурно-семантическими отличиями.

Повтор-побуждение (ER29) отражает стремление говорящего к волеизъявлению и реализуется через многократное повторение различного рода побуждений. В АР в качестве повтора-побуждения может выступать повтор любого глагола в повелительной форме. Наиболее часто встречаются повторы *don't, stop, leave, get out, go away, tell*, модальных глаголов в отрицательной форме, слова *please*:

Easter. Sam. Give me some money. Please. Sam. Please. (Hellman)
[Синеокова 2003: 76-77]

В рассматриваемом виде ПР нет прямых призывов, т.е. волеизъявлений, выраженных глаголами в повелительном наклонении. В качестве повтора-побуждения в ПТД может выступать повторное воспроизведение структур с

Let's... (1), модальными глаголами и их эквивалентами (2), побуждение при псевдоцитировании (3), дублирование контактоустанавливающих материально избыточных элементов глагольного типа (см. раздел 2.2.1.2) (4):

1) Let's give low income parents the same right that people of power and prestige have in America and let them go to better schools. Let's not, let's help, let's turn the schools back to the teachers and back to the parents and take it away from the National Education Association. (Dole)

2) We have to keep Americans' taxes low. All Americans' taxes low. Let's not raise taxes on anybody today. (McCain)

3) So what's *the message* going to be: "Please join us in Iraq. We're a grand diversion. Join us for a war that is the wrong war at the wrong place at the wrong time?" (BushJ)

4) Look – look, it's not that hard to fix Social Security, Tom. (McCain)

Использование повтора-побуждения в ПТД своеобразно, однако цель дублирования такая же, что и в АР – выражение волеизъявления, – что позволяет включить его в группу сходных конструкций с лексико-грамматическими особенностями, употребляемых в обоих типах речи.

Специфические конструкции ПТД. Как уже отмечалось выше, употребление конструкций этой группы не зафиксировано в АР. Их описание производится впервые. К специфическим конструкциям ПТД, входящим в модификацию «повтор», относятся повтор-противопоставление, корректирующий повтор и артикуляторная редупликация.

Повтор-противопоставление (ER33) состоит из двух синсемантических частей, одна из которых отрицательная, а другая – утвердительная¹¹. Функция повтора – эмфатизация одной из частей высказывания (чаще – утвердительной). При этом иницирующая реплика подвергается частичному дублированию с лексико-грамматической модификацией:

¹¹ Наличие повтора-противопоставления зафиксировано также в такой разновидности ораторской речи, как судебная речь [Антонова 2010].

And it's my proposal, it's not Sen. Obama's proposal, it's not President Bush's proposal. (McCain)

Повтор-противопоставление может содержать грамматикализованную конструкцию *not only ... but also*:

We also have to have in mind something else with regard to this whole situation in the world, and that is: that as America moves forward, we not only must think in terms of fighting Communism, but we must also think primarily in terms of the interests of these countries. (Nixon)

Использование *корректирующего повтора* (ER41) в речи оратора связано с осознанной необходимостью самокоррекции. Корректирующий повтор возникает при оговорке, когда говорящий, увлеченный предметом своего выступления, оговаривается, а затем, заметив ошибку, исправляет ее. При этом, оговорка может заключаться в лексической (использование неверного слова) (1), фонетической (произнесение неверных звуков) (2) или грамматической (например, неправильное использование артикля или использование неверной глагольной формы) (3) ошибке. С точки зрения лексического наполнения, повтор является вариативным¹²:

1) We passed a bill again this year in the Cong- in the Senate and it died in the Rules Committee of the House of Representatives. (Kennedy)

2) Where I've been critical of the Administration's policy, and where I criticized Mr. Nixon, was because in his press conference in Havana in 1955, he praised the competence and stability of the bicta- bict- Batista dictatorship – that dictatorship had killed over twenty thousand Cubans in seven years. (Kennedy)

3) And yet he condemns the vetoes that I have made that has – that have saved the taxpayer \$9 billion and could have saved an additional \$13 billion. (Ford)

¹² Корректирующий повтор не зафиксирован в АР. По всей видимости, это объясняется тем, что человек, находящийся в состоянии аффекта, следит за правильностью речи в гораздо меньшей степени, чем выступающий перед аудиторией оратор.

Кроме того, корректирующий повтор может возникнуть в ситуации, когда мыслительные процессы опережают речь: говорящий пропускает очередной компонент высказывания, произнося следующий, но тут же осознает коммуникативный сбой и произносит пропущенный элемент:

I've been fighting for proliferation the entire time – anti-proliferation the entire time I've been in the Congress. (Kerry)

Корректирующий повтор также может возникнуть при поиске следующего элемента высказывания, когда говорящий подбирает нужное слово, при этом произнося отдельные звуки, слоги, начало слова. Внешне этот поиск выглядит как спотыкание, или запинание:

Here a CCC type program would be appropriate to channel money into the ah - cha- in - in into the sharing with the private sector and also local and state governments to employ young people who are now out of work. (Carter)

Корректирующий повтор следует отличать от ложного и расширяющего повторов, при которых говорящий не совершает речевой ошибки.

Корректирующий и ложный повторы могут встречаться в рамках одного высказывания:

If we assume the ah – uh – a rate (ER41: неправильный артикль) of growth of our economy, equivalent to what it was during President Johnson, President Kennedy, even before the – the – the (ER17) – uh *Wa uh – Vietnamese- namese* (ER41: фонетическая ошибка – «проглатывает» слог) *War* (ER41: пропуск элемента *Vietnamese*), and if we assume that at the end of the four-year period we can cut our unemployment rate down to 4 to 4 and a half percent – under those circumstances, even assuming no elimination of unnecessary programs and assuming an increase in the ad- in the allotment (ER41: лексическая ошибка) of money to finance programs, increasing as the inflation rate does – my economic projections, I think confirmed by the House uh – and the Senate committees, have been with the \$60 billion extra amount of money that can be spent in fiscal year '81 which will be the last year of this next term. (Carter)

Артикуляторная редупликация (ER15) вызвана разрегуляцией артикуляционного аппарата на механическом (моторном) уровне, ведущей к пролонгации отдельных звуков. Артикуляторной редупликации подвергаются начальные звуки и слоги слов. Она характеризуется контактным расположением дублируемых элементов, представляет собой расширенное повторение исходного элемента:

We have recommended that in the h- housing program we can reduce down payments and moderate monthly payments. (Ford)

Артикуляторную редупликацию следует отличать от артикуляторных персевераций, отражающих существенные изменения в работе органов речепорождения, возникающих под воздействием эмоций в АР (см. данный раздел выше), расширяющего и корректирующего повторов, а также от намеренного форсирования звуков.

Кроме того, артикуляторную редупликацию следует отличать от ложного повтора. При артикуляторной редупликации не происходит интеллектуальных сбоев, а речевые нарушения носят чисто артикуляционный, произносительный характер. В ряде случаев средством дифференциации этих двух признаков служит контекст. В следующем примере имеет место артикуляторная редупликация, т.к. повтор звука совершается говорящим дважды в одном фрагменте выступления. Это позволяет сделать вывод о том, что ему известны дальнейшие компоненты высказывания, но у него возникают определенные фонетические (артикуляционные) трудности при произнесении некоторых слов:

You can't tell me that a surplus food distribution of five cents po- per person – and that n- nearly six million Americans receiving that – is adequate. (Kennedy)

В следующем примере имеет место ложный повтор. Это становится очевидным при рассмотрении контекста: во время выступления говорящий постоянно делает паузы, необходимые для подбора следующего компонента высказывания:

I – I accomplished this with s – substantial reductions in employees in some departments. (Carter)

Таким образом, в результате дифференциации группы «повтор» был получен ряд, включающий следующие структурно-семантических признаки, употребляемые в ПТД: повтор-подтверждение/отрицание, корректирующий повтор, повтор-побуждение, тавтологический, расширяющий, сужающий, модифицирующий, смешанный повторы, повтор-противопоставление, артикуляторная редупликация и ложный повтор. Кроме того, в рассмотренных теледебатах зафиксированы единичные случаи употребления повтора-подлинного переспроса и повтора-аффектива.

В таблице 2.1 приводятся структуры, входящие в группу «повтор» в ПТД и в АР.

Табл. 2.1

**Употребление структур,
входящих в группу «повтор» в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
<ul style="list-style-type: none"> – ложный повтор (ER17) – тавтологический повтор (ER18) – сужающий повтор (ER19) – расширяющий повтор (ER20) – модифицирующий повтор (ER31) – смешанный повтор (ER32) 	<ul style="list-style-type: none"> – повтор-подтверждение/отрицание (ER37) – повтор-побуждение (ER29) 	<ul style="list-style-type: none"> – повтор-противопоставление (ER33) – корректирующий повтор (ER41) – артикуляторная редупликация (ER15) 	<ul style="list-style-type: none"> – повтор-вокатив (ER23) – повтор-аффектив (ER24) – эхололический повтор (ER34) – артикуляторные персеверации (ER14) – повтор-подлинный переспрос (ER35)

2.2.1.2. Материально избыточные элементы

Существует большое количество работ, посвященных проблемам описания элементов, осложняющих структуру предложения [Ашмарина 1999; Велтистова 1964; Водяха 1993; Гаибова 1973; Гедминайте 1984; Глаголев 1967; Гусаренко 1999; Дудорова 1994; Жученко 1973; Златопольский 1981; Кобрина 1975; Колыхалова 1983; Костюк 1985; Котляр 1962; Лашкевич 1984; Леонович 1999; Малявин 1963; Нахапетова 1986; Обухова 1990; Онищук 1998; Плоткин 1958; Полищук 1988; Пономаренко 1991; Почепцов 1989; Романовская 1979; Скребнев 1955; Солодовник 1972; Стунгене 1974; Татакаева 1989; Фенова 1984; Чернов 1998; Чумакова 2001; Jespersen 1940; Rence 1947; Routsma 1929]. Наиболее дискуссионным является вопрос о том, каковы отношения между включающим предложением и вводной синтаксической единицей.

Представляется, что такие особенности вводных элементов, как их изолятивно-коммуникативный по отношению к включающему предложению статус, грамматическая и семантическая несовместимость с характеристиками тех членов предложения (или придаточных предложений), позицию которых они занимают, позиционная вариативность, особое интонационное (и пунктуационное) оформление, позволяют говорить о том, что они являются избыточными, экспликативными – с точки зрения ядерного предложения – компонентами.

В рамках модификации «материально избыточные элементы» (ЕМ) в АР функционируют следующие структурно-семантические признаки: материально избыточные аффективы, материально избыточные вокативы, контактоустанавливающие материально избыточные элементы и уточняющие материально избыточные элементы.

Специфические конструкции АР. Не зафиксированы.

Тождественные конструкции. Не зафиксированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной группе относятся все используемые в АР разновидности модификации.

Материально избыточные аффективы (EM01) включают в себя междометия и междометные фразеологизмы, *эксплетивы* (1) и *обращения-аффективы* (несобственно обращения) (2):

1) Tyrone (losing his temper). But if I did it, you know damned well who'd weep and plead for you, and excuse you and complain till I let you come back. (O'Neill)

2) Willy (furiously). You big ignoramus, if you say that to me again, I'll rap you one! (Miller) [Синеокова 2003: 85-86]

В ПТД не зафиксировано использование эксплетивов и обращений-аффективов, входящих в данную группу, что может быть объяснено тем, что аффективное содержание данных элементов преобладает над их предметно-логическим содержанием. Однако материально избыточные аффективы в ПТД могут быть выражены *междометиями* и *междометными высказываниями*, являющимися общепризнанным универсальным средством передачи эмоционального значения. Функционируя в предложениях, где все смысловые акценты расставлены, данные элементы играют роль интенсификаторов эмоционального значения и носят избыточный характер. Их использование в ПТД имеет ряд особенностей. В отличие от АР, где используется большое количество разных междометий и междометных высказываний, в ПТД их употребление ограничивается лишь небольшим списком¹³. Ниже приводится перечень междометий, зафиксированных в анализируемых ПТД.

Использование междометия *oh*. Междометие *oh* является стилистически нейтральным, т.к. функционирует как универсальный индикатор эмоций [Скребнев 1994]. Однако его использование в высказывании является

¹³ Частотность употребления признаков в АР и ПТД и причины возможных различий рассматриваются в Главе 3.

отклонением от структуры нейтрального предложения. В ПТД междометие *oh* используется намеренно для усиления эмоциональной составляющей:

[LEHRER: ... talking about the truth of the matter. He used the word "truth" again. Did that raise any hackles with you?]

Oh, I'm a pretty calm guy. (BushJ)

Использование междометных высказываний *for heavens sake, god forbid, thank goodness* и т.п.:

Sometimes people feel a little uncomfortable talking about this, but it's much clearer for me now. As I've seen abortions sometimes used as a birth control device, for heavens sakes. (BushS)

Использование вопросительных слов в функции междометий:

Why that's more than the average teacher makes. (Dukakis)

В ПТД возможно намеренное использование междометий при псевдоцитировании для достижения стилистического эффекта иронии в отношении оппонента:

Now what greater admission is there, 16 months afterwards. "Oops, we haven't done the job. We have to start to spend the money now. Will you guys give us permission to shift it over into training?" (Kerry)

Материально избыточные вокативы (EM02) в AP и ПТД представлены собственно обращениями, семантической функцией которых является апелляция к собеседнику:

Michael (frantically...). Not me, man, not me! (O'Casey) [Синеокова 2003: 86-87]

В ПТД оратор может обращаться к своему оппоненту, называя его имя (*Bob, Mike*), фамилию (*Mr. Bush*), должность (*Governor, Senator*), должность и фамилию (*President Ford*), ведущему теледебатов или журналисту, задавшему вопрос по имени или фамилии (*John, Mr. Lehrer*), аудитории (*ladies and gentlemen, folks, my friends, the people of this country, my fellow Americans, deer voters, America* и т.п.). При этом обращения к аудитории и ведущему типичны

во вступительных и заключительных речах при этикетной выражении благодарности:

I've got some news, Sen. Obama, the news is bad. (McCain)

Обращения в ПТД могут также использоваться при псевдоцитировании. Вместо того, чтобы прибегнуть к косвенной речи, оратор использует прямую речь. Однако такого рода построения в ПТД не являются настоящими (дословными) цитатами. Обращения в таких высказываниях не адресованы ни аудитории, ни собеседнику, т.е. не являются собственно обращениями, а употребляются с целью привлечения внимания. Таким образом, материально избыточные вокативы намеренно используются в ПТД как прием воздействия в конструкциях с псевдоцитированием:

When Senator Dole made that remark about all the elitists, all the young elitists in the administration, one of the young men who works for me who grew up in a house trailer looked at me and *said*, Mr. President, I know how you grew up, who is he talking about. (Clinton)

Примечательно то, что, наряду с этикетными обращениями к оппоненту, журналистам, ведущему и аудитории (*Mr. President, Governor, Senator McCain, Mr. Lehrer, ladies and gentleman*), оратор может использовать обращения, имитирующие разговорно-бытовое общение (*Bob, guys, folks* и т.п.).

В ПТД, в отличие от АР, не зафиксировано использование местоименного обращения *you*:

Mum (rushing at John): Don't you dare say things like that in my house! (Pinner) [Синеокова 2003: 86]

Контактоустанавливающие материально избыточные элементы (EM04) выполняют функцию привлечения внимания собеседника к собственному высказыванию. К *глагольным* контактоустанавливающим материально избыточным элементам можно отнести реализуемые в составе предложения *you know, you see, see, look, listen, say, believe me, I'll tell you, I'll bet you*:

1) Dickon (he picks up a sheet of graph paper which he thrusts under Jennie's nose). Look, I'll show you the proof of my efforts! Here on this graph paper! (Pinner) [Синеокова 2003: 87]

2) You know, he said some time ago, he said he would forgo his tax increases if the economy was bad. (McCain)

Данные контактоустанавливающие конструкции могут занимать любое место в предложении¹⁴.

С целью имитации разговорно-бытового общения в ПТД может использоваться реализуемый в составе предложения контактоустанавливающий элемент *hey*, зафиксированный также и в АР:

Hey, I'll answer the question. (McCain)

Используемые для привлечения внимания контактоустанавливающие элементы *now*, *here*¹⁵ и *well*¹⁶ употребляются как в АР, так и в ПТД:

1) Feelim (madly). Well, look here, tell Farmer Frome that it'll be hours yet, days, maybe weeks even, before I can give him a hand with the Egg Inspector's report, or the Butter Inspector's report, or the Warble Fly Inspector's report. (O'Casey) [Синеокова 2003: 87]

2) Now, Sen. McCain and I do agree, this is the greatest nation on earth. (Obama)

¹⁴ Следует отличать контактоустанавливающий материально избыточный элемент *you know* в составе предложения от *You know what?*, реализуемого изолированно с вопросительной интонацией и следующей за ним расшифровывающей ответной части, а также контактоустанавливающий материально избыточный элемент *I'll tell you* от антиципационной конструкции *I'll tell you what* с последующей расшифровывающей частью (см. раздел 2.2.1.4).

¹⁵ До последнего времени элементы *now* и *here* в АР не рассматривались как контактоустанавливающие материально избыточные элементы. Уточнение классификации произведено Е.И. Беляевой [Беляева 2009].

¹⁶ *Now*, *here*, *well* представляют собой многозначные парентезы. Они могут функционировать как контактоустанавливающие, уточняющие материально избыточные элементы и паузозаполнители. Материально избыточное употребление этих элементов следует отличать от случаев с инверсией, где *now*, *here* – наречия времени и места (см. раздел 2.2.1.5). Кроме того, материально избыточное употребление *now* следует отличать от высказываний, начинающихся с *and now* – союза, вводящего потенциально сочиненное предложение (см. раздел 2.2.2.3).

3) And in the middle of the discussion, to tell them about the missiles in Cuba, he said, "Here, let me show you the photos." (Kerry)

В АР данные элементы реализуются, как правило, в начале предложения. В ПТД они могут использоваться также в середине высказывания в следующих случаях:

- при псевдоцитировании в начале цитаты;
- в начале ответной реплики в вопросно-ответном единстве;
- в начале расшифровывающей части в конструкциях с антиципацией после разрыва;
- при разрывах (в начале нового высказывания), когда говорящий не заканчивает исходное высказывание, а меняет его на новое.

Уточняющие материально избыточные элементы (EM05) либо выражают пояснение, добавление, разъяснение сказанного самим говорящим, либо эксплицитно уточняют эмоциональное отношение говорящего к услышанному. Употребление *вводных слов и конструкций*, относящихся к группе уточняющих материально избыточных элементов, зафиксировано как в АР, так и в ПТД:

Darrell (staring at her wildly). We'll take it with us, of course! (O'Neill)
[Синеокова 2003: 87-88]

В АР список вводных слов и конструкций ограничен; их использование гораздо менее частотно.

В ПТД они представлены довольно широким списком типизированных вводных элементов. К ним относятся *perhaps, maybe, surely, certainly, indeed, of course* (модальные слова, выражающие степень уверенности говорящего), *once again, first (of all), secondly, thirdly, finally, as a result, in addition to that, therefore* (слова, указывающие на последовательность мысли), *specifically, in other words, for example* (слова со значением уточнения, пояснения), *I think, I believe, I mean, I guess, in my judgment, it seems to me* и т.п. Кроме того,

вводные элементы могут эксплицитно уточнять эмоциональное отношение говорящего к сказанному (*unfortunately*):

1) If we could've stopped Rwanda, surely, if we had the ability, that would be something that we would have to strongly consider and act. (Obama)

2) Secondly, we need to have a commitment in the uh private sector uh - to cooperate with government in matters like housing. (Carter)

3) And so I think it's about time we get this Noriega matter in perspective. (BushS)

4) It has – uh left out some that I have recommended, unfortunately. (Ford)

К уточняющим материально избыточным элементам может также относиться реализуемое в составе высказывания многофункциональное слово *well*. Его уточняющая функция в ПТД может проявляться в том, что оно используется для смягчения категоричности высказывания (*well + I (don't) think, I guess, I mean, it seems to me, probably, maybe*), корректировки слов собеседника и т.п. В АР данное употребление слова *well* зафиксировано не было. Элемент *well* в рассматриваемых функциях уточнения следует отличать от уточняющего *well* в функции эмфатического возражения, совпадающего в использовании с АР (см. данный раздел ниже), а также от контактоустанавливающего материально избыточного элемента *well*, имеющего ряд общих и отличительных черт в использовании с аналогичным элементом в АР (см. данный раздел выше):

1) Well I don't think that in the winter of sixty-one under present economic conditions, it uh – a – uh – tax uh – increase would be desirable. (Kennedy)

На самом деле Кеннеди как раз предлагает ужесточение налоговой политики, но начинает ответ на острый вопрос журналиста с мягкого отрицания.

2) [Clinton: I need it.]

Well, the people need it, that's the point. (Dole)

В большинстве случаев вводные элементы отражают отношение говорящего к предмету речи, поэтому в основном они носят оценочный характер.

Уточняющими эмоциональную реакцию говорящего являются *слова утверждения и отрицания yes и no*. Эти слова относятся к разряду так называемых слов-предложений, предназначенных для синтаксически независимого (изолированного) употребления [Скребнев 1985: 166]. Они являются избыточными компонентами, если присоединяются в качестве дополнительного элемента при ответе на вопрос собеседника или для эмфатизации элементов собственного высказывания:

1) Mother. You're sure, Joe?

Keller (frightened, but angry). Yes, I'm sure. (Miller) [Синеокова 2003: 88]

2) But no, I'm for the sanctity of life, and once that illegality is established, then we can come to grips with the penalty side, and of course there's got to be some penalties to enforce the law, whatever they may be. (BushS)

3) Yes, I would. (Carter)

Такое использование слов утверждения и отрицания следует отличать от случаев, когда *yes* и *no* являются не избыточными элементами, а полноценными синтаксическими членами предложения, например, используются в предикативной функции после разрыва:

So mandatory conservation measures – yes. Encouragement by the president for people to uh voluntarily conserve – yes. (Carter)

С целью эмфатического возражения в АР и ПТД могут использоваться уточняющие материально избыточные элементы *now* и *well*:

1) Howard (impatiently). Now, Willy, you never averaged – (Miller) [Синеокова 2003: 89]

2) Well, no, it's no answer to those 37 million people, most of them members of working families who don't have a dime of health insurance and don't know how to pay the bills if their kids get sick at night. (Dukakis)

Уточняющие элементы *now* и *well* следует отличать от этих же элементов, использующихся в функции установления контакта и заполнения пауз.

Кроме того, в ПТД зафиксировано использование уточняющих материально избыточных элементов, выраженных наречиями *yet* и *so*, производными от соответствующих сочинительных союзов и используемых парентетически:

1) And, yet, after sitting through meeting after meeting, he endorsed that decision. (Dukakis)

2) So, my formula says grow at the rate of inflation. Permit the president to set the priorities on where we do the spending. (BushS)

Данные элементы следует отличать от сочинительных союзов *yet* и *so*, вводящих предложение (см. раздел 2.2.2.3). Как отмечает Я.Г. Биренбаум, «Союзные парентезы соприкасаются с обыкновенными сочинительными союзами (...), которые не входят в пространство вводности. На границе пространства вводности в этом плане находятся союзные наречия. Эта группа слов отстоялась в языке как средство передачи отношений между предложениями. Состав их нельзя считать установившимся, и возможны взаимные переходы с безусловными союзными парентезами, наречиями и союзами. (...) союзные наречия (...) могут выполнять роль вводных единиц или обстоятельств и союзов. Союзные наречия указывают на различные виды логических и экспрессивных отношений последующей мысли к предыдущему сообщению (...). Их нельзя считать союзами, потому что они не только служат для выражения связи мысли, но и вносят еще дополнительный смысл. Они не имеют характерного для союзов закрепленного места в предложении» [Биренбаум 1987: 29].

В АР аналогичного употребления наречий *yet* и *so* зарегистрировано не было.

Специфические структуры ПТД. К специфическим признакам ПТД, входящим в модификацию «материально избыточные элементы», относятся *материально избыточные паузозаполнители* (EM06), употребляющиеся при необходимости заполнить паузу в речевом потоке. Описание признака в настоящей работе производится впервые.

Возникновение пауз в речи может быть вызвано несколькими причинами:

- овладение артикуляционным аппаратом;
- подбор следующего компонента речевой цепочки;
- самокоррекция при ошибке или оговорке;
- планирование высказывания в самом начале реплики¹⁷.

В качестве паузозаполнителей в ПТД используются звуковые комплексы *ah, uh, uhh, em, um*¹⁸; корректирующие элементы *I mean, excuse me*; поисковые элементы *what, what is it (called); now, well, well + I think, I mean, let me say*:

1) There is uh – uh an additional factor that needs to be done and covered very – very succinctly, and that is, to make sure that we have a good relationship between management – business on the one hand, and labor, on the other. (Carter)

2) We went in to Somalia as a peacemaking organization, we ended up trying to be – excuse me, as a peacekeeping organization, we ended up trying to be peacemakers and we ended up having to withdraw in humiliation. (McCain)

3) Here's the record: We cut deficit four years in a row for the first time before the Civil War – I mean, before World War II, and maybe before the Civil War, too. (Clinton)

¹⁷ Подробнее о паузах см. раздел 2.2.1.3.

¹⁸ Паузозаполнители этой группы встречаются только в ПТД Кеннеди, Никсона, Картера, Форда и Клинтона. Их наличие в транскриптах может зависеть от двух факторов – не все ораторы используют паузозаполнители данной группы, а также не все стенографисты фиксируют их в транскриптах.

4) And – and the whole uh subject of crime is one that concerns our people very much, and I believe that the fairness of it is – is what – uh – is a – is a major problem that addresses our – our leader and this is something that hasn't been addressed adequately by – by this administration. (Carter)

5) Now, how – what's – what's the best way of fixing it? Nuclear power. (McCain)

6) Well, the uh – the assumption that – that you uh – have described as different is in the rate of growth of our economy. (Carter)

Следует иметь в виду, что использование элементов *well* и *now*, а также *I think, I mean, let me say* и др. в функции заполнителей пауз следует отличать от использования данных элементов в функциях уточнения и установления контакта (см. данный раздел выше)¹⁹.

До последнего времени в АР не выделялись материально избыточные паузозаполнители, однако в имеющейся базе данных АР обнаружен один пример с данным признаком²⁰:

See. Oh, well, you see, I – (Laughs nervously, childlike in her growing excitement) – I just, just felt it that way! (Williams)

Таким образом, материально избыточные элементы в ПТД представляют материально избыточные аффективы, материально избыточные вокативы, контактоустанавливающие, уточняющие материально избыточные элементы и материально избыточные паузозаполнители.

В таблице 2.2 приводятся структуры, входящие в группу «материально избыточные элементы» в ПТД и в АР.

¹⁹ Отмечается, что речи косноязычных ораторов, изобилующие звуками «mmm» или «эээ», запоминаются слушателями лучше, чем чистая речь. Это объясняется тем, что появление в речи пауз, заполненных подобными звуками, нарушает привычную плавность речи и заставляет мозг человека отнести к ней с повышенным вниманием. В результате передаваемая информация лучше воспринимается и запоминается [<http://lenta.ru/news/2007/09/24/uhm>].

²⁰ Уточнение классификации материально избыточных элементов в АР, разработанной Т.Н. Синеоковой, произведено Е.И. Беляевой [Беляева 2009].

**Употребление структур,
входящих в группу «материально избыточные элементы»
в ПТД и АР**

Тожественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
–	<ul style="list-style-type: none"> – материально избыточные аффективы (ЕМ01) – материально избыточные вокативы (ЕМ02) – контактоустанавливающие материально избыточные элементы (ЕМ04) – уточняющие материально избыточные элементы (ЕМ05) 	– материально избыточные паузозаполнители (ЕМ06)	–

2.2.1.3. Разрывы потенциального синтаксического целого

Разрывы потенциального синтаксического целого представляют собой специфические порождения ненейтральной речи, экспликативность которых определяется не присутствием в них материально избыточных элементов, а их особым построением. При разрыве потенциального синтаксического целого избыточность манифестируется приобретением коммуникативного статуса каждым из отрезков речевой цепи. Потенциальные части единого в нейтральной области предложения получают коммуникативный статус и реализуются как экспликативная форма передачи значения ввиду перегруженности речи компонентами, обладающими свойствами коммуникативности, с одной стороны, и являющимися семантически зависимыми, с другой.

Термин «разрыв потенциального синтаксического целого» вводится специально для описания рассматриваемых форм ненейтральной речи [Синеокова 1989] и определенным образом противопоставляется широко принятым в настоящее время терминам «сегментация» [Александрова 1984; Андрианова 1985; Балли 1955; Попов 1964; Реферовская 1974; Сафронова 1975; Сиротинина 1980; Шевченко 1987; Шигаревская 1977; Шмелев 1975; Curme 1966; Jespersen 1940; Kruisinga 1931], «сепаратизация» [Власова, Нестерова 1974; Гулыга 1960; Инфантова 1970; Нестерова 1973; Петрашевская 1973], «парцелляция» [Астапова 1975; Петрашевская 1973; Рачковская 2002; Сковородников 1978; Стрельцов 1974; Суровенкова 1982; Турсунов 1975; Филонова 1982; Ханутин 1983; Шмелев 1975], «расчленение» [Малахов 1965; Семенова 1978; Скребнев 1971], а также реже используемым терминам «изоляция» [Шендельс 1952], «конструкции добавления» [Лаптева 1976], «подключенные/подключительные конструкции» [Колесников 1971], «непредложенческие» конструкции» [Земская 1979], «не-предложения» [Андрианова 1985; Hook, Mathews 1956], «присоединения» [Баталова 1973; Гаибова 1973; Голикова 1986; Малахов 1965; Мильк 1960; Сковородников 1978; Соколова 1977; Солодовник 1972; Шмелев 1975; и др.], «пояснительные конструкции» [Степанова 1993], «предложения с расщеплением» [Болдовская 1988] и некоторым другим. Поскольку в лингвистической литературе одно и то же речевое явление может быть названо несколькими терминами, а один и тот же термин может у разных авторов обозначать по сути разные речевые явления, Т.Н. Синеокова предлагает для описания рассматриваемых форм ввести термин «разрыв», т.к. он остается свободным от привнесенных исследователями созначений [Синеокова 2003]. Кроме того, все вышеназванные понятия предполагают, с точки зрения большинства исследователей, преднамеренное дробление речевого потока (спорным является лишь вопрос о присоединении), в то время, как разрыв может подразумевать как намеренное, так и случайное его расчленение.

Показателями разрыва предложений в письменном тексте являются знаки препинания. Сигналами пауз различной долготы в письменном тексте служат запятая (при обозначении минимальной паузы), точка с запятой, двоеточие, тире, скобки (для обозначения более длительной паузы), точка, вопросительный и восклицательный знаки (для обозначения максимальной паузы, разделяющей самостоятельные коммуникативные акты) [Александрова 1984; Жученко 1973; Лейко 1976; Carey 1958; Haney 1970; Vallins 1974].

Следует иметь в виду, что для стенографистов ПТД пунктуационная четкость не является первостепенной задачей (для них прежде всего важно показать паузу), что значительно усложняет задачу идентификации разрыва. Для определения наличия разрыва в высказывании и его типа зачастую приходится прибегать к семантическому анализу. Разрыв в ПТД может быть передан с помощью тире, точки, многоточия, двоеточия и запяты²¹.

В рамках модификации «разрывы потенциального синтаксического целого» (ЕВ) в АР функционируют следующие структурно-семантические признаки: разрыв-паузатор, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, обрыв потенциального синтаксического целого и обрыв гипотетического синтаксического целого.

Специфические конструкции АР. К специфическим конструкциям АР, не зафиксированным в ПТД, относится обрыв гипотетического синтаксического целого.

Обрыв гипотетического синтаксического целого (собственно обрыв) (ЕВ05) возникает в ситуации, когда аффективные процессы настолько деформируют мыслительную деятельность, что говорящий не в состоянии продолжить высказывание, предложение остается незавершенным в структурном и смысловом планах, и можно лишь догадываться о его содержании:

²¹ В АР, отраженной в драматургических произведениях современных авторов, разрывы четко зафиксированы: чаще всего пунктуационно они отображаются в виде тире, точки (и других финальных знаков препинания), многоточия.

Nina (savagely). But you're – you're – I mean, you... (O'Neill) [Синеокова 2003: 100-101]

Тожественные конструкции. К тождественным конструкциям относится разрыв-паузатор.

Разрыв-паузатор (ЕВ06) является следствием возникновения пауз в речи говорящего. Появление таких пауз может быть вызвано разными причинами. Вследствие этого, в АР выделяется несколько типов пауз: артикуляторная пауза, пауза «припоминания» и пауза хезитации.

Артикуляторная пауза вызвана разрегуляцией в работе органов порождения речи (под воздействием эмоций). Ее появление связано с необходимостью затраты говорящим определенных усилий и, соответственно, времени на овладение речевым аппаратом. Место разрыва проходит практически перед любыми, не обязательно информативно значимыми элементами высказывания:

Lady. No, no, I didn't write you no letter about it; I was proud then; I had pride. But I had your child in my body the summer you quit me, that summer they burned my father in his wine garden, and you, you washed your hands clean of any connection with a Dago bootlegger's daughter and – (her breathless voice momentarily falters and she makes a fierce gesture as *she struggles to speak.*) – took that – society girl that – restored your homeplace and gave you such – (Catches breath) – wellborn children... (Williams)²²

Пауза «припоминания» возникает перед членами предложения, дополняющими или конкретизирующими значение одного из элементов или всей реализованной части высказывания. Разрывы (также часто множественные) в данном случае вызваны тем, что смысловая перспектива высказывания не до конца известна говорящему в момент речи; она

²² Артикуляторную паузу в АР следует отличать от использующихся в ПТД корректирующего повтора, вызванного фонетической ошибкой, и артикуляторной редупликации, не связанных с воздействием эмоций на процесс речепорождения (см. раздел 2.2.1.1).

достраивается постепенно, по мере появления дополнительных содержательных элементов в его сознании²³:

Emily (She breaks down sobbing...). Good-bye, good-bye, world. Good-bye, Grover's Corners... Mama and Papa. Good-bye to clocks ticking ... and Mama's sunflowers. And food and coffee. And new-ironed dresses and hot baths ... and sleeping and waking up. (Wilder) [Синеокова 2003: 94-95]

Пауза хезитации вызвана затруднениями при поиске формы высказывания (а) или смысловых элементов (б), адекватных целям коммуникации.

А) Пауза хезитации-строитель возникает при осознании говорящим несоответствия между его коммуникативным намерением и структурой высказывания. Такие построения в АР возникают в следующих случаях:

– при повторе-подлинном переспросе, когда говорящий первоначально использует часть лексики, структуру и способ актуального членения реплики собеседника и после паузы обдумывания ставит в конце вопросительное слово (1) или просто произносит конечные элементы с вопросительной интонацией (2);

– в сходном случае, когда, задавая вопрос, говорящий осознает несоответствие реализуемой формы преследуемой коммуникативной цели и после паузы соответствующим образом интонационно оформляет высказывание (3):

1) Evans (tenderly). Ned told me – the secret – and I'm so happy, dear!

Nina (stammering) Ned told you – what? (O'Neill)

2) Abbie (dully). Ye need't. Eben's gone fur him.

Cabot (amazed). Eben – gone fur the Sheriff? (O'Neill)

²³ Разрывы, возникающие в результате появления пауз «припоминания», следует отличать от расшифровывающих конструкций, в которых реализуемые после паузы элементы раскрывают значение всего предшествующего высказывания в целом; объединение синсемантических высказываний в потенциальное целое при расшифровке невозможно из-за наличия в них синтаксических коррелятов (см. раздел 2.2.1.4).

3) Abbie (terrified). Ye won't – leave me? (O'Neill) [Синеокова 2003: 95-96]

В ПТД таких построений зафиксировано не было. Это можно объяснить не отличиями в самом признаке, а спецификой жанра ПТД: оратору не свойственно переспрашивать (комментарии оппонента и вопросы журналиста ему понятны и не вызывают удивления), в соответствии с регламентом ПТД ораторы не задают друг другу вопросы.

Б) Содержание высказывания известно говорящему до момента речепорождения; затруднение вызывает лишь выбор отдельных конкретных единиц, передающих это содержание. Говорящему требуется время для подбора «правильного» слова. Пауза хезитации-семантизатор отражает механизм поиска нужного слова:

1) (Blanche seems faint; looks about her with an expression of almost panic) Blanche. You haven't heard any – unkind – gossip about me? (Williams) [Синеокова 2003: 95]

2) Papp (Quieting). Error, error – mistakes are common in this life, dear boy. (Cameron) [Синеокова 2003: 95]

3) And the formula I've given you works, we've put it through a good economic model, we've got good economists on the West Coast, Michael Boskin and Marty Feldstein up there who's a very respected economist in the – Massachusetts. (BushS)

4) Well, why don't – why don't – let's talk about this, Tom, because there was just a lot of stuff out there. (Obama)

Паузу хезитации-семантизатор следует отличать от ложного и корректирующего повторов, для которых также характерен поиск правильного последующего компонента. В ряде случаев пауза хезитации-семантизатор может совместно реализовываться в одном высказывании с ложным повтором:

On the other hand, uh when you have a bill of that magnitude, with – *tho* – *those* many provisions, a president has to sit and decide if there's more good than bad. (Ford)

Паузу хезитации-семантизатор следует также отличать от артикуляторной редупликации, возникновение которой не связано с поиском последующего компонента.

Как уже отмечалось выше, разрывы в письменной речи должны быть графически отмечены с помощью знаков препинания, но было принято решение включить в эту группу высказывания, в которых разрыв пунктуационно не обозначен, т.к. здесь имеет место синтаксический механизм разрыва. Говорящий начал произносить предложение, но осознал, что оно не соответствует его коммуникативной задаче в том виде, в котором он начал его произносить, оборвал, перестроился и сформулировал по-другому, чтобы точно осуществить свое коммуникативное намерение. Причина употребления разрыва – та же: поиск элементов высказывания, адекватных целям коммуникации:

1) That would mean, of course, that for a family of four *that that family would have a thousand dollars more personal exemption* – money that they could spend for their own purposes, money that the government wouldn't have to spend. (Ford)

2) I would have hoped that the president of the United States *would have been possible for him to indicate it clearly that* uh – the Supreme Court decision was going to be carried out. (Kennedy)

В ПТД зафиксирована только одна разновидность разрыва-паузатора, а именно пауза хезитации. Артикуляторная пауза и пауза «припоминания» не внесены в данной работе в группу специфических признаков АР, поскольку в классификации АР они объединены в рамках одного признака – разрыва-паузатора. На целесообразность разделения разрыва-паузатора в классификации АР на две группы (*артикуляторная пауза + пауза*

«припоминания» и пауза хезитации) указывает и то, что в АР данный признак может прогнозировать *поисковое* состояние (см. главу 3) и в сочетаниях с некоторыми другими признаками *диссоциативное* психологическое состояние [Синеокова 2003; Синеокова 2008]. Если бы артикуляторная пауза и пауза «припоминания» были дифференцированы в классификации АР, они бы были отнесены к группе специфических признаков АР в данном исследовании.

Таким образом, на основании того, что артикуляторную пазу и паузу «припоминания» представляется целесообразным объединить в отдельный признак, а отсутствие паузы хезитации-строителя в ПТД объясняется не различиями в самом признаке, а особенностями речевой ситуации жанра ПТД, разрыв-паузатор квалифицируется как тождественный признак АР и ПТД.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. Анализ высказываний с разрывами потенциального синтаксического целого показал, что к данной группе можно отнести следующие структурно-семантические разновидности: разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв и обрыв потенциального синтаксического целого.

Разрыв-эмфатизатор (ЕВ02) вызван стремлением говорящего выделить наиболее информативные элементы высказывания. Эмфатическая пауза делается перед словами, несущими с точки зрения говорящего особую информативную нагрузку. Речевая деятельность говорящего при этом характеризуется активностью, сознательностью в выборе наиболее семантически и стилистически приемлемых с точки зрения задач коммуникации смысловых элементов высказывания и их адекватного оформления.

Выделению могут подвергаться все элементы высказывания при его повторной реализации:

1) Harry (banging his hand on the table in rapid succession with the words, like a child in anger, hating to be like a child, and shrieking). I WAN' THAT

ENVELOPE. Now. This instant. I – wan’ – that – envelope! (Wesker) [Синеокова 2003: 96-97]

2) But did I – did I sense a desire that maybe Lloyd Bentsen ought to be your running mate when you said there are three people on your ticket? (Dukakis)

Выделению могут также подвергаться элементы предложения без повторной номинации:

– один из главных (2) или второстепенных членов (1, 3);

– вводные элементы (слова утверждения/отрицания *yes/no*, другие уточняющие материально избыточные элементы, контактоустанавливающие материально избыточные элементы, обращения (4):

1) Blanche. ...Where were you. In bed with your – Polak! (Williams) [Синеокова 2003: 97]

2) So mandatory conservation measures – yes. Encouragement by the president for people to uh voluntarily conserve – yes. (Carter)

3) Mr. Ford has vetoed four times as many bills as Mr. Nixon – per year. (Carter)

4) As a matter of fact – now – I don't advocate amnesty; I advocate pardon. (Carter)

В АР не зафиксировано использование уточняющих материально избыточных элементов в позиции после разрыва-эмфатизатора.

В ПТД выделению могут также подвергаться придаточные предикативные:

So the choice for America is, you can have a plan that I've laid out in four points, each of which I can tell you more about or you can go to johnkerry.com and see more of it; or you have the president's plan, which is four words: more of the same. (Kerry)

Эмфатическое выделение придаточных предикативных не зафиксировано в АР.

В то же время, в ПТД не зафиксировано свойственное AP выделение (наряду с повторной номинацией, также служащей цели эмфатизации) вопросительного слова в вопросе и *don't* в повелительном предложении:

1) Mrs. Antrobus (shriek). Why – why can't you remember to keep your hair down over your forehead? (Miller)

2) Alexandra (shrieking). Papa! Don't – Don't listen – Don't – (Hellman) [Синеокова 2003: 97]

По-видимому, такие высказывания не свойственны ПТД, поскольку в данном жанре политической речи выступления ораторов имеют монологический характер и не содержат прямых волеизъявлений с глаголом в императиве.

Разрыв-эмфатизатор следует отличать от паузы хезитации-семантизатора, когда пауза требуется для подбора дальнейших компонентов высказывания. В следующем примере наличие материально избыточного паузозаполнителя *now*, ложный повтор вопросительного слова, а также замена одного вопросительного слова другим позволяют идентифицировать разрыв как паузу хезитации-семантизатор:

Now, how – what's – what's the best way of fixing it? Nuclear power. (McCain)

Уточняющий разрыв (ЕВ03) вызван осознанным стремлением говорящего дополнить или конкретизировать реализованную часть высказывания. Уточняющая пауза представляет собой намеренный разрыв усложненных конструкций. Так, разрыву могут подвергаться части сложносочиненного предложения:

1) Henry (furiously). I haven't got any father or any mother, or brothers or sisters. And I don't want any. (Miller) [Синеокова 2003: 98]

2) And we've got to attend to them. But fully, my short range answer is fully fund that McKinney Act. (BushS)

3) But I do know, I do know that I oppose abortion. And I favor adoption.
(BushS)

Разрыв сложносочиненных предложений следует отличать от изолированных предложений, начинающихся с сочинительных союзов (см. раздел 2.2.2.3). Части конструкции с разрывом представляют собой одно синсемантическое высказывание. Маркерами уточняющего разрыва в данном случае могут являться:

– эллипсис строевых элементов во второй части высказывания, восстанавливаемых из первой части (см. пример 2 выше);

– повтор отдельных элементов высказывания (см. пример 3 выше).

Разрыв может проходить между частями сложноподчиненного предложения:

1) Serafina (in a fierce whisper). I will go back in the house and smash the urn with the ashes – if you do not tell me! (Williams) [Синеокова 2003: 98]

2) I told her after we prayed and teared up and laughed some that I thought her husband's sacrifice was noble and worthy. Because I understand the stakes of this war on terror. (BushJ)

3) Let me say there is only one uh – point I would add. That before we go into the summit, before we ever meet again, I think it's important that the United States build its strength; that it build its military strength as well as its own economic strength. (Kennedy)

Разрыв сложноподчиненных предложений с определительным аппозитивным придаточным (пример 3 выше) следует отличать от антиципационных конструкций (см. раздел 2.2.1.4), в иницирующей части которых используется широкозначный номинативный элемент (например, *point*), расшифровывающийся во второй части высказывания:

<Let me say there is only one uh – point I would add. Before we go into the summit, before we ever meet again, I think it's important that the United States build its strength; it build its military strength as well as its own economic strength.>

Маркером уточняющего разрыва может служить наличие соединительного элемента, в данном случае – союза *that*.

Кроме того, разрыв сложносочиненных предложений следует отличать от предваряющего ориентира, для которого характерна повторная номинация объекта во второй части высказывания с помощью указательного местоимения *that*, соотносящегося со всей иницирующей частью (см. раздел 2.2.1.4).

Разрыву могут подвергаться конструкции с однородными членами:

1) A m a n d a . What right have you got to jeopardize your job? Jeopardize the security of us all? (Williams) [Синеокова 2003: 98]

2) We can work on nuclear power plants. Build a whole bunch of them, create millions of new jobs. (McCain)

В ПТД разрыву могут также подвергаться конструкции с уточняющими информацию главными (1) и второстепенными (2) членами предложения:

1) When George Bush came into office, our debt – national debt was around \$5 trillion. (Obama)

2) And finally, we were a party to the convention – to working with Germany, France and Great Britain to send their foreign ministers into Iran. (BushJ)

В АР разрыву подвергаются конструкции с уточняющими обстоятельствами (3) и определениями (4):

3) Phillip. ...After all this time. You're not going to leave me. (Clock chimes. In a fury, he cries out. He smashes the clock with both hands.) (Wilder)

4) Beatie (despairingly). You're right, I'm like you. Stubborn, empty, wi' no tools for livin'. (Wesker) [Синеокова 2003: 98]

Уточняющий разрыв следует отличать от разрыва-эмфатизатора. При уточняющем разрыве компоненты высказывания так же, как и при разрыве-эмфатизаторе, могут подвергаться дублированию, однако, в отличие от разрыва-эмфатизатора, цель говорящего не эмфатизация семантически и эмоционально важных элементов, а уточнение одного из элементов речевой

цепи. Рассмотрим следующее высказывание с разрывом и расширяющим повтором:

And some of those programs may not grow as much as we would like for them to, but we can establish priorities with full transparency, with full knowledge of the American people, and full consultation, not done behind closed doors and shoving earmarks in the middle of the night into programs that we don't even – sometimes we don't even know about until months later. (McCain)

Данное высказывание может быть трансформировано таким образом, что наличие в нем уточняющего разрыва становится очевидным:

<... into programs that we don't even – sometimes – know about until months later.>

Данная разновидность разрыва может также использоваться в высказываниях с уточняющими вставными конструкциями. При этом в позиции после разрыва-уточняющей вставки может быть продолжение иницирующей конструкции (1), повтор элементов иницирующей конструкции (2) или пролепса²⁴, т.е. дублирование подлежащего иницирующей конструкции с помощью личного местоимения-заместителя (3):

1) And so the best indication about when we can bring our troops home – which I really want to do, but I don't want to do so for the sake of bringing them home; I want to do so because we've achieved an objective – is to see the Iraqis perform and to see the Iraqis step up and take responsibility. (BushJ)

2) When you come to Washington to try to – as a governor – to try to begin a new program for your people, like uh the treatment of drug addicts, I found there were thirteen different federal agencies that I had to go to, to manage the uh drug treatment program. (Carter)

3) These programs that I described to you earlier – the tax deferrals for overseas, the DISC, and the tax shelters, uh – they only apply to people in the \$50

²⁴ Подробнее о пролепсе см. раздел 2.2.1.4.

thousand-a-year bracket or up, and I think this is the very best way to approach it. It's to make sure that everybody pays taxes on the income that they earn and make sure that you take whatever savings there is from the higher income levels and give it to the lower- and middle-income families. (Carter)

В АР такие структуры, как правило, не рассматриваются в рамках уточняющего разрыва [Синеокова 2003: 98].

Следует иметь в виду, что разрывом считаются как конструкции, которые можно «склеить», не добавляя элементов (1), так и конструкции в сочетании с эллипсисом некоторых элементов (2 – пропуск предлога *of*):

1) We must let them know that the great American ideals – of independence, of the right of people to be free, and of the right to progress – that these are ideals that belong not to ourselves alone, but they belong to everybody. (Nixon)

2) Now, many of the programs that I'm talking about – ~~of~~ economic growth, care for the aged, development of our natural resources – build the strength of the United States. (Kennedy)

Подобные высказывания следует отличать от антиципации (см. 2.2.1.4), для которой характерно не только уточнение элемента высказывания и разрыв, но и повторная номинация объекта. При антиципации нет эллипсиса строевых элементов:

1) And yet some of our finest presidents, some of our strongest international leaders were governors – Franklin Roosevelt, Woodrow Wilson, Theodore Roosevelt. (Dukakis)

2) Everybody ought to be in this thing. Entertainment industry, people involved in the schools, education. (BushS)

Обрыв потенциального синтаксического целого (ЕВ01) возникает в тех случаях, когда говорящий намеренно не завершает высказывание. В АР говорящий намеренно обрывает высказывание, или выражая оценку вызвавшего эмоциональную реакцию явления, или не произнося неприятную с его точки зрения информацию. При этом опущенная часть высказывания

заклучена либо в реплике собеседника, либо в реализованной части собственной реплики, либо имплицуруется ситуацией:

Birdie... (Wildly) Zan, I couldn't stand to think about such a thing. You and
– (Hellman) [Синеокова 2003: 99-100]

Дальнейшая лексико-грамматическая перспектива высказывания известна говорящему заранее; ему не требуется времени на обдумывание лексического наполнения и грамматических структур. В ПТД обрыв потенциального синтаксического целого вызван тем, что говорящий намеренно меняет перспективу высказывания, поскольку новая мысль, возникшая в процессе продуцирования высказывания, представляется ему важнее первоначальной:

1) These are the – my answer is do not make these unilateral cuts, and everybody now realizes that peace through strength works, and so this is where I have a big difference. (BushS)

2) The time line that I've set out – and again, I want to correct the president, because he's misled again this evening on what I've said. (Kerry)

Обрыв потенциального синтаксического целого следует отличать от разрыва-паузатора, который отражает механизм поиска нужного слова или структуры (1), и корректирующего повтора (2):

1) Now, how – what's – what's the best way of fixing it? Nuclear power. (McCain)

2) It – the next Congress will probably be the first billion-dollar Congress in the history of the United States. (Ford)

Кроме того, обрыв потенциального синтаксического целого следует отличать от уточняющего разрыва, целью которого является уточнение за счет дополнительной информации. В следующем высказывании имеет место обрыв потенциального синтаксического целого, поскольку говорящий не добавляет уточняющую информацию, а полностью перестраивает предложение, изменяя его модальный план: реальная модальность заменяется на ирреальную за счет

замены придаточного времени придаточным условным (*when you get into a war* → *if*), использования глагола с модальным значением *going to* в придаточной части и модального глагола *ought* в главной:

I believe that when you get into a w- if you're going to get into war for the defense of Formosa, it ought to be on a clearly defined line. (Kennedy)

Специфические конструкции ПТД. Не зафиксированы.

Таким образом, в результате дифференциации модификации «разрывы потенциального синтаксического целого» были получены следующие структурно-семантические признаки, функционирующие в ПТД: разрыв-паузатор разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв и обрыв потенциального синтаксического целого.

В таблице 2.3 приводятся структуры, входящие в группу «разрывы потенциального синтаксического целого» в ПТД и в АР.

Табл. 2.3

**Употребление структур, входящих в группу
«разрывы потенциального синтаксического целого»
в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
– разрыв-паузатор (пауза хезитации) (ЕВ06)	– разрыв-эмфатизатор (ЕВ02) – уточняющий разрыв (ЕВ03) – обрыв потенциального синтаксического целого (ЕВ01)	–	– обрыв гипотетического синтаксического целого (ЕВ05)

2.2.1.4. Расшифровывающие конструкции

Экспликативность расшифровывающих конструкций проявляется двояко – в присутствии материально избыточных элементов и в коммуникативно избыточном построении. Избыточные материальные элементы представлены

словами и группами слов, являющимися экспликативно выраженным средством уточнения значения одного из компонентов предшествующего предложения или всего предложения в целом. Избыточность в плане построения заключается в тенденции к уточнению того, о чем уже говорилось в предыдущем высказывании. Функция номинации в такого рода порождениях выполняется только при взаимодействии синсемантических конструкций. Расчлененность номинации определяет избыточность построения синтагматической цепочки [Скребнев 1985; Синеокова 2003].

В отличие от построений, возникших в результате разрыва синтаксического целого, расшифровывающие конструкции (несмотря на их синсемантность) не могут быть объединены в силу структурных и смысловых ограничений. Опускание одного из соотносимых элементов ведет к искажению семантических отношений внутри предложения и к нарушению коммуникативной значимости его компонентов. Кроме того, объединение часто требует либо введения новых элементов, либо опущения, помимо коррелята, дополнительных элементов, либо тех и других преобразований, что мешает высказыванию выполнять предписанные говорящим функции, делает его неадекватным целям коммуникации.

Таким образом, конструкции подобного рода могут рассматриваться как специфическая форма проявления экспликационной тенденции в реализации значений²⁵.

²⁵ Приведенные выше (см. раздел 2.2.1.3) понятия «сегментация», «сепаратизация», «парцелляция», «присоединение», «расчленение» и другие используются в лингвистике как для обозначения конструкций, вызванных разрывом потенциального синтаксического целого, так и для обозначения построений, уточняющих смысл предшествующего высказывания. Для обозначения построений с эксплицитно выраженным уточнением содержания предыдущего высказывания используются также такие термины, как «расшифровка» [Скребнев 1971; Шигаревская 1977] и «восполнение» [Суровенкова 1982]. Термин «восполнение» привлекает тем, что по своей семантике он противопоставлен понятию «разрыв» и указывает на иной механизм порождения высказывания: дополнение для создания целого (в отличие от дробления целого на части). Восполнение, однако, может пониматься двояко – как восполнение смысловое и восполнение структурное. Рассматриваемые в разделе конструкции не требуют структурного восполнения; более

Появление расшифровывающих конструкций в ненейтральной речи связано с сужением сознания и вынесением на первое место эмоционально доминирующих смысловых элементов с последующим уточнением их значения. Если на поверхности сознания говорящего возникает образ какого-то предмета (явления), то сначала реализуется его смысловое обозначение, а потом уже уточняются его эмоционально значимые для говорящего связи и отношения с действительностью. С другой стороны, сначала могут отражаться именно связи и отношения объекта; расшифровке в таком случае подлежит его обозначение, выраженное в первой части высказывания в самом общем виде. Различные источники обозначаемых смысловых элементов (предмет/его характеристики) обуславливают специфику структурных и семантических построений с расшифровкой. Кроме того, в отличие от других форм ненейтральной речи (например, речи человека, находящегося в состоянии аффекта), возникновение расшифровывающих конструкций в ПР связано с тем, что предмет речи (референт) в реальной действительности (сфере общественных, экономических и др. отношений) представляет собой сложное многоаспектное явление, характеризующееся множественными связями с другими смежными явлениями, что делает проблематичным адекватность и всеохватность номинации данного явления в рамках одного высказывания.

В АР используются следующие структурно-семантические признаки внутри модификации «расшифровывающие конструкции» (ED): предваряющий ориентир, абсолютивный атрибут, антиципационная и вопросно-ответная конструкции.

Специфические конструкции АР. Не зафиксированы.

того, как было сказано выше, структурное восполнение приводит к искажению смысловых и синтаксических связей в высказывании. Речь идет, таким образом, лишь о содержательном восполнении.

Семантика понятия «расшифровка» делает его наиболее адекватным термином для обозначения изучаемых явлений. «Расшифровка» предшествующего высказывания указывает на то, что оно в смысловом отношении неадекватно целям коммуникации. Избранная форма не соответствует тому содержанию, которое говорящий планирует вложить в нее.

Тождественные конструкции. Не зафиксированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной группе признаков относятся все употребляемые в АР разновидности расшифровывающих конструкций.

*Предваряющий ориентир*²⁶ (ED02) начинается с элементарной языковой идентификации образа без уточнения его связей с действительностью. Следующее после него предложение раскрывает его содержание. Первое предложение, таким образом, получает двойственный статус: с одной стороны, будучи синтаксически законченным высказыванием, оно в структурном плане автономно, с другой стороны, в содержательном плане оно неотделимо от смежного. Смысловые элементы, входящие в состав непосредственно предваряющего ориентира, выступают в качестве темы высказывания. Собственно информация заключена во второй, расшифровывающей, части конструкции, которая может подвергаться дальнейшему тема-рематическому разбиению [Скребнев 1985: 146-147; Синеокова 2003: 106].

Причины возникновения предваряющего ориентира в АР и ПТД могут быть следующими.

Во-первых, это может быть характерное для находящегося в состоянии эмоционального напряжения человека поэтапное восприятие и отражение действительности: от явления в целом к его конкретным проявлениям, качествам, свойствам:

1) N i n a (thinking). Talking! ... his voice like a fatiguing dying tune droned on a beggar's organ... his words arising from the tomb of a soul in puffs of ashes... (O'Neill) [Синеокова 2003: 107]

2) But – and I, look, mental – that was a little overstated it. (BushS)

Однако, данный механизм, в отличие от АР, не является типичным для рассматриваемой разновидности ПР. Политические деятели, принимающие участие в ПТД, – ораторы с большим опытом публичных выступлений.

²⁶ Термин Ю.М. Скребнева [Скребнев 1971: 30].

Выступающий перед аудиторией ритор стремится наиболее четко сформулировать мысль и адекватным образом довести ее до слушателя.

Во-вторых, в ПТД и в АР может использоваться намеренная первичная номинация объекта в целом с целью выделения последующей рематической части.

По определению Ю.М. Скребнева, в качестве предваряющего ориентира всегда выступает односоставное, формально номинативное предложение, зависимое в смысловом плане от непосредственно следующего после него двусоставного предложения, раскрывающего его содержание и содержащее слово-заместитель (местоимение, синоним, слово с широкой референциальной соотнесенностью и т.п.) [Скребнев 1985: 146-148]²⁷:

1) Dame Hatherleigh (A swift momentary flash of flame flickers by the window. She screams). The flame! I saw my son's face agonising, carried by in the midst of it! (O'Casey) [Синеокова 2003: 106]

2) Five cents a day – that's what the food package averages per person. (Kennedy)

В то же время анализ материала позволил выделить и другие структурные разновидности предваряющего ориентира. Так, например, в качестве предваряющего ориентира может выступать двусоставное предложение (1-2) или несколько развернутых предложений (3):

1) Dickon. Let's go on with it! That's what the old man meant! (Pinner) [Синеокова 2003: 106]

2) The government has a role. It is to fully fund the McKinney Act. (BushS)

3) The President wants to increase spending 20 percent over the next six years. I want to increase spending 14 percent, that's how simple it is. (Dole)

²⁷ Следует отличать неполное формально номинативное предложение, возникающее при расшифровке, от семантически независимого и самостоятельно функционирующего номинативного предложения.

Кроме того, в ПТД может использоваться двойной предваряющий ориентир, или цепочка из двух логически и структурно соотносимых друг с другом предваряющих ориентиров²⁸:

And Saddam Hussein was a threat, and that we must spread liberty because in the long run, the way to defeat hatred and tyranny and oppression is to spread freedom. Missy understood that. That's what she told me her husband understood. (BushJ)

В качестве расшифровывающей части может выступать двусоставное предложение (см. примеры выше), формально номинативное предложение или несколько двусоставных предложений:

The governor's wife has been very active in the homeless. My campaign chairman, Secretary Jim Baker's wife. This isn't government. These are people that care, that are trying to give of themselves. (BushS)

Довольно часто в ПТД в качестве расшифровывающей части может выступать двусоставное предложение с составным именным сказуемым, выраженным именным словосочетанием. Коррелирующий элемент при этом представлен указательным местоимением *this/these, that/those*:

And I introduced the first legislation, and we forced votes on it. That's the good news, my friends. (McCain)

В некоторых случаях в ПТД расшифровывающая часть представляет собой двусоставное предложение с составным именным сказуемым, выраженным придаточным предикативным. Коррелирующий элемент представлен указательным местоимением и именной частью сказуемого *that is why..., that is what..., that is where..., that is when..., that is how...*²⁹:

So we've got to deal with that right away. That's why I've called for an investment of \$15 billion a year over 10 years. (Obama)

²⁸ Такое использование предваряющего ориентира не зафиксировано в АР.

²⁹ Подобные построения не зарегистрированы в АР.

Подобные случаи следует отличать от уточняющих материально избыточных элементов с *that is*, на письме обособляемых запятой (см. раздел 2.2.1.2):

In analyzing the figures we will find that our unemployment exists among the older citizens; it exists also among those who are inadequately trained; that is, those who do not have an adequate opportunity for education. (Nixon)

Иницирующая часть может содержать яркий пример, а расшифровывающая часть представлять собой широкое обобщение (прием генерализации). При этом может показаться, что части не связаны друг с другом семантически, однако анализ контекста позволяет сделать вывод о том, что они связаны³⁰:

1) We're going to give them tax cuts so they can spend more time with their children, maybe even take a vacation. That's what America is all about. (Dole)

2) You can't tell me that on the day that we went into that war and it started – it was principally the United States, the America and Great Britain and one or two others. That's it. (Kerry)

Разновидностью конструкций с предваряющим ориентиром являются *пролептические конструкции*. В качестве смысловых коррелятов в пролептических конструкциях также выступают существительные и соотносимые с ними местоимения. Коммуникативное членение пролептических конструкций идентично коммуникативному членению конструкций с предваряющим ориентиром. Первый компонент – существительное – является темой высказывания, после которой реализуется его основная информативная часть, в свою очередь разбивающаяся на тематические элементы. Тема в таких построениях выражена дважды соответствующими смысловыми коррелятами. Конструкции с пролепсой являются характерной чертой не только политической, но и других разновидностей ораторской речи, например, лекторской [Пешковский 1928:

³⁰ Подобные построения не зарегистрированы в АР.

465]. На письме может обособляться с помощью финальных знаков препинания, тире, запятой, а также не обособляться [Скребнев 1985: 148-149]. Предваряющий ориентир, выраженный пролепсой, зарегистрирован как в AP, так и в ПТД:

1) D a d . Dylan Thomas – he bloody knew – he bloody did – all that raging against the light... (Pinner) [Синеокова 2003: 107]

2) She and her son Bryan, they came to see me. (BushJ)

В отличие от AP, пролепса в ПТД может иметь дистантный характер, т.е. использоваться в позиции после уточняющего разрыва (см. раздел 2.2.1.3):

These programs that I described to you earlier – the tax deferrals for overseas, the DISC, and the tax shelters, uh – they only apply to people in the \$50 thousand-a-year bracket or up, and I think this is the very best way to approach it. It's to make sure that everybody pays taxes on the income that they earn and make sure that you take whatever savings there is from the higher income levels and give it to the lower- and middle-income families. (Carter)

Следует отличать случаи с дистантной пролепсой от разновидностей фокусирующего повтора, использующегося в следующем примере (смешанный повтор):

But it seems to me the kids ought to – if they've started, they ought to stop and just don't do it. (Dole)

Следует иметь в виду, что предваряющий ориентир (1) следует отличать от случаев субституции и репрезентации, свойственных нейтральной области языка (2):

1) For a long time our American citizens have been excluded, sometimes misled, sometimes have been lied to. This is uh – not compatible with the purpose of our nation. (Carter)

2) [Another thing is a system called DISC which was originally designed, proposed by Mr. Nixon, to encourage exports.] This <system> permits a company to

create uh – a dummy corporation, to export their products, and then not to pay the full amount of taxes on them. (Carter)

Предваряющий ориентир следует также отличать от уточняющего разрыва и изолированных элементов (см. разделы 2.2.1.3 и 2.2.2.3). Маркером предваряющего ориентира может служить использование указательного местоимения *that*, соотносящегося со всей иницирующей частью:

As the politics change, his positions change. And that's not how a commander in chief acts. (BushJ)

Употребление *антиципационных конструкций* (ED05) вызвано тем, что в качестве эмоциональной доминанты выступает не предмет (явление), а его характеристики, связи с действительностью. В начале высказывания предмет речи обозначается в самом общем виде, в дальнейшем его содержание уточняется. Поэтому при антиципации первое предложение содержит смысловой элемент, значение которого нуждается в конкретизации [Скребнев 1985: 152-153; Синеокова 2003: 108-109]³¹.

В АР антиципация может возникать вследствие деформации мыслительных процессов, когда говорящий не успевает заполнить форму адекватным содержанием (1), а также в результате постепенного отражения в сознании источника аффекта – сначала в целом, потом его конкретных проявлений (2). Такие разновидности антиципации не зарегистрированы в ПТД:

1) Drishogue (awed). There it is again – The house is quivering over us!
(O'Casey)

2) Hugh (he gets up; he is anywhere about the room; he is fearfully excited).
...I think I am beginning to see it now... those starving old women ... and Sally Long and London... (Robinson) [Синеокова 2003: 109-110]

³¹ Следует ограничивать такие построения от нейтральных грамматизированных антиципационных конструкций типа *It is impossible to eat it; It was he who visited us* и т.п.

В ПТД при использовании антиципации, так же как и в ряде случаев в АР, лексический состав высказывания известен говорящему до момента начала коммуникации. При этом он намеренно стремится выделить в первую очередь новые информативно ценные смысловые элементы:

Sarah (exasperated). Will that be achievement? To die? (Wesker)
[Синеокова 2003: 110]

Антиципирующая часть может представлять собой односоставное номинативное предложение, содержащее именованное словосочетание, нуждающееся в конкретизации. Главным членом именованного словосочетания в антиципационной части в ПТД могут являться абстрактные существительные, такие как *issue, comment, point, question, thing* и т.п.:

1) Another issue in this campaign, Governor Carter has endorsed the Democratic platform, which calls for more spending, bigger deficits, more inflation or more taxes. (Ford)

2) With respect to North Korea, the real story: We had inspectors and television cameras in the nuclear reactor in North Korea. (Kerry)

3) A few things that can be done: we have now a deferral system so that the multinational corporations who invest overseas – if they make a million dollars in profits overseas – they don't have to pay any of their taxes unless they bring their money back into this country. (Carter)

В АР коррелирующий элемент обычно представлен местоимением, а не широкозначным абстрактным существительным, как в ПТД, однако в АР зафиксировано и такое употребление:

Feelim. Two things we have to do – fight the raids and fight invasion. (O'Casey) [Синеокова 2003]

Такие построения с антиципацией следует отличать от конструкций с уточняющими материально избыточными элементами, входящими в состав предложения (см. раздел 2.2.1.2), как в следующем примере:

And, number three, we've got to deal with education so that our young people are competitive in a global economy. (Obama)

В качестве антиципирующей части может также выступать двусоставное предложение, значение одного из членов которого нуждается в дополнительной конкретизации.

1) He's got to get this thing more clear. Why do you spend a billion dollars on something you think is a fantasy and a fraud? (BushS)

2) I know what's happened over the course of the past eight years. These programs have been cut and slashed and butchered, and they've hurt kids all over this country. (Dukakis)

3) The average uh American person can't do it. You can't hire a lobbyist uh out of unemployment compensation checks. (Carter)

Данные конструкции следует отличать от смешанного повтора (см. раздел 2.2.1.1), использующегося в следующем примере:

We've got a plan in place. The plan says there will be elections in January, and there will be. The plan says we'll train Iraqi soldiers so they can do the hard work, and we are. (BushJ)

В ряде случаев коррелирующий элемент, нуждающийся в пояснении, выражен указательным или вопросительным местоимением *this/that/what*. Антиципирующая часть при этом представлена предложением или частью бессоюзного сложного предложения: *Let me say this; I know this; Understand this, I'll tell you what* и т.п.:

1) Martha. Try to understand this: You're not playing with paper dolls! (Hellman) [Синеокова 2003]

2) And let me say this – all he can talk about – he goes around ranting about Noriega. (BushS)

3) But understand this: We also have to look at where some of our tax revenues are going. Obama

Такие построения следует отличать от контактоустанавливающих материально избыточных элементов *You know/you see/I'll tell you* и т.п. (см. раздел 2.2.1.2) и вопросно-ответных конструкций (см. ниже).

Коррелирующий элемент в антиципирующей части может быть выражен указательным местоимением-подлежащим и предикативом, обладающим широкой семантикой и нуждающимся в конкретизации³²:

1) I wouldn't want to be a liberal either, Mr. President, but you're stuck with it because that's your record, that's your record in Arkansas: The biggest tax increase in history. The biggest crime increase in history, the biggest drug increase in history in Arkansas. (Dole)

2) Well, that's a choice we have to make, isn't it? Do we spend money on that weapon system in the billions and trillions, or is providing some decent and affordable housing for families of this country something that is at least as important and probably more so. (Dukakis)

3) And that's what they are. This is a group of killers who will not only kill here, but kill children in Russia, that'll attack unmercifully in Iraq, hoping to shake our will. (BushJ)

Кроме того, коррелирующий элемент может быть выражен номинативным элементом, выражающим оценку точки зрения, позиции, мнения, например, прилагательными *right, wrong, correct, obvious, the opposite, true* и т.п.³³:

1) And you're right. There is a lot of blame to go around. (Obama)

2) Senator Dole is correct. I did give about six months before the effective date of the act before lawsuits can actually be filed, even though they're effective now, and can be legally binding, because I want to change Cuba. (Clinton)

3) [They talk about family income being up.] That's not true in Connecticut, family income is down. (Dole)

³² Такие построения не зафиксированы в АР.

³³ Такие построения не зафиксированы в АР.

В ряде случаев вся антиципирующая часть нуждается в конкретизации:

1) Mary (More excitedly). Oh, we all realize why you like him, James!
Because he's cheap! (Three American Plays) [Синеокова 2003]

2) But you talk about judgment. I mean, what kind of judgment – I mean, jumping all over the president on his decision on one area of farm policy. (BushS)

Данные конструкции следует отличать от случаев с уточняющим обрывом в сочетании с эллипсисом (см. раздел 2.2.1.3), где нет антиципации, т.к. нет коррелирующего именного элемента в иницирующей части (1), и повтора-противопоставления (2):

1) We agreed to train and arm the Muslims so they could defend themselves, **<which is>** the policy you had when you ran in 1992. (Dole)

2) So – but, look, you're not interested in hearing politicians pointing fingers.
What you're interested in is trying to figure out, how is this going to impact you?
(Obama)

Антиципирующая часть может быть представлена конструкцией *Here/There is/are...*, в качестве смыслового подлежащего которой выступает абстрактное существительное, нуждающееся в конкретизации, типа *record, point, problem, difference* и т.п.³⁴:

1) Here's the record: We cut deficit four years in a row for the first time before the Civil War – I mean, before World War II, and maybe before the Civil War, too.
(Clinton)

2) But here's the point he misses. The federal government spends seven percent of the total on education, and the rest of the state governments and local governments and the thousand points of lightened I'm talking about private schools and private church schools and things of this nature – are putting up 93 percent.
(BushS)

3) Well, here's the problem with it: It sounds very good, but there's a reason that 500 economists, including seven Nobel prize winners and business periodicals

³⁴ Такие построения не зафиксированы в АР.

like Business Week, and even Senator Dole's friends, Senator Warren; Rudman, former Republican senator from New Hampshire, says it's not a practical program. (Clinton)

Такие конструкции с антиципацией следует отличать от нейтральных предложений со структурой *Here/There is/are...*:

There are several things that can be done specifically that are not now being done. [First of all, to channel research and development funds into areas that will provide uh large numbers of jobs.] (Carter)

Конструкции с антиципацией следует отличать от структур с уточняющим разрывом, цель которого не эмфатизация, а уточнение (см. раздел 2.2.1.3), как в следующих примерах:

1) We must let them know that the great American ideals – of independence, of the right of people to be free, and of the right to progress – that these are ideals that belong not to ourselves alone, but they belong to everybody. (Nixon)

2) And I think it's very important for the American president, as well as other Western leaders, to remind him of the great benefits of democracy, that democracy will best help the people realize their hopes and aspirations and dreams. (BushJ)

*Абсолютивный атрибут*³⁵¹ (ED04) представляет собой существительное (изолированное или с определением), выступающее в качестве самодовлеющего (интонационно законченного) высказывания и семантически соотносимое с одним из субстантивных членов предшествующего предложения. Функционирование существительного, соотносимого со смысловым коррелятом предшествующего предложения, приводит к повторной номинации предмета речи. Один из элементов высказывания, таким образом, оказывается в положении структурно избыточной материальной единицы [Скребнев 1985: 145-146; Синеокова 2003: 107-108]³⁶.

¹ Термин Ю.М. Скребнева [Скребнев 1985: 146].

³⁶ Поскольку прилагательные и причастные обороты не могут выступать в роли вторичного номинатора соотносенного с ним смыслового элемента предшествующего высказывания (они лишь указывают на его признаки, характеристики), подобные разновидности

В AP абсолютивный атрибут может употребляться, когда смысловые элементы реализуются по мере их возникновения в сознании и смещают информативный фокус высказывания. При этом абсолютивный атрибут представляет собой рематическую часть высказывания:

Nina (in aghast). How can Gordon insult poor Ned like that! ... his own father! ...Ned has suffered too much! ... (O'Neill)

Эмоционально доминирующей является вторая часть построения – абсолютивный атрибут *his own father*. Абсолютивный атрибут определяет член предложения, который может быть представлен смысловым элементом, имеющим вполне конкретное значение (в данном случае – именем собственным с определением); он не расшифровывает коррелят, а уточняет какой-то наиболее эмоционально значимый признак [Синеокова 2003: 108]. Такие конструкции не зарегистрированы в ПТД.

При сознательном лексическом и синтаксическом оформлении высказывания говорящий намеренно реализует рематическую часть высказывания, в которой обозначаются признаки, проявления предупомянутых элементов. При этом повторная номинация объекта всегда привлекает внимание:

1) A ve (shocked). Have you ever seen inside a factory? You want to stand by a machine all day? By a planer, a sander or a saw bench! (Wesker) [Синеокова 2003: 108]

2) In uh – January of 1975 he asked for a tax change: a \$5.6 billion increase on low-and-middle-income private individuals, a six and a half billion dollar decrease on the corporations and the special interests. (Carter)

3) Let me tell you what I tried to do about it. I appointed a four-star general who led our efforts south of the border to keep drugs from coming into the country

абсолютивного атрибута рассматривались выше, в разделе «Разрывы потенциального синтаксического целого» в рамках уточняющего разрыва: Well, there he goes again, that line has been used before, I mean, exaggerating all the things that he did. (Dole)

as our nation's drug czar. The most heavily directed, decorated soldier in uniform when he retired. (Clinton)

4) There's sophisticated people watching tonight. Millions and millions of Americans. (Dole)

Конструкции с абсолютивным атрибутом следует отличать от конструкций с уточняющим разрывом (см. раздел 2.2.1.3). Причиной появления обоих признаков является стремление говорящего уточнить значение одного из компонентов речевой цепи. На структурном уровне для обеих конструкций характерен разрыв; уточняющий разрыв может сочетаться с фокусирующим повтором, а для абсолютивного атрибута обязательна двойная номинация референта. Маркером абсолютивного атрибута может являться его позиция в высказывании – финальная. Конструкции с уточняющими вставками рассматриваются в рамках уточняющего разрыва:

He testified, and these are his words – the present governor of Georgia – he says he found the Medicaid program in Georgia in shambles. (Ford)

Некоторую сложность представляет определение статуса конструкций, содержащих элемент *one*, находящийся в позиции после разрыва³⁷. С одной стороны, налицо факт вторичной номинации; кроме того, структура с *one* занимает финальное положение в высказывании. Однако *one* не является существительным, а представляет собой местоимение-заместитель. На этом основании такие конструкции рассматриваются как уточняющий разрыв:

And so we began a new dialogue with North Korea, one that included not only the United States, but now China. (BushJ)

Абсолютивный атрибут следует также отличать от антиципационных конструкций: они выполняют сходные функции (уточнение значения предшествующего смыслового коррелята), но их синтаксическое строение, а также семантические и коммуникативные отношения между элементами соположенных предложений различны. При антиципации смысл компонента

³⁷ Такие построения не зафиксированы в АР.

действительно «зашифрован», и его «расшифровка» как бы запрограммирована. Абсолютивный атрибут определяет член предложения, который может быть представлен смысловым элементом, имеющим вполне конкретное значение; он не расшифровывает коррелят в указанном смысле, а уточняет те его признаки, которые являются наиболее эмоционально важными с точки зрения говорящего:

And so, today, we are 90 percent of the casualties and 90 percent of the cost: \$200 billion – \$200 billion that could have been used for health care, for schools, for construction, for prescription drugs for seniors, and it's in Iraq. (Kerry)

В AP в качестве абсолютивного атрибута может также выступать реплика-реакция на слова собеседника. В ПТД такие конструкции зарегистрированы не были:

Charley. Howard fired you.

Willy. That snotnose. (Miller) [Синеокова 2003: 108]

Вопросно-ответная конструкция (ED07) представляет собой монологическое высказывание, в котором говорящий задает вопрос и сам дает на него ответ. Целью такого высказывания является подчеркнутое выделение темы путем превращения ее в самостоятельное предложение (которое также может состоять из темы и ремы). Говорящий не ищет смысловые элементы; они известны ему до начала коммуникации. Выделение темы в рамках вопросительного предложения вызвано стремлением говорящего к эмоциональному усилению сказанного [Скребнев 1985: 156-158; Синеокова 2003: 111-112]:

1) Birdie (Begins to laugh hysterically). You know what? In twenty-two years I haven't had a whole day of happiness. (Hellman) [Синеокова 2003: 111]

2) Was it the right thing to do? I believe it was. (Clinton)

Построения подобного рода следует отличать от собственно вопросов, когда говорящий действительно задает вопрос (себе или собеседнику) и сам на него отвечает, однако такие конструкции (размышление вслух) не

свойственны ПТД, которые изначально являются апеллятивной формой речи, т.е. ориентированной на слушателя.

Иницирующая часть вопросно-ответного единства может быть представлена общим (1) или специальным вопросом (2):

1) Is it expensive? Yes. (McCain)

2) Blanche. ... Which of them left us a fortune? Which of them left a cent of insurance even? Only poor Jessie – one hundred to pay for her coffin. (William) [Синеокова 2003: 112]

Вопрос в иницирующей реплике может иметь более одного ответа в расшифровывающей части³⁸:

You know who voted for it? You might never know. That one. (McCain)

Иницирующая реплика-вопрос может использоваться в конструкции с псевдоцитированием, при этом ответная реплика заключается в словах самого говорящего³⁹:

But in the final analysis – in the final analysis, the person goes into that voting booth, they're going *to say*, "Who has the values I believe in? Who has the experience that we trust? Who has the integrity and stability to get the job done?" I My fellow Americans, I am that man and I ask for your support. (BushS)

Ответная часть в вопросно-ответном единстве не обязательно следует непосредственно за вопросительной – ее может предварять комментарий:

So you say, "Was it worth it?" *Every life is precious.* That's what distinguishes us from the enemy. *Everybody matters.* But I think it's worth it, Jim. (BushJ)

Вопросно-ответные единства (1) следует отличать от антиципационных конструкций, типа *I'll tell you what* (см. данный раздел выше), в которых говорящий не задает себе вопрос (2):

³⁸ Такие построения не зафиксированы в АР.

³⁹ Такие построения не зафиксированы в АР.

1) We've got to show that we've got good habits, because if we're running up trillion dollar debts that we're passing on to the next generation, then a lot of people are going to think, "Well, you know what? There's easy money out there." (Obama)

2) And I'll tell you what, the Treasury should demand that money back and those executives should be fired. (Obama)

Вопросно-ответные конструкции подобного рода следует отличать от несобственно-побудительных предложений (см. раздел 2.2.2.1) в сочетании со смешанным повтором⁴⁰:

Now, how does that grab you for increasing housing? Housing is up. (BushS)

Иницирующая реплика в вопросно-ответной конструкции может представлять собой косвенный вопрос, выраженный придаточным предикативным⁴¹:

The question is who makes the decision. And I think it has to be the woman, in the exercise of her own conscience and religious beliefs, that makes that decision. (Dukakis)

В качестве иницирующей реплики может использоваться конструкция (*Do*) *You know* с последующим вопросительным словом. В таких высказываниях при элиминировании вспомогательного глагола *do* иницирующая реплика представляет собой несобственно-вопросительное предложение (см. раздел 2.2.2.1):

1) Birdie (Begins to laugh hysterically). You know what? In twenty-two years I haven't had a whole day of happiness. (Hellman) [Синеокова 2003]

2) And you know what you'll find? This is the most liberal big-spending record in the United States Senate. (McCain)

3) Do you know who J. Danforth was, he was a man who gave his life in World War II, so ridiculing a person's name is a little beneath this process. (BushS)

⁴⁰ Ср.: в AP зафиксировано употребление несобственно-побудительного предложения в сочетании с вопросно-ответным единством: Charley. How do you like this kid? Gonna argue a case in front of the Supreme Court. (Miller) [Синеокова 2003]

⁴¹ Такие построения не зафиксированы в AP.

Вопросно-ответные реплики с *you know...?* следует отличать от высказываний с контактоустанавливающим материально избыточным элементом *you know* (см. раздел 2.2.1.2).

Иницирующая реплика-вопрос в ПТД может представлять собой расширяющую часть антиципационной конструкции:

Now there are other places where the executive can lead, but let me just sum up by saying this: why do I talk every time I'm in the South on civil rights? Not because I am preaching to the people of the South because this isn't just a Southern problem; it's a Northern problem and a Western problem; it's a problem for all of us. I do it because it's the responsibility of leadership, I do it because we have to solve this problem together. (Nixon)

Кроме того, иницирующая реплика может представлять собой несобственно-отрицательное предложение (см. раздел 2.2.2.1):

Is this the time to unleash our one-liners? That answer was about as clear as Boston harbor. (BushS)

Ответная реплика в вопросно-ответном единстве может заключать в себе несобственно-утвердительное предложение (см. раздел 2.2.2.1)⁴²:

What are our values? Isn't providing housing for families of low and moderate income, isn't it making possible for young families, first time home buyers to own their own home some day something that's part of the American dream? I think so. (Dukakis)

В ПТД возможно обособленное использование вопросительного местоимения *what* в середине повествовательного высказывания и следующий за ним ответ, что является особым апеллятивным приемом, характерным в том числе для такой разновидности ораторской речи, как лекторская речь⁴³:

We shot, what, 44 cruise missiles, worth about a million-two a piece, and hit some radar, that repaired in a couple, three days. (Dole)

⁴² Для АР также характерно сочетание вопросно-ответного единства и различных видов транспозиции [Синеокова 2003].

⁴³ Такие построения не зафиксированы в АР.

Специфические конструкции ПТД. Не зафиксированы.

Таким образом, в результате дифференциации группы «расшифровывающие конструкции» в ПТД был получен ряд, включающий следующие структурно-семантические признаки внутри модификации: предваряющий ориентир, антиципация, абсолютный атрибут и вопросно-ответное единство.

В таблице 2.4 приводятся структуры, входящие в группу «расшифровывающие конструкции» в ПТД и в АР.

Табл. 2.4

**Употребление структур, входящих в группу
«расшифровывающие конструкции»
в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
–	– предваряющий ориентир (ED02) – антиципация (ED05) – абсолютный атрибут (ED04) – вопросно-ответное единство (ED07)	–	–

2.2.1.5 Инверсия

Экспликативная специфика конструкций, входящих в группу модификации «инверсия», определяется их особым, отличным от нейтральных синтаксических форм построением, заключающемся в изменении порядка следования элементов в пределах данного коммуникативного типа предложения⁴⁴ [Барсова 1964; Бархударов 1966; Безрукова 1981; Блох 1976;

⁴⁴ Конструкции, в которых происходит переосмысление синтаксического значения, присущего им в нейтральной области языка, являются проявлением импликационной тенденции реализации значения и будут рассмотрены в разделе 2.2.2.1 «Транспозиция» настоящей главы.

Головань 1985; Гончарова 1999; Морозова 1996; Пименова 1990; Пумпянский 1974; Самойлова 1975; Синеокова 2003; Сиротинина 2003; Скребнев 1985; Старцева 1987; Туранский 1972; Шевякова 1981; Cooper, Ross 1975; Gardiner 1951; Geluykens 1994; Ilyish 1971; Jespersen 1940; King 1995; Kruisinga 1931; LGSWE 2000; Word Order Variation 1998 и др.].

В AP используются следующие структурно-семантические признаки внутри модификации «инверсия» (EI): квалифицирующая, корректирующая и эмфатическая инверсия.

Специфические конструкции AP. К специфическим конструкциям AP относится квалифицирующая инверсия.

Квалифицирующая инверсия (EI11) представлена стереотипными конструкциями, выражающими эмоциональное отношение говорящего к собеседнику, самому себе или предмету речи, построенными по схеме «предикатив + подлежащее (без глагола-связки)», а также субстантивными конструкциями с интенсификатором *what* и адъективными конструкциями с интенсификатором *how*, эллиптическими и неэллиптическими⁴⁵:

1) Sarah (throws a saucer at him). Swine, you! ... Weakling, you! (Wesker)

2) Michael (fervently). Oh, how throe, how throe that is! (O'Casey)
[Синеокова 2003: 115-118]⁴⁶

Данные конструкции манифестируют одновременное проявление двух тенденций в реализации значения: экспликативной и имплекативной. Аффект, с одной стороны, и стремление воздействовать на собеседника – с другой, ведут к элиминированию тематических элементов и рематизации структуры в целом. Усиление воздействия на собеседника достигается также выделением

⁴⁵ Выделяемые рядом исследователей эмоциональные конструкции такого типа с *so, such (a), that (those)* [Буренина 1989; Суслова 1998; Шаховский 1988] зарегистрированы не были.

⁴⁶ Подробнее о таких структурах см. Барсова 1964; Буренина 1989; Вдовиченко 1965; Гильмутдинов 1984; Девкин 1979; Литвищенко 1972; Малинович 1990; Пиотровская 1995; Elliot 1974.

эмоционально доминирующего элемента во фразоначальную позицию [Синеокова 2203: 115-116]⁴⁷.

Тожественные конструкции. Не зарегистрированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной группе признаков относятся корректирующая и эмфатизирующая инверсия.

Корректирующая инверсия (Е112) связана со стремлением говорящего лексически и грамматически оформить высказывание адекватно целям коммуникации. Возникновение корректирующей инверсии в АР связано с тем, что говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоций на мыслительные процессы. Примерами корректирующей инверсии в АР являются неинвертированные вопросительные реплики в переспросе (1)⁴⁸, а также реализация обстоятельств (*very, quite, absolutely* и др.) в постпозиции после паузы (2):

1) E v a n s (tenderly). Ned told me – the secret – and I’m so happy, dear!

N i n a (stammering). Ned told you – what? (O'Neill)

2) M a r s d e n (his voice trembling with terror). I don’t understand – quite. (O'Neill) [Синеокова 2003: 118-119]

Возникновение корректирующей инверсии в ПТД объясняется тем, что, как правило, предложения имеют сложную структуру с несколькими придаточными и сочинительными частями. У говорящего возникает потребность уточнить какой-то фрагмент высказывания уже после его произнесения. В ПТД в конструкциях с корректирующей инверсией используются второстепенные члены предложения в узуально несвойственной для них позиции. Причиной такого использования является добавление с

⁴⁷ Данные конструкции следует отличать от сходных с ними по функции эллиптических неинвертированных односоставных конструкций (см. раздел 2.2.2.2), а также от обращений-аффективов (см. раздел 2.2.1.2).

⁴⁸ Отсутствие таких конструкций в имеющейся базе данных ПТД можно объяснить тем, что для ПТД вообще не типичны переспросы. Оратору, как правило, понятно то, о чем идет речь.

целью уточнения. Данные построения возникают в результате того, что говорящему не известна до конца перспектива высказывания, предложение строится по мере произнесения:

Admirals Spruance and Callins in 1955 said that we should not attempt to defend these islands, in their conference in the Far East. (Kennedy)

Разновидностью таких построений является дистанционное (по отношению к антецеденту) использование относительного определительного придаточного (relative attributive clause)⁴⁹:

1) And secondly, in terms of the cutting of the Coast Guard, the Democratic controlled Congress, so please help us with that, who cut \$70 million from the Coast Guard out of the interdiction effort on narcotics. (BushS)

2) Senator Kennedy has expressed some hopes in this field, hopes which I think all Americans would share who want some problem – some progress in this area. (Nixon)

Корректирующую инверсию следует отличать от уточняющего разрыва (см. раздел 2.2.1.3).

К *эмфатизирующей инверсии* (EI13) в AP могут относиться конструкции с *It's ...!* и *How...!*, имеющие грамматикализованный характер. Целью использования структуры *It's ...!* является эмфатизация части сказуемого или дополнения:

Nell. Mother of Heaven, it's scared they'll be of me! (Hughes)

Целью использования адвербиальной структуры *How...!* является эмфатизация обстоятельства:

Drishogue (delightedly). A Kelt! How well I knew some jewel of nature hid in how you looked and what you did and all you said! (O'Casey) [Синеокова 2003]

Адвербиальные конструкции с *How...!*, относящиеся к эмфатизирующей инверсии, следует отличать от адъективных конструкций с *How...!*, относящихся к квалифицирующей инверсии (см. данный раздел выше).

⁴⁹ Такие построения не зафиксированы в AP.

Подобные построения не были зафиксированы в ПТД.

Другие случаи эмфатизирующей инверсии связаны с двумя противоположными процессами при реализации эмоционального значения. Так, в ряде случаев происходит перенос в ненейтральную позицию дополнений, предикативов, обстоятельств (которые могут быть выражены причастными оборотами и придаточными предложениями) с целью их собственной эмфатизации; с другой стороны, функционирование этих элементов в ненейтральной позиции (в том числе, в начальной) может служить эмфатизации последующей части предложения⁵⁰:

1) *Feel im (he raises his hand in an eloquent gesture). Hearts of oak don't last; so hearts of steel we are!* (O'Casey)

2) *John (wildly...). To him it matters! Every pocket of air his nostrils latch on matters to him!* (Pinner) [Синеокова 2003: 119-120]

Примером эмфатизации последующей части высказывания является следующее предложение:

And many of the things the President talked about, he turned over to the United Nations. (Dole)

Примерами эмфатизации смысловых элементов могут служить следующие высказывания:

1) *This we must get across to the world.* (Nixon)

2) *But if there's one thing we also understand it is that you cannot make concessions to terrorists, ever, ever.* (Dukakis)

Одной из разновидностей построений данного типа является грамматикализованная конструкция «Adj.+N./N./Adj. + *as* + N./Pr. + V.»:

These make-work, temporary jobs – dead end as they are – are not the kind of jobs that we want for our people. (Ford)

⁵⁰ В AP в начальной позиции употребляются все второстепенные члены, а в других ненейтральных позициях – только обстоятельства.

Данную разновидность эмфатизирующей инверсии следует отличать от вводных слов, которые могут занимать любое место в предложении и вследствие этого не могут считаться инвертированными (см. раздел 2.2.1.2).

Следует иметь в виду, что слова *now* и *here* могут функционировать как уточняющие или контактоустанавливающие материально избыточные элементы (1) – при письменной фиксации они обособляются – (см. раздел 2.2.1.2) и как инвертированные обстоятельства времени и места (2):

1) Now, if that quote was wrong, he can repudiate it, right here. (BushS)

2) Now we have this incredible mess in Iraq – \$200 billion. (Kerry)

Слова *then* и *so* могут функционировать как элемент сложного союза (*once ... then, if ... then/so*), вводящего придаточное причины или условия, (1) или как инвертированное наречие (2):

1) But no, I'm for the sanctity of life, and once that illegality is established, then we can come to grips with the penalty side, and of course there's got to be some penalties to enforce the law, whatever they may be. (BushS)

2) Then his budget that he passed along with Speaker Gingrich cut Medicare \$270 billion, more than was necessary to repair the Medicare trust fund. (Clinton)

Кроме того, инвертированное использование наречий *now* и *then* следует отличать от случаев, когда эти элементы являются частью союзов *and now* и *and then*, вводящих потенциально сочиненные предложения (см. раздел 2.2.2.3).

Как отмечают исследователи, намеренное использование построений с функционирующими в препозиции дополнениями и обстоятельствами с целью их эмфатизации является неотъемлемым компонентом речи, направленной на собеседника [Hook, Mathews 1956; Данилова 1988; Кварцхава 1978; Шевякова 1981; Янелюнайте 1985 и др.].

Следует отметить, однако, что фиксированность позиции указанных элементов в разговорной речи постоянно нарушается. Не случайно во многих работах в качестве объекта для исследования выбираются конструкции с

перестановкой исключительно главных членов, то есть под инверсией понимается изменение расположения обязательных элементов [Кравченко 1972; Образцова 1987]. К наиболее типичным инвертированным эмоциональным конструкциям относятся предложения типа предикатив – подлежащее – глагол-связка: *Bloody mad he is* [Буренина 1989: 54-55]. Предложения с инверсией обстоятельств также связаны с позиционными и семантическими особенностями главных членов: в предложениях с прямым порядком подлежащего и сказуемого семантически более важный элемент – сказуемое, второй по важности – обстоятельство, начинающее предложение, а подлежащее остается в «тени»; в предложениях с обратным порядком подлежащего и сказуемого именно подлежащее является наиболее значимым смысловым элементом, а содержание стоящего в начале предложения обстоятельства и следующего за ним сказуемого как бы подготавливает появление основного элемента в виде подлежащего. При этом второй вид инверсии более эмфатичен. Дополнения встречаются в начале предложения значительно реже, чем обстоятельства [Буренина 1989].

В ПТД, в отличие от АР, зафиксировано использование конструкций с *эмфатической перестановкой подлежащего и сказуемого*, которая носит грамматикализованный характер и употребляется в следующих структурах:

- в сложносочиненных предложениях с соединительной связью (союзы *nor, neither nor*) (1);
- в сложноподчиненных предложениях с придаточным сравнительным, вводимым наречными союзами *so, as* (2);
- в придаточных условных с глаголом *had*, вводимых бессоюзно (3);
- после конструкций с отрицательным или ограничивающим значением в сочетании с вынесением в препозицию обстоятельства (4);
- при использовании глагола-сказуемого *come* в препозиции по отношению к подлежащему со значением времени или условия (5):

1) No president, through all of American history, has ever ceded, and nor would I, the right to preempt in any way necessary to protect the United States of America. (Kerry)

2) I'm a student of history as is Senator Kennedy, incidentally; and I have found that in the history of this country we've had many great presidents. (Nixon)

3) There's just no doubt in my mind we would rue the day, had Saddam Hussein been in power. (BushJ)

4) And then came some other program, and then came healthcare, and then came the tax increase and a lot of these things stopped in 1994 because then the Congress changed, and I think we've done a good job. (Dole)

5) And because we're going to move in sixty-one and two, partly because we have not maintained our strength with sufficient vigor in the last years, I believe that before we meet that crisis, that the next president of the United States should send a message to Congress asking for a revitalization of our military strength, because come spring or late in the winter we're going to be face to face with the most serious Berlin crisis since 1949 or fifty. (Kennedy)

В АР зафиксировано инвертированное употребление только части сказуемого:

Feelim. Dig we must while them U-boats are prowlin' about. (O'Casey)

Кроме того, инвертированное употребление части сказуемого в АР используется в эмфатических структурах с *It's ...!* (см. данный раздел выше).

Таким образом, в результате дифференциации группы «инверсия» в ПТД был получен ряд, включающий два структурно-семантических признака внутри модификации: корректирующая и эмфатизирующая инверсия.

В таблице 2.5 приведены структуры, входящие в группу «инверсия» в ПТД и в АР.

**Употребление структур,
входящих в группу «инверсия» в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
–	– корректирующая инверсия (Е112) – эмфатизирующая инверсия (Е113)	–	– квалифицирующая инверсия (Е111)

2.2.2. Импликативные формы модификаций

2.2.2.1. Транспозиция

Основной характеристикой транспонированных конструкций, характеризующихся перегрузкой формы избыточным с точки зрения нейтральной структуры содержанием, является нарушение четкой формально-функциональной распределенности по типам предложения, свойственной нейтральной области языка [см. напр.: Аникина 2001; Бердник 1974; Бердникова 1972; Беседина 1995; Блох 1973; Вакуленко 1992; Вейхман 2001; Герасимова 1986; Гладуш 1985; Грачева 2001; Дорошенко 1985; Егорова 1989; Занина 1994; Истомина 1982; Казанли 1989; Королькова 1980; Курбатова 2002; Лисенкова 1989; Лисенкова 2007; Малюга 2001; Михайлова 2002; Саидова 1987; Седова 2002; Семенихина 1985; Сергеева 1993; Синеокова 2003; Скребнев 1985; Смирнова 1977; Смирнова 2002; Сызранцева 1995; Фурс 1995; Шамшина 2002; Щербинина 2002; Comorovski 1996; Elliot 1974 и др.]. Особенно ярко данная особенность проявляется в эмоциональной речи.

В АР используются следующие структурно-семантические признаки внутри модификации «транспозиция» (IP): несобственно-вопросительные предложения, несобственно-утвердительные предложения, несобственно-

отрицательные предложения, несобственно-побудительные предложения, предложения-аффективы, междометные и тонирующие предложения⁵¹.

Специфические конструкции АР. К специфическим конструкциям АР относятся тонирующие и междометные предложения, а также предложения-аффективы.

Тонирующие предложения (несобственно-восклицательные предложения) (IP03) представлены различными коммуникативными и структурными типами предложений, реализуемых с восклицательной интонацией⁵²:

Dillery (wild with excitement). They've come; at last they've come, fr'm America – arms, arms, arms! (O'Casey) [Синеокова 2003: 122-123]⁵³

Следует отметить, что в ПТД не зарегистрирован ни один случай употребления восклицательных предложений – ни собственно восклицательных, ни тонирующих. Однако трудно представить апеллятивную ораторскую речь, произносимую *без* высказываний с восклицательной интонацией. По-видимому, отсутствие пунктуационного маркера восклицательности при письменной фиксации ПТД объясняется личными предпочтениями стенографистов. Определение наличия восклицательных предложений в ПТД требует отдельного фонетического исследования. На основании отсутствия пунктуационного обозначения восклицательности в ПТД тонирующие предложения условно рассматриваются как специфический признак АР.

Междометные предложения (IP16) имплицитно смысл сказанного, диффузно отражают эмоциональную реакцию говорящего на реплику собеседника, причем конкретное их содержание зависит от ситуации

⁵¹ Классификация уточнена О.А. Лисенковой [Лисенкова 2007].

⁵² Такого рода высказывания составили две трети всех высказываний, входящих в модификацию «транспозиция» в АР.

⁵³ Особенностью данного признака является то, что чаще всего он налагается на другие структурно-семантические признаки. Так, в сочетании с тавтологическим повтором тонирующие предложения используются в АР в состоянии диссоциации [Синеокова 2003].

общения. Они выделены в отдельную группу, поскольку круг выражаемых ими значений значительно шире, чем круг значений, реализуемый предложениями-аффективами (см. данный раздел ниже):

Old Woman (angrily). Good God! (O'Casey) [Синеокова 2003: 130]

Предложения-аффективы (IP15) представляют собой изолированно реализуемые обращения, отрицательное слово *no*, вопросительные слова, выступающие в функции междометий, и некоторые клишированные высказывания:

Winston. John! (Winston explodes with joy). (Fugard) [Синеокова 2003: 129-130]

Тожественные конструкции. Не зафиксированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной группе признаков относятся несобственно-вопросительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения.

Одной из разновидностей *несобственно-вопросительных предложений* (IP11) в АР являются повествовательные предложения с материально избыточными (чаще всего междометными) элементами, служащими сигналами вопросительности, – *right?*, *see?*, *eh?*, *huh?* (см. раздел 2.2.1.2):

Brassbound (fiercely). Mutiny, eh? (Shaw)

Кроме того, несобственно-вопросительные предложения реализуются в виде неинвертированных вопросительных предложений. В АР они возникают в тех случаях, когда говорящий не успевает грамматически «правильно» построить вопрос:

Blanche ... looks about her with an expression of almost panic...

Blanche. You haven't heard any – unkind – gossip about me? (Williams)

В АР и в ПТД употребление несобственно-вопросительных предложений может являться результатом их осознанной реализации:

1) Julia (archly surprised). Then you knew someone was coming? (Coward)
[Синеокова 2003: 124]

2) Remember that, George? (Dukakis)

3) You know he came to the Senate and never once proposed legislation to do that? (McCain)

В ПТД так же, как и в АР, несобственно-вопросительные предложения часто являются иницилирующей частью вопросно-ответного единства:

You know why? *Because an enemy realizes the stakes.* (BushJ)

Несобственно-вопросительные предложения в ПТД могут использоваться при псевдоцитировании:

We've got to show that we've got good habits, because if we're running up trillion dollar debts that we're passing on to the next generation, then a lot of people are going *to think*, "Well, you know what? There's easy money out there." (Obama)

Несобственно-вопросительные предложения с *You know what?* следует отличать от высказываний, содержащих материально избыточный контактоустанавливающий элемент *you know* (см. раздел 2.2.1.2).

Несобственно-утвердительные предложения (IP12) представлены в АР и ПТД несколькими структурно-семантическими разновидностями.

Наиболее распространенной из них является так называемый риторический вопрос, лингвистический механизм которого заключается в переосмыслении синтаксического значения вопросительности. В качестве риторического вопроса в ПТД может использоваться общий вопрос в отрицательно-вопросительной форме (1), общий вопрос в утвердительно-вопросительной форме (2)⁵⁴, специальный вопрос (3) и альтернативный вопрос, когда говорящий имплицитно в качестве правильного ответа одну из предложенных им опций (4)⁵⁵:

⁵⁴ В АР не используется утвердительная форма в риторическом вопросе со значением утверждения (только отрицания).

⁵⁵ В АР не используются альтернативные вопросы в качестве несобственно-утвердительных предложений.

1) Wouldn't it be nice to be perfect? (BushS)

2) Are you working harder to put food on the table, feed your children. (Dole)

3) How is our credibility with the GCC countries on the Western side of the Gulf. (BushS) = Our credibility is better.

4) Should we have listened to my opponent who wanted to send the UN into the Persian Gulf *or* in spite of the mistakes of the past, are we doing better there? (BushS)

Кроме того, в качестве риторического вопроса может использоваться придаточное изъяснительное или предикативное, являющееся общим или специальным вопросом⁵⁶:

But even more importantly, you *worry* about the future and will they have the same opportunities that you and I have had. (Dole)

Поскольку данные высказывания не предполагают вопрос к собеседнику, реплика, следующая за ними, не является ответной в собственном смысле слова:

Now we need to *focus on* what do we need to do to be better off still. How can we help people as we are to get their retirements when they work for small businesses, to be able to afford health insurance, to be able to educate their children. That's what I want to focus on. (Clinton)

Данный тип риторического вопроса может использоваться при псевдоцитировании:

A Gallup Poll taken in February of this year asking the – in eight out of nine countries – they *asked* the people, who do they think would be ahead by 1970 militarily and scientifically, and a majority in eight of the nine countries said the Soviet Union would be by 1970. (Kennedy)

Свидетельством переосмысления значения вопросительности служит интонационное оформление высказывания:

⁵⁶ Такие построения не зафиксированы в АР.

But each and every one of us can start *thinking about* how can we save energy in our homes, in our buildings. (Obama)

Разделительные вопросы в АР и ПТД, подобно риторическим вопросам, не предполагают ответ собеседника. Их основной функцией в ПТД является выражение уверенности:

Well, that's a choice we have to make, isn't it? (Dukakis)

В АР функция разделительных вопросов – выражение сомнения, поиски подтверждения своей мысли:

Beatie (despairingly). I can't Mother, you're right – the apple don't fall far from the tree, do it? (Wesker) [Синеокова 2003: 125]

Мнимый переспрос можно определить как вопросно-ответную реплику, первая часть которой воспроизводит (частично или полностью) реплику собеседника:

Sara (to the children). What would you like for breakfast?

Ba better (surprised). What would we like? Why, Mama, we will have anything that can be spared. (Hellman) [Синеокова 2003: 126]

В ПТД мнимый переспрос является ответом на вопрос журналиста, оформленным как высказывание, состоящее из двух частей. Первая часть (переспрос) представляет собой частичное или полное воспроизведение реплики собеседника (в данном случае – вопрос журналиста, содержащий упрек оппонента, и вопрос журналиста к оппоненту) с вопросительной или утвердительной интонацией⁵⁷, являющееся эмоциональной реакцией говорящего на услышанное. Вторая часть является собственно ответом на вопрос журналиста. В построениях такого рода вопросительная часть является исходным пунктом – усиленной темой – для дальнейшего высказывания. Использование мнимого переспроса в ПТД вызвано стремлением говорящего

⁵⁷ В АР повтор-мнимый переспрос реализуется с вопросительной или восклицательной интонацией.

выделить рематическую часть высказывания, являющегося ответом на вопрос собеседника:

[LEHRER: Mr. President, the Senator mentioned trial lawyers and campaign, that means campaign financing. How do you personally avoid being unduly influenced by people who give you money or give you services in your campaigns? Сначала Клинтон отвечает на вопрос журналиста, а потом – комментарий Доула с мнимым переспросом.]

How does he avoid conflict? Well, I don't know in the case of the trial lawyers. (Dole) = He is influenced by those who give him money.

Функции мнимого переспроса в ПТД:

– отражение эмоциональной реакции на услышанное (слова журналиста или оппонента);

– напоминание темы (поскольку она была заявлена журналистом или оппонентом ранее) для привлечения внимания слушающих к реме.

Мнимый переспрос может начинаться с *Do I think, You ask*:

1) [LEHRER: Mr. President, the Senator mentioned drugs. He suggested that you are – you bear some responsibility for the rise in drug use of teenagers in the United States. Is he right?]

Do I think that I bear some responsibility for the fact that too many of our children still don't understand drugs are wrong, drugs can kill you. Even though I have consistently opposed the legalization of drugs all my public life and worked hard against them. I think we all do. And I hope we can do better. (Clinton)

2) [LEHRER: Senator Dole, if elected president, what criteria would you use to decide when to send U.S. troops into harm's way. Далее Доул отвечает на вопрос журналиста (Dole: He's deployed more troops than any president in history around the world.) Затем следует комментарий Клинтона.]

You ask when do you decide to deploy them. The interests of the American people must be at stake. Our values must be at stake. (Clinton)

В отличие от АР, где мнимый переспрос – мгновенная эмоциональная реакция на реплику-раздражитель, в ПТД мнимый переспрос представляет собой дистантный (расчлененный другими репликами) повтор, реализующийся на фоне широкого контекста.

В АР в ряде случаев (при выражении положительных эмоций) реплика после мнимого переспроса не разворачивается:

Laurel (calling out). Hurry up, you two sleepyheads, breakfast is on the table.

Alan (ecstatic). Breakfast? (Fierstein)

В ПТД таких построений зарегистрирован не было, что объясняется тем, что оратор обязан дать ответ на вопрос журналиста.

Мнимый переспрос следует отличать от вопросно-ответных конструкций, первая часть которых также представляет собой усиленную тему. При мнимом переспросе исходная часть высказывания является дублированием реплики собеседника с целью выражения эмоциональной реакции на его слова.

К несобственно-утвердительным предложениям в АР и ПТД относятся также клишированные конструкции. В АР возможно использование клишированных конструкций «междометие + отрицательная псевдопридаточная часть, вводимая союзом *if*» (1) и «придаточное, вводимое союзом *as if* в синтаксической изоляции» (2):

1) Larry (has been staring into his eyes with a fascinated wondering dread). Be God, if I'm not beginning to think you've gone mad! (O'Neil)

2) Darrell (desperate). Sam thinks I'm finest fellow in the world... and I do this to him!... as if he hadn't enough!... (O'Neil) [Синеокова 2003: 126-127]

В ПТД используется «сложноподчиненное предложение с отрицательной псевдопридаточной частью, вводимой союзом *if*». При этом имплицитно утверждается то, о чем говорится в псевдопридаточной части:

Now, if these aren't special interests, I've got a lot to learn. (Dole)⁵⁸

Несобственно-отрицательные предложения (IP13) также представлены разнообразными конструкциями.

Отклоняющий повтор представляет собой высказывание, копирующее реплику или часть реплики собеседника и выражающее с помощью соответствующего интонационного оформления ироническое согласие с ее содержанием – т.е., тем самым, отклонение, отрицание истинности или уместности сказанного [Скребнев 1985]. Наиболее характерной функцией такого повтора является передача резкого неодобрения с оттенками иронии, пренебрежения, негодования или возмущения [Буренина 1989: 65]:

Harry (shouting). Tell your mother to stop it, she's the cause, it's her row. Don't you know your mother by now?

Sarah. I'm the cause? Me? You hear him, Ada, you hear him? I'm the cause! (Wesker)

В АР в качестве отклоняющего повтора часто используются типизированные словосочетания *To hell with*, *The hell/pig*, *I'll show* (1) или лексикализованные стереотипные реплики, оформленные соответственно интонационно, также выражают отрицательную эмоциональную реакцию говорящего (2):

1) George (advancing on her). You will not say this!

Martha. The hell I won't. (Albee)

2) Darrell (violently). Damn my career! A lot of good that did it! (O'Neill) [Синеокова 2003: 127-128]

В ПТД в качестве отклоняющего повтора характерно использование структуры, состоящей из двух синсемантических частей, а именно – повтора реплики или фрагмента реплики собеседника с последующей реализацией

⁵⁸ Утвердительные конструкции типа *As if it mattered!*, *If only I could*, рассматриваемые рядом исследователей как эмоциональные [Буренина 1989; Кашурникова 1979; Намталишвили 1971; Семенихина 1985], не были зарегистрированы ни в АР, ни в ПТД.

рематической части высказывания, которая выражает отрицание истинности сказанного. Возможно предварение повтора реплики собеседника смысловыми элементами типа *What kind of, And/But I'd like to know*, усиливающими значение отрицания истинности сказанного. Маркерами отклоняющего повтора могут также служить выражения типа *he says, (you) talk about*. Особым случаем отклоняющего повтора является использование клишированных конструкций типа *That's right* в значении иронического переосмысления:

1) [Dukakis: I've picked a lot of people. I've picked cabinets. I've named *judges*. Далее Дукакис объясняет свой выбор кандидатуры вице-президента, а Буш его разоблачает.]

But you talk about judgment. I mean, what kind of judgment – I mean, jumping all over the president on his decision on one area of farm policy. (BushS)

2) He's said that it's been a policy that has led to defeat and retreat. And I'd like to know where have we been defeated and where have we retreated? (Nixon)

3) He says he's learned how to match unemployment with inflation. That's right. We've got the highest inflation we've had in twenty-five years right now, except under this administration, and that was fifty years ago. And we've got uh - the highest unemployment we've had uh – under Mr. Ford's administration, since the Great Depression. (Carter)

4) Talk about mixed messages. The president is the one that said, "We can't allow countries to get nuclear weapons." They have. (Kerry)

Отклоняющий повтор следует отличать от повтора-отрицания реплики собеседника, где эмоциональная оценка выражена эксплицитно (при помощи слов *yes/no* или их эквивалентов) (см. раздел 2.2.1.1). В примере 3 выше *That's right* имплицитно отрицание.

Отклоняющий повтор следует также отличать от вопросно-ответного единства (см. раздел 2.2.1.4).

Риторический вопрос в утвердительно-вопросительной форме, имплицитно отрицательное значение. В АР он может быть выражен

конструкциями с *Who cares...*, *Do you think (it is easy)*, *You think...*, *How'd you like...*, *Who are you to...*, *How could any man suspect...*, *Who(ever) would have thought...*, *Why should I...*(1), конструкциями с междометиями и междометными фразеологизмами, эксплетивами, обращениями-оскорблениями (2), клишированными конструкциями (3):

1) Darrell (then in a queer, futile rage). You think I'll stay – to be your lover – watching Sam with my wife and my child – you think that's what I came back to you for? (O'Neill)

2) Biff (with rising agitation). ...What the hell am I doing playing around with horses, twenty eight dollars a week! (Miller)

3) Angela (fiercely). How sweet of you! (O'Casey) [Синеокова 2003: 127].

В ПТД риторический вопрос может быть представлен общим (1), специальным (2-3) и альтернативным вопросом (4)⁵⁹. Специальный вопрос при этом может начинаться со смысловых элементов типа *What (kind of) ...*, *What's he to say to...*, *Who is he talking about?*, усиливающих значение отрицания:

1) Civilians get onto aircraft, and their luggage is X-rayed, but the cargo hold is not X- rayed. Does that make you feel safer in America? (Kerry)

2) What kind of judgment sense has your chief education adviser now in jail in Massachusetts? I mean, there's – I don't think this is a fair argument. (BushS)

3) Saddam Hussein had no intention of disarming. Why should he? He had 16 other resolutions and nothing took place. (BushJ)

4) Should we have listened to my opponent who wanted to send the UN into the Persian Gulf or in spite of the mistakes of the past, are we doing better there? (BushS)

Риторический вопрос в ПТД может использоваться при псевдоцитировании:

⁵⁹ В АР не зафиксировано использование несобственно-отрицательных предложений, выраженных специальными и альтернативными вопросами.

And if I were to ever say, "This is the wrong war at the wrong time at the wrong place," the troops would *wonder*, how can I follow this guy? (BushJ)

Несобственно-отрицательное предложение (риторический вопрос) может представлять собой иницирующую часть вопросно-ответного единства (см. раздел 2.2.1.4.):

[Well, I guess some may be better off. Saddam Hussein is probably better off than he was four years ago. Renee Proval is probably better off than he was four years ago.] But are the American people? *They're working harder and higher and harder paying more taxes.* (Dole)

Лексикализованные стереотипные реплики, оформленные соответственно интонационно, также выражают отрицательную эмоциональную реакцию говорящего в ПТД:

1) It's taken months and months and months to get Mr. Bush and the administration to support that legislation, and they're still resisting. That's the way you help people. (Dukakis)

2) Well, the AmeriCorps program, I must say, if that's one of your successes, I wouldn't speak about it too loudly. (Dole)

3) If you're a small business person and you don't insure your employees, Sen. Obama will fine you. Will fine you. That's remarkable. If you're a parent and you're struggling to get health insurance for your children, Sen. Obama will fine you. (McCain)

Несобственно-побудительные предложения (IP14) могут реализовываться в АР через вопрос-побуждение (1), контактоустанавливающий вопрос (2), побуждение-упрек (3) и безглагольные побудительные предложения (4):

1) Michael (shouting). Good God, man, couldn't you do what you're told! (O'Casey)

2) John (very excited). See how easy it is, Winston? (Fugard)

3) Tyrone (in a rage). How dare you talk to your father like that, you insolent young cub! After all I've done for you. (O'Neill)

4) Shanaar (violently). No notice, no notice! (O'Casey) [Синеокова 2003: 128-129]

В ПТД несобственно-побудительные предложения так же, как и в АР, могут быть представлены вопросами-побуждениями. Общие вопросы используются в утвердительно-вопросительной форме (1), а специальные – в отрицательно-вопросительной, с помощью структуры *Why not?* (2):

1) Tom, can I respond to this briefly? Because... (Obama)

2) But why shouldn't everybody have that choice. Why shouldn't low income Americans and low middle income Americans. (Dole)

При этом побуждение в ПТД имеет специфический характер. В отличие от АР, где побуждение направлено на собеседника и говорящий ждет от него незамедлительной реакции (выполнения его волеизъявления), в ПТД побуждение не адресовано конкретно оппоненту или аудитории, а относится к ситуации, описываемой в высказывании:

They can take it anywhere, across state lines. Why not? Don't we go across state lines when we purchase other things in America? (McCain)

Сенатор МакКейн говорит о том, что пациенты должны иметь возможность выбирать более дешевые медицинские услуги, предлагаемые в клиниках других штатов (не только своего), что не позволяет обсуждаемая система медицинского страхования: <Давайте сделаем так, чтобы люди могли обращаться за более дешевыми медицинскими услугами в другие штаты, что соответствует программе, предлагаемой оратором.>

Why can't Landale Shakespeare in Cleveland or Pilar Gonzales in Milwaukee give their children an opportunity to go to a better school. (Dole) <Давайте сделаем так, чтобы простые люди имели возможность отправить своих детей в хорошие школы.>

В ПТД в ряде случаев, так же как и в АР, целью вопроса-побуждения является привлечение внимания слушающих (контактоустанавливающий вопрос):

Now, how does that grab you for increasing housing? Housing is up. (BushS)

Специфические структуры ПТД. Не зафиксированы.

Таким образом, в результате дифференциации группы «транспозиция» в ПТД был получен ряд, включающий следующие структурно-семантические признаки внутри модификации: несобственно-вопросительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения.

В таблице 2.6 приведены структуры, входящие в группу «транспозиция» в ПТД и в АР.

Табл. 2.6

**Употребление структур,
входящих в группу «транспозиция» в ПТД и АР**

Тождественные конструкции в ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
–	<ul style="list-style-type: none"> – несобственно-вопросительные предложения (IP11) – несобственно-утвердительные предложения (IP12) – несобственно-отрицательные предложения (IP13) – несобственно-побудительные предложения (IP14) 	–	<ul style="list-style-type: none"> – тонирующие предложения (IP03) – междометные предложения (IP16) – предложения-аффективы (IP15)

2.2.2.2. Эллипсис

Эллипсис, или отсутствие в высказывании ожидаемых с точки зрения нейтральной области языка материальных элементов, является широко

известной особенностью синтаксиса разговорной речи в целом. Эллипсис заключается в «переводе в импликацию структурно необходимого элемента конструкции» [Почепцов 1967: 599]. Изучению данного явления посвящено большое количество специальных исследований [Аржанова 1999; Афанасьева 1989; Вардуть 1969; Вейхман 1962, 2001; Ветрова 1982; Гаврилук 1987; Герасимова 1989; Гизатуллина 2001; Елькин 2001; Засыпкин 1998; Коретникова 1999; Косоножкина 1988; Кульчицкая 1989; Любавская 1985; Маркелова 1986; Михайлова 1997; Одинец 1997; Олейник 1991; Першикова 1982; Полякова 1991; Примерова 1988; Ситнова 1978; Сухомлинова 1988; Хлевчук 1981; Шмелев 1975; Шпак 1990; Щербаков 1983; Thomas 1979].

Справедливо замечено, что «эллиптическая конструкция вполне адекватна своим информационно-коммуникационным задачам – в противном случае она не использовалась бы в речи. Более того, повторяемость эллиптических конструкций в текстах свидетельствует о существовании в разговорном субъязыке синтаксической модели, по которой она образуется в речи. Квалифицировать ее как структурно дефектную при инвентаризации разговорных моделей вне сравнения их с моделями нейтральными столь же неправомерно, как нет оснований считать эллиптическими, с точки зрения описательной грамматики русского книжно-литературного субъязыка, бессвязочные предложения с именным сказуемым [Скребнев 1985: 187]. При этом, однако, структурная неполнота подобных «импликационных конструкций» явственно обнаруживается на фоне логически полных предложений, содержащих оба главных члена и свойственные данному языку строевые элементы» (там же: 188).

Поскольку данная точка зрения является определяющей для большинства исследователей, к эллиптическим конструкциям относят конструкции, в которых отсутствуют подлежащее, сказуемое, оба главных члена, подлежащее и часть сказуемого, а также строевые элементы.

В АР используются следующие структурно-семантические признаки внутри модификации «эллипсис» (IE): предложения-инвективы и предложения-эмфатизаторы.

Специфические конструкции АР. К специфическим конструкциям АР относятся *предложения-инвективы* (IE11), представленные высказываниями, выражающими отрицательное эмоциональное отношение говорящего к собеседнику. Негативная оценка реализуется с помощью слов (часто вульгаризмов) с отрицательной коннотацией. Структурно предложения-инвективы представляют собой высказывания с незаполненными позициями одного или обоих главных членов, однако стереотипность их построения и значения позволяют выделить их в самостоятельную структурно-семантическую группу:

В iff. You fake! (Miller) [Синеокова 2003: 134]

Предложения-инвективы следует отличать от случаев, когда инвективы функционируют в составе другого высказывания и относятся к материально избыточным элементам (см. раздел 2.2.1.2), а также от случаев квалифицирующей инверсии с местоимением *you* в постпозиции (см. раздел 2.2.1.5).

Тождественные конструкции. Не зафиксированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной разновидности конструкций относятся *предложения-эмфатизаторы* (IE12), представляющие собой построения, в которых отсутствие главных членов или строевых элементов служит дополнительному усилению рематической части высказывания.

Импликация подлежащего, являющегося тематической частью высказывания и легко восстанавливаемого из контекста, может встречаться как в АР, так и в ПТД:

1) Mulligan (in a frightened whisper). <I> Near ran into him on the stairs.
(O'Casey) [Синеокова 2003: 134]

2) <I> Never wanted to commit troops. (BushJ)

Элиминированию может подвергаться сказуемое или его часть (глагол-связка, вспомогательный или смысловой глагол):

1) Michael (He shouts). We <have> seen this thing, I tell you. (O'Casey)

2) More Americans <are> at work today than any time in history, a greater percentage of the work force. (BushS)

Возможен также эллипсис подлежащего и части сказуемого (глагола-связки). Назначением таких предложений является идентификация предмета; в коммуникативно-синтаксическом смысле они представляют собой ремы и поэтому должны рассматриваться как потенциальные предикативы, а не потенциальные подлежащие [Скребнев 1985]:

1) One-eyed Larry (without the wall). <It is> A miracle, a miracle!
(O'Casey)

2) <These are> Weapons of mass destruction, nuclear proliferation. (Kerry)

Отсутствие подлежащего и части сказуемого может происходить, когда эллипсис обусловлен взаимодействием реплик самого говорящего:

Why do I talk every time I'm in the South on civil rights? <It is> Not because
I am preaching to the people of the South because this isn't just a Southern problem.
(Nixon)

Элиминирование подлежащего и глагола-связки следует отличать от использования уточняющих материально избыточных элементов (см. раздел 2.2.1.2), как в следующем примере:

In Iraq, no doubt about it, it's tough. (BushJ)

К числу наиболее распространенных случаев элиминирования строевых элементов следует отнести случаи опущения частиц, предлогов и облигаторных артиклей⁶⁰:

1) Michael (angrily). <To> Die in th' last ditch? Us'll die in the' first one jumped into! (O'Casey)

2) <In> Nineteen fifty-three we tried to put an appropriation of five billion dollars for our defenses. (Kennedy)

3) I think there are still <a> lot of problems in Bosnia. (Dole)

В ПТД зафиксирован также эллипсис союзов:

We have learned that <if> you give him an inch he'll take a mile. (Clinton)

Опущение союзов и других строевых элементов квалифицируется как эллипсис, поскольку данная модификация характеризуется отсутствием в высказывании *любых* ожидаемых – с точки зрения законов нейтральной области языка – материальных элементов [Скребнев 1985; Синеокова 2003].

В ПТД, в отличие от AP, встречается также опущение главной части сложноподчиненного предложения, обусловленное взаимодействием реплик говорящего и его собеседника:

And so, the answer to your question is: <**We shall withdraw our troops from Iraq**> When our general is on the ground and Ambassador Negroponte tells me that Iraq is ready to defend herself from these terrorists, that elections will have been held by then, that their stability and that they're on their way to, you know, a nation that's free; that's when. (BushJ)

Специфические конструкции ПТД. Не зафиксированы.

Таким образом, в ПТД в рамках модификации «эллипсис» функционирует один признак – предложения-эмфатизаторы.

В таблице 2.7 приведены структуры, входящие в группу «эллипсис» в ПТД и в AP.

⁶⁰ Пропуск определенного артикля *the* перед словом *Congress*, часто встречающийся в выступлениях ораторов, рассматривается как вариант нормы и не квалифицируется как отклонение от нейтральной структуры предложения.

**Употребление структур,
входящих в группу «эллипсис» в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
–	– предложения-эмфатизаторы (IE12)	–	– предложения-инвективы (IE11)

2.2.2.3. Изолированные элементы

Изолированное употребление зависимых в нейтральной области языка конструкций и элементов, приобретающих в речи самостоятельный статус, также является разновидностью импликации грамматического значения. Наиболее часто рассматриваемой разновидностью изолированного функционирования структур является изолированное функционирование придаточных предложений [Буренина 1989; Гулыга 1960; Знаменская 1989; Инфантова 1970; Намталишвили 1971; Скребнев 1985 и др.]. В нейтральной речи наличие в придаточном предложении союза или союзного слова, соотнесенного с коррелятивным элементом в главном предложении или со всем главным предложением, не позволяет трактовать его как самостоятельный, автосемантический отрезок высказывания. В то же время не всякое формально изолированное использование придаточных предложений можно рассматривать как проявление собственно изоляции, коммуникативно-синтаксический смысл которой «состоит в переходе единицы, обычно имеющей номинативный, номинативно-коммуникативный или изолятивно-коммуникативный статус, в статус коммуникативный» [Скребнев 1985: 182-183].

Так, как справедливо отмечает Т.Н. Синеокова, придаточные предложения не являются изолированными конструкциями, если они

«возникают в результате разрыва синтаксического целого и функционируют в речи вместе с синсемантическим главным предложением, от которого они зависимы в смысловом плане» [Синеокова 2003: 137] (см. раздел 2.2.1.3).

В АР используются следующие структурно-семантические признаки внутри модификации «изолированные элементы» (IL): потенциально-сочиненные предложения и изолированные предложения-апеллятивы⁶¹.

Следует отметить, что обе конструкции представляют собой позиционную изоляцию от синтаксического окружения предложений, вводимых сочинительным союзом, объединяющим в нейтральной области языка сложносочиненные предложения (как уже было отмечено, функционирование «изолированных» подчиненных предложений является разрывом потенциального целого).

Специфические структуры АР. Не зафиксированы.

Тождественные структуры. Не зафиксированы.

Сходные конструкции со структурно-семантическими особенностями в АР и ПТД. К данной разновидности конструкций относятся потенциально сочиненные предложения и изолированные предложения-апеллятивы.

Потенциально сочиненные предложения (IL11) представляют собой конструкции, начинающиеся с сочинительных союзов. В нейтральной речи сочинительный союз (несмотря на его меньшую по сравнению с подчинительным союзом связующую способность) сигнализирует о несамостоятельности следующего за ним предложения. В АР и ПТД при изолированной реализации предложения связующая функция сочинительного союза сохраняется, что позволяет рассматривать вводимые им конструкции как потенциально сочиненные предложения:

Darrell (violently). And that wasn't all! (O'Neill) [Синеокова 2003: 138]

⁶¹ В АР, так же как и в ПТД, не зафиксировано употребление изолированно функционирующих элементарных единиц (вводных элементов и союзов) [Скребнев 1985].

В качестве сочинительных союзов, вводящих потенциально сочиненные предложения, в ПТД могут использоваться соединительные союзы (*and*), разделительные союзы (*otherwise*), противительные союзы (*but*), причинно-следственные союзы (*so*):

1) And I like, I like Senator Dole, you can probably tell we like each other. (Clinton)

2) Otherwise, if we find the heads of state meeting and not making progress, we will find that the cause of peace will have been hurt rather than helped. (Nixon)

3) But the point is, that – that a president ought to lead this country. (Carter)

4) So this is the way the president has overextended the United States. (Kerry)

В АР не зарегистрировано использование причинно-следственных союзов, вводящих изолированные предложения.

Потенциально сочиненные предложения, вводимые разделительным союзом *otherwise* или причинно-следственным союзом *so*, следует отличать от конструкций, в которых *otherwise* и *so* занимают начальную позицию и являются уточняющими материально избыточными элементами (см. раздел 2.2.1.2), как в следующих примерах:

1) *Otherwise*, the world won't be better off. (BushJ)

2) *So*, I'm for continued research, but I also want strong conventional forces. (Dukakis)

Кроме того, в ПТД, в отличие от АР, возможно совместное употребление соединительного союза *and* и противительных союзов *yet* или *still* (*and yet*, *and still*), а также причинно-следственных союзов *so* и *therefore* (*and so*, *and therefore*)⁶², вводящих *потенциально сочиненные предложения*:

⁶² *Yet*, *still*, *so*, *therefore*, *otherwise* принадлежат к переходной группе – они могут функционировать как союзы и как (союзные) наречия, в том числе как союзные парентезы – обособленные вводные элементы, предающие смысловые отношения между частями предложения или целыми предложениями.

1) And yet that very committee of which I am chairman has been handicapped by the fact that we have not had adequate funds; we have not had adequate powers; we haven't had an adequate staff. (Nixon)

2) And therefore we passed an authorization – not an aid bill – which was the first time, really, since the Inter-American Bank which was founded a year ago was developed, that we really have looked at the needs of Latin America; that we have associated ourselves with those people. (Kennedy)

Данные построения следует отличать от конструкций, в которых имеет место совместная реализация признаков – уточняющие материально избыточные элементы (где *yet*, *still*, *so*, *therefore* являются наречиями, употребляемыми обособленно) (см. раздел 2.2.1.2) и потенциально сочиненные предложения, вводимые союзом *and*:

1) And, *yet*, after sitting through meeting after meeting, he endorsed that decision, endorsed the sale of arms to the Ayatollah in exchange for hostages, one of the most tragic, one of the most mistaken foreign policy decisions we've ever made in this country and I dare say encouraged others to take hostages as we now know. (Dukakis)

2) And, *so*, opportunity. Keep America at work. (BushS)

Кроме того, сочетание соединительного союза *and* и причинно-следственного союза *so* следует отличать от сложного соединительного союза *and so* в значении продолжения повествования:

Honey (as from a distance)...and so they were married. ... (Woolf) = *И вот они поженились*.

Кроме того, в ПТД возможно также употребление элементов *and then* и *but then* в функции сочинительного союза (в значении «кроме того»), вводящих потенциально сочиненные предложения:

And then fourthly, as a moral leader. (Kennedy)

Возможно также употребление сочинительного союза *and now* для привлечения внимания слушающего к последующей части высказывания⁶³:

And now I suggest that maybe you go to some of these organizations that are the watchdogs of what we do, like the Citizens Against Government Waste or the National Taxpayers Union or these other organizations that watch us all the time. (McCain)

Такие конструкции следует отличать от построений, в которых совместно реализуется два признака – потенциально сочиненные предложения и инверсия, где *then* и *now* – наречия (см. раздел 2.2.1.5):

1) And then Senator Dole's ardent supporters, Senator McCain, who's out there today, along with Senator Feingold, supported, sponsored a campaign finance reform proposal. (Clinton)

2) And now we have half-a-trillion-dollar deficit annually. (Obama)

Потенциально сочиненные предложения следует отличать от уточняющего разрыва (см. раздел 2.2.1.3), части которого представляют собой одно синсемантическое высказывание. Маркерами разрыва могут являться эллипсис строевых элементов во второй части высказывания, восстанавливаемых из первой части, а также повтор отдельных элементов иницирующего высказывания:

You've got to show you're serious in that regard. But you've also got to show that you are prepared to bring the rest of the world in and share the stakes. (Kerry)

Кроме того, потенциально сочиненные предложения следует отличать от предваряющего ориентира (см. раздел 2.2.1.4), для которого характерна повторная номинация объекта во второй части высказывания с помощью

⁶³ Союзы *and now*, *and then*, *but then* обычно не приводятся в традиционном списке сочинительных союзов, однако исследователи отмечают, что союзные парентезы вообще и *now* и *then* в частности «соприкасаются с обыкновенными сочинительными союзами» [Биренбаум 1987: 29]. Словари фиксируют их употребление в качестве сочинительных союзов, в том числе, в сочетании с традиционно выделяемыми сочинительными союзами *and* и *but* [Новый Большой англо-русский словарь 2003].

указательного местоимения *that*, соотносящегося со всей иницирующей частью:

And I've already made a proposal – and yes, *it will cost some money. But I favor that.* (BushS)

Для ПТД, так же как и для АР, свойственно совместное употребление данного признака и эмфатизирующей инверсии:

An i se (spitefully to Fanny). And now the years have passed I may disclose to you that Mr. Joshua knew you were going through the play – acting – (Hellman) [Синеокова 2003: 138]

Изолированные предложения-апеллятивы (IL12) представляют собой апеллирующие к собеседнику высказывания, начинающиеся с союза *and* или *but*:

Blanche. And now you sit here telling me with your eyes that I let the place go! (Williams) [Синеокова 2003: 138]

Как признак апелляции в ПТД высказывание может содержать материально избыточное обращение (1), материально избыточный контактоустанавливающий элемент (2)⁶⁴, местоимение *you* (3), конструкцию *let me...* (4); по цели высказывания предложение может быть императивным (5):

1) But, *George*, that's no answer. (Dukakis)

2) But look, let me sum it up. (BushS)

3) And you know this liberal charge, that's what their party always drags out when they get in a tight race. (Clinton)

4) And let me say this – all he can talk about – he goes around ranting about Noriega. (BushS)

5) But just take a look at the positions of the ACLU. (BushS)

⁶⁴ В АР сочетание изолированных предложений-апеллятивов с контактоустанавливающими материально избыточными элементами не зарегистрировано.

Изолированные предложения-апеллятивы следует отличать от потенциально сочиненных предложений, где тоже есть местоимение *you*, но нет прямой апелляции к собеседнику:

And you got to be careful here, because there's a safety factor...(BushS)

В рассмотренных ПТД не зафиксировано примеров изолированных предложений-апеллятивов, вводимых разделительными и причинно-следственными союзами, однако возможность употребления таких конструкций не исключается. Такие построения следует отличать от конструкций с уточняющими материально избыточными элементами (см. раздел 2.2.1.2):

So in my view, if you want to be protected, you ought to vote for Bob Dole and we'll get the instant check passed and we'll keep guns out of the hands of criminals. (Dole)

Таким образом, в результате дифференциации группы «изолированные элементы» в ПТД был получен ряд, включающий два структурно-семантических признака: потенциально-сочиненные предложения и изолированные предложения-апеллятивы.

В таблице 2.8 приводятся структуры, входящие в группу «изолированные элементы» в ПТД и в АР.

Табл. 2.8

**Употребление структур,
входящих в группу «изолированные элементы» в ПТД и АР**

Тождественные конструкции ПТД и АР	Сходные конструкции со структурно-семантическими отличиями	Специфические конструкции ПТД	Специфические конструкции АР
—	— потенциально сочиненные предложения (IL11) — изолированные предложения-апеллятивы (IL12)	—	—

Сводная таблица четырех групп признаков, использующихся в ПТД и АР и рассмотренных в данной главе, находится в Приложении 1.

Выводы по главе 2

1. Разработанная классификация синтактико-семантических форм, использующихся в ПТД, включает тридцать три признака, выделенных в рамках восьми модификаций ядерного предложения.

2. Сопоставительный анализ синтактико-семантических форм, использующихся в АР и ПТД, позволил выделить четыре группы деформированных конструкций: тождественные конструкции АР и ПТД, конструкции АР, используемые в ПТД и обладающие рядом структурно-функциональных особенностей в обоих типах речи, специфические конструкции ПТД, не имеющие аналогов в АР, а также специфические конструкции АР, не имеющие аналогов в ПТД.

3. К тождественным конструкциям АР и ПТД относятся ложный повтор и разрыв-паузатор (пауза хезитации), возникающие в связи с затруднениями в выборе последующих компонентов высказывания и позволяющие говорящему собраться с мыслями, а также тавтологический, сужающий, расширяющий, модифицирующий и смешанный повторы.

4. К сходным конструкциям, имеющим ряд особенностей в АР и ПТД, относятся повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, материально избыточные аффективы и вокативы, контактоустанавливающие и уточняющие материально избыточные элементы, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, обрыв потенциального синтаксического целого, предваряющий ориентир, антиципация, абсолютный атрибут, вопросно-ответные единства, корректирующая и эмфатизирующая инверсия, несобственно-вопросительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения, эллиптические предложения-эмфатизаторы, потенциально сочиненные предложения и изолированные предложения-

апеллятивы. Отличия в реализации признаков отражают специфику жанра ПТД и не являются признакообразующими.

5. Специфические конструкции ПТД не используются в АР. К ним относятся корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители, возникновение которых связано с трудностями при подборе последующих компонентов высказывания, а также артикуляторная редупликация и повтор-противопоставление.

6. Специфические конструкции АР не используются в ПТД. К ним относятся эхोलалический повтор, повтор-аффектив, повтор-вокатив, повтор-подлинный переспрос, артикуляторные персеверации, обрыв гипотетического синтаксического целого, квалифицирующая инверсия, предложения-аффективы, междометные и тонирующие предложения, а также предложения-инвективы. Эмоциональный компонент значения в данных элементах преобладает над их предметно-логическим содержанием.

7. Выделенные группы являются удобной базой для дальнейшего исследования. Они позволяют выявить конструктивную специфику деформаций в ПТД, установить факт наличия или отсутствия корреляций между структурными экспонентами и собственно аффективной и псевдоаффективной составляющими эмоционального компонента, объяснить причины употребления или неупотребления тех или иных структурных форм в сопоставляемых типах речи.

ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ И АФФЕКТИВНОЙ РЕЧИ

Глава 3 посвящена рассмотрению конструкций, входящих в выделенные в предыдущей главе группы (тождественные конструкции, сходные конструкции, обладающие рядом особенностей в АР и ПТД, специфические конструкции АР и специфические конструкции ПТД), как экспонентов *эмоционального компонента* в ПР и его двух составляющих – *собственно аффективной* и *псевдоаффективной* (имитационной). С этой целью рассматриваются корреляции между структурными особенностями речи и типом психологического состояния, сравниваются статистические характеристики ПТД и АР, а также проводится сопоставительный анализ используемых признаков на содержательном уровне. В разделе 3.2 рассматриваются особенности употребления тождественных и сходных конструкций АР и ПТД, а также специфических конструкций АР. В разделе 3.3 анализируются особенности использования специфических конструкций ПТД. Раздел 3.1 посвящен описанию подготовки баз данных ПТД и АР для сопоставительного содержательного и статистического анализа.

3.1. Подготовка баз данных

Для сопоставительного анализа используются упомянутая выше база данных ПТД и заимствованная из [Синеокова 2003] база данных АР.

База данных ПТД представляет собой сплошную выборку, содержащую 2444 высказывания, принадлежащих 12 ораторам – претендентам на пост президента и вице-президента США в разные предвыборные кампании. Для получения статистически достоверных результатов база данных должна быть предварительно подготовлена. Этап подготовки включает в себя рандомизацию и выравнивание. Рандомизация базы данных осуществлялась с помощью компьютерной программы «Random», созданной на основе Access

2000. Выравнивание было произведено в соответствии с рекомендациями [Синеокова 2009] по оптимальному количеству высказываний на каждого оратора. Среднее количество реплик по ораторам составляет 204 (2444:12). Среднеквадратичное отклонение в соответствии с рекомендациями должно составлять 25% от среднего количества реплик по ораторам (204), т.е. 51 высказывание. Таким образом, количество высказываний у каждого оратора должно быть 204 ± 51 . После выравнивания выборки по представленности авторов в базе данных осталось 2420 высказываний 12 ораторов, среднеквадратичный разброс по числу высказываний каждого оратора – 51. Дальнейший анализ проводился с выровненной базой данных, включающей 2420 высказываний.

База данных создавалась при помощи программы Access 2000 и имеет вид таблицы с несколькими рабочими полями (см. рисунок 3.1).

ID	NAMEDOC	AUTHOR	ANOTATION	OUTDATE	RUBRICATOR
1	12Dole38	Dole	Пропуск: think	Now, may be some in this Bushnell Memorial (IE12: think, for случайный пропуск слова) that it's not a lot of money, but people watching tonight with a couple of kids, a working family, that's four or five months of day care, maybe a personal computer; it's may be three or four months of mortgage payments.	AL0450/Str/XX00/RAZD/ER31/EM04/IE12/End

Рис. 3.1. Форма таблицы базы данных в Access

Поле **Rubricator** представляет собой код общей синтаксической структуры высказывания. Любое анализируемое высказывание может быть представлено в виде набора кодов характеризующих его признаков. Код представляет собой символьную строку – рубрикатор, напр.:

AL0450/Str/XX00/RAZD/ER31/EM04/IE12/End

Принятая в главе 2 система кодирования первичных признаков представляет признак в виде пятипозиционного кода («частного идентификатора признака»), где две первые буквенные позиции кодируют модификацию, двузначное число представляет собой номер первичного

признака в составе выделенной модификации и последний символ «/» является разделителем. Например, код «ER31» означает признак №31 модификации ER (повтор). Нумерация признака внутри модификации может быть несплошной; это означает, что номер признака был зарезервирован на ранних стадиях разработки классификации, но данный признак был в дальнейшем изъят из классификации без изменения номеров других (оставшихся) признаков. Полный перечень первичных признаков можно рассматривать как своеобразный алфавит, посредством которого средствами синтаксиса кодируется информация при развертывании предложения. Практически, синтаксис конкретного высказывания полностью описывается перечнем свойственных этому высказыванию первичных признаков [Синеокова, Лаврова, Чернышова 2006: 48].

Данная форма рубрикатора полностью совпадает с формой рубрикатора, принятого в [Синеокова 2003] для структур AP.

База данных структур AP, заимствованная из [Синеокова 2003], представляет собой аналогичным образом подготовленную базу данных из 1000 высказываний, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения и отобранных методом сплошной выборки из драматургических произведений современных авторов.

3.2. Статистические и содержательные характеристики тождественных, сходных и специфических признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи

При создании классификации структурных форм AP было обнаружено, что психологическое состояние говорящего определяет особенности структурирования его речи [Синеокова 2003]. Выделяется три основных психологических состояния, влияющих на речемыслительные процессы: диссоциативное (X_1), поисковое (X_2) и апеллятивное (X_3).

Тип психологического состояния говорящего (X_1 , X_2 или X_3) может быть идентифицирован по структурным признакам его речи. Наибольшую ценность в этом отношении представляют доминантные признаки. *Доминантными признаками* (структурными, лексическими, фонетическими и т.п.) называются признаки, обладающие прогностическим потенциалом, т.е. информативностью, в отношении того или иного экстралингвистического фактора. В данном случае доминантные структурные признаки АР обладают способностью *однозначной* идентификации типа эмоционального состояния говорящего, т.е. в подавляющем большинстве случаев (в идеале – в 100% случаев употребления) тот или иной доминантный признак используется при одном и том же психологическом состоянии. *Недоминантные признаки* АР дают прогноз лишь при некоторых устойчивых сочетаниях, т.е. в условиях совместной реализации отдельных признаков [Синеокова 2003; Синеокова 2008].

При сравнении статистических и содержательных характеристик ПТД и АР с целью выделения собственно аффективной и псевдоаффективной составляющих эмоционального компонента в ПТД структурные признаки, выделенные в рамках тождественных, сходных и специфических конструкций АР, для удобства исследования рассматриваются с позиций их доминантности/недоминантности в АР (разделы 3.2.1 и 3.2.2).

3.2.1. Использование доминантных признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи

Доминантные признаки в АР употребляются в 53% всех эмоциональных высказываний, однозначно определяя состояние говорящего. Было выделено 19 доминантных признаков, позволяющих прогнозировать тип психологического состояния [Синеокова 2003: 204-214].

В таблице 3.1 приводятся ряды доминантности признаков в АР для разных эмоциональных состояний.

**Ряды доминантности признаков в АР
в разных типах психологического состояния**

Уровни доминирования	Доминирование по состоянию X_1	Доминирование по состоянию X_2	Доминирование по состоянию X_3
Уровень 1 (абсолютные доминанты)	ER34, ER14	EB06, ER17, EI12 или EI12/ER35	ER37, EB01, EB02, EB03, ED07, IE12, IL12, IP14
Уровень 2 (субдоминанты)	EB05	Признаки не выявлены	ER29, IP12, IP13
Уровень 3 (субсубдоминанты)	Признаки не выявлены	Признаки не выявлены	EI13

Как показал анализ материала, в ПТД используются доминантные структурные признаки всех трех уровней. При сравнении статистических и содержательных характеристик доминантных признаков состояний X_1 , X_2 и X_3 в ПТД и АР приводится краткое описание особенностей того или иного психологического состояния.

**3.2.1.1. Доминантные признаки диссоциативного состояния
в предвыборных теледебатах и аффективной речи**

В состоянии диссоциации (X_1) речемыслительная деятельность человека осуществляется в состоянии практически запредельного возбуждения (истерика, экстаз и т.п.) или торможения (ступор, транс), когда бурно протекающий аффект получает доминантный характер, сознание сужается до круга связанных лишь с ним представлений, а восприятие внешнего мира почти полностью выключается или искажается [Спивак 1998].

В таблице 3.2 приводятся количественные характеристики употребления доминантных признаков состояния диссоциации в АР и ПТД.

Как видно из таблицы, признаки, соответствующие X_1 , не зарегистрированы в ПТД. Это представляется логичным, поскольку состояние диссоциации предполагает минимальную работу сознания.

**Частотность употребления доминантных признаков
состояния X_1 в ПТД и АР**

№	Признак	Рубрикатор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
1	Эхолалический повтор	ER34	0	1,6
2	Артикуляторные персеверации	ER14	0	0,8
3	Обрыв гипотетического синтаксического целого	EB05	0	3,2

Таким образом, эхолалический повтор, артикуляторные персеверации и обрыв гипотетического синтаксического целого представляют собой специфические конструкции АР, свойственные состоянию X_1 (см. главу 2). Данный результат представляется вполне закономерным: если выступающий находится в состоянии X_1 и, соответственно, использует характерные для него структуры, то, по всей видимости, он перестает быть *оратором* – ритором-профессионалом, целенаправленно воздействующим на аудиторию.

**3.2.1.2. Доминантные признаки поискового состояния
в предвыборных теледебатах и аффективной речи**

При *пограничном адаптационном поисковом состоянии* (X_2) говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие аффективных процессов на сознание. Выполнение коммуникативной задачи осложняется затруднениями в выборе смысловых и структурных компонентов высказывания, адекватных цели коммуникации [Синеокова 2003].

В таблице 3.3 приводятся количественные характеристики употребления доминантных признаков поискового состояния в АР и ПТД.

Из таблицы 3.3 видно, что в ПТД зафиксированы все доминантные признаки X_2 . Их употребление связано с особенностями жанра ПТД – спонтанностью, проявлением эмоциональной реакции аудитории и т.д. (см.

раздел 1.4.3). Использование доминантных признаков X_2 свидетельствует о наличии *собственно аффективной составляющей* эмоционального компонента воздействия в ПТД.

Табл. 3.3

Частотность употребления доминантных признаков состояния X_2 в ПТД и АР

№	Признак	Рубрикатор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
1	Разрыв-паузатор	ЕВ06	1,2	8,3
2	Ложный повтор	ЕР17	4,8	2,1
3	Корректирующая инверсия	ЕИ12	0,2	0,9
4	Повтор-подлинный переспрос	ЕР35	0,04	2,2

?

Разрыв-паузатор, относящийся к группе тождественных конструкций в ПТД и АР (см. раздел 2.2.1.3), в ПТД используется значительно реже, чем в АР (ЕВ06 – 1,2%). Его возникновение связано с необходимостью подбора смысловых элементов, адекватных целям коммуникации:

But – and I, look, mental – that was a little overstated it. (BushS)

Относительно редко в ПТД используется такой доминантный признак состояния X_2 , как корректирующая инверсия (ЕИ12 – 0,2%). Единичное использование признака (он зарегистрирован в выступлении 6 ораторов по 1 разу: см. табл. 3.4) не влияет на общее число признаков, доминантных по состоянию X_2 , в речи того или иного оратора. Кроме того, при анализе высказываний с корректирующей инверсией на структурно-семантическом уровне в АР и ПТД (см. раздел 2.2.1.5) обнаруживаются некоторые особенности. В ПТД не используется инверсия в переспросе, возникающая в результате поиска говорящим структурно-семантических элементов, адекватных целям коммуникации:

Abbie (dully). Ye need't. Eben's gone fur him.

Cabot (amazed). Eben – gone fur the Sheriff? (O’Neill) [Синеокова 2003: 118]

Комментарии оппонента и вопросы журналистов в большинстве случаев понятны выступающему и не вызывают удивления с его стороны, поэтому переспросы не свойственны ПТД. Однако поисковые конструкции с корректирующей инверсией (использование второстепенных членов в узуально несвойственной для них позиции) в ПТД возможны при реализации сложных в структурном отношении высказываний. Такое употребление корректирующей инверсии в ПТД сходно со случаями реализации обстоятельств (*very, quite, absolutely* и др.) в постпозиции после паузы в АР:

1) Willy (after a pause) ... It’s an encouraging thing for Biff – very – (Miller) [Синеокова 2003]

2) I was in uh – a city in uh – Pennsylvania not too long ago, near here, and uh – there were about four or five thousand people in the audience – it was on a – on a train trip. (Carter)

3) People will tell you who served with Bob Dole, agree or disagree, he kept his word. (Dole)

Поисковый характер таких конструкций становится очевиден при анализе предложений с относительным определительным придаточным в несвойственной для него позиции – дистанционно по отношению к антецеденту (см. пример 3 выше). На первый взгляд, высказывание построено таким образом, что оно содержит описательное (нерестриктивное) относительное определительное придаточное (non-restrictive/non-defining/descriptive continuative relative attributive clause). Однако реконструкция нейтрального предложения показывает, что добавляемая информация является необходимым уточнением, т.е. с точки зрения грамматического статуса придаточное является не описательным, а определительным, рестриктивным (restrictive/defining relative attributive clause):

People will tell you who served with Bob Dole, agree or disagree, he kept his word. (Dole) → <**The people who served with Bob Dole** will tell you, “He kept his word”.>

В базе данных ПТД зафиксировано единичное использование повтор-подлинного переспроса (ER35 – 0,04% от 2420) в выступлении М. Дукакиса. Частотность других доминантных признаков состояния X_2 в выступлении М. Дукакиса (см. табл. 3.4) невысока (ср. с количеством структур по X_2 в выступлении Дж. Картера). Низкая частотность употребления этого признака в ПТД объясняется тем, что круг обсуждаемых вопросов известен оратору, вопросы журналиста и комментарии оппонента, как правило, ему понятны и не вызывают удивления. Однако, как показывает материал, в некоторых случаях (и, возможно, в других жанрах ПР) переспросы, вызванные удивлением, по всей видимости, возможны (см. раздел 2.2.1.1).

Из таблицы 3.3 видно, что частотность употребления ложных повторов в ПТД превышает частотность употребления данного признака в АР (ER17 – 4,8%). Данный факт не соответствует ожидаемому, поскольку основной характеристикой ПР является целенаправленное воздействие на аудиторию, а проявление эмоционального состояния оратора представляется возможной, но не основной чертой ПР, в отличие от АР. Для объяснения этого явления представляется целесообразным рассмотреть частотность употребления всех доминантных признаков состояния X_2 в выступлениях разных ораторов в совокупности (в порядке уменьшения частотности), а также каждого признака по отдельности.

В таблице 3.4 отражены количественные характеристики употребления доминантных признаков по X_2 в выступлениях разных ораторов.

Пояснения к таблице.

$\sum X_2(\%Op)$ – частотность употребления высказываний со всеми доминантными признаками состояния X_2 в выступлении того или иного оратора по отношению к числу реплик данного оратора.

$\%Op$ – относительная частотность употребления признака в выступлении того или иного оратора по отношению к числу реплик данного оратора.

Табл. 3.4

Доминантные признаки по X_2 в выступлениях ораторов

Оратор	$\sum X_2(\%Op)$	EB06 %Op	ER17 %Op	EP12 %Op	ER35 %Op
1. Carter	35,6	1	35,1	0,6	0
2. Ford	10	3,2	7,7	0,6	0
3. McCain	9,6	1,7	8,5	0	0
4. Kennedy	5	2,9	1,4	0,7	0
5. Nixon	4,1	1,4	2	0,7	0
6. BushS	3	2,6	0	0,4	0
7. Obama	3	1,2	2,4	0	0
8. Dole	2,6	0,7	1,6	0,3	0
9. Clinton	2,3	0,5	1,8	0	0
10. Dukakis	1	0	0,5	0	0,5
11. BushJ	0,9	0,9	0,4	0	0
12. Kerry	0,4	0,4	0	0	0

Из таблицы видно, что доминантные признаки состояния X_2 используются всеми ораторами без исключения. Частотность употребления признаков отличается у разных ораторов: например, 35,6% всех высказываний в выступлении Дж. Картера и 0,4% в выступлении Дж. Керри.

Достаточно высокая степень присутствия собственно аффективной составляющей зафиксирована в выступлениях Дж. Картера (35,6%), Дж. Форда (10%) и Дж. МакКейна (9,6%). Ложный повтор (ER17), являющийся тождественным признаком в ПТД и AP (см. раздел 2.2.1.1), отличается высокой частотностью в выступлениях этих ораторов (Дж. Картер – 35,1%, Дж. Форд – 7,7%, Дж. МакКейн – 8,5%). Его возникновение, как и возникновение разрыва-паузатора, связано с трудностями при подборе последующих компонентов высказывания:

1) The Philippines – we've got help – we're helping them there to bring – to bring Al Qaida affiliates to justice there. (BushJ)

2) And I think this would uh – this would be uh easy to accomplish, to get jobs down, without having strong in- inflationary pressures that – that would be necessary. (Carter)

В задачи данного исследования не входило установление *причин* высокой степени присутствия собственно аффективной составляющей в выступлении того или иного оратора. Расширение базы данных и анализ экстралингвистических факторов позволит определить, является ли степень присутствия собственно аффективной составляющей индивидуальной особенностью оратора или зависит от экстралингвистических факторов в каждой отдельной ситуации – темы высказывания, политической ситуации на текущий момент, реакции оппонента или аудитории и т.п. (см. главу 1).

Представляется закономерным вопрос о том, являются ли такие конструкции, как корректирующая инверсия, разрыв-паузатор и ложный повтор, вызванные необходимостью подбора адекватных целям коммуникации компонентов высказывания, структурами, свойственными разговорной речи в целом. Как отмечает Ю.М. Скребнев, «говорящий обычно не располагает временем для конструирования логически завершенного высказывания и его мысленного «редактирования»» [Скребнев 1985: 43]. Такие структурные признаки, действительно, характерны для разговорной речи, но не для всех ее типов. Аффективная речь представляет собой подтип разговорной речи, в котором спонтанность и эмоциональная насыщенность, свойственные разговорной речи вообще представлены в наиболее концентрированной форме.

Таким образом, в ПТД зарегистрированы все доминантные признаки X_2 . Все ораторы в той или иной степени используют конструкции, свойственные поисковому состоянию. Степень присутствия *собственно аффективной составляющей* эмоционального компонента отличается в выступлениях разных ораторов (ср.: 35,6% высказываний в выступлении Дж. Картера и

0,4% – в выступлении Дж. Керри). Наиболее частотным признаком состояния X_2 в ПТД является ложный повтор.

3.2.1.3. Доминантные признаки апеллятивного состояния в предвыборных теледебатах и аффективной речи

В состоянии эвстресса, или апеллятивном состоянии (X_3), аффект оказывает благотворное влияние на речемыслительные процессы. При этом говорящему, находящемуся в состоянии эмоционального напряжения, свойственно стремление поддержать положительные и погасить отрицательные аффективные состояния. Учет данных особенностей мотивации деятельности говорящего, находящегося в состоянии аффекта, позволяет сделать вывод о том, что воздействие на собеседника входит в его интенцию и является одной из коммуникативных задач [Синеокова 2003; Спивак 1988].

В ПТД используются абсолютно все доминантные признаки состояния X_3 .

В таблице 3.5 приводятся данные о частотности их употребления в выступлении разных ораторов⁶⁵.

Пояснения к таблице.

$\sum X_3(\%Op)$ – частотность употребления высказываний со всеми доминантными признаками состояния X_3 в выступлении того или иного оратора по отношению к числу реплик данного оратора.

Табл. 3.5

Доминантные признаки по X_3 в выступлениях ораторов

Оратор	$\sum X_3$ (%Op)	Признак (%Op)											
		ER37	EB01	EB02	EB03	ED07	IE12	IL12	IP14	ER29	IP12	IP13	EI13
1. Kennedy	55,7	0	2,1	1,4	21,4	0	6,4	0,7	0	0	0,7	0	36,4

⁶⁵ В Приложении 2 находятся таблицы «Частотность употребления доминантных признаков по X_3 в выступлениях ораторов по отношению к общему количеству признака в базе данных» и «Частотность употребления доминантных признаков по X_3 в выступлениях ораторов по отношению ко всей базе данных».

Оратор	ΣX_3 (%Op)	Признак (%Op)											
		ER37	EB01	EB02	EB03	ED07	IE12	IL12	IP14	ER29	IP12	IP13	EI13
2. Ford	54,5	0	0,6	0	18,6	0	1,9	0	0	0	0	1,3	44,2
3. Nixon	53,7	0	0	0,7	19,7	4,1	2	1,4	0	0	0	1,4	37,4

Окончание табл. 3.5

Оратор	ΣX_3 (%Op)	Признак (%Op)											
		ER37	EB01	EB02	EB03	ED07	IE12	IL12	IP14	ER29	IP12	IP13	EI13
4. Carter	47,9	0	0,5	1,5	13,4	0,5	4,1	0	0	0	0	0,5	35,6
5. BushS	42,9	0,4	4,3	1,3	12,9	1,3	2,1	4,3	0,4	0	2,6	3,4	21
6. Dole	42,3	1	1	1,3	10,7	2,9	4,9	2,6	0,3	1	1,6	2,6	22,5
7. Obama	41,8	0,6	0	0	6,7	1,2	0	5,5	1,2	0,6	1,2	0,6	30,3
8. Kerry	41,2	0,4	2,7	2,7	9,3	0,8	3,1	1,6	0	0	0,4	2,3	24,9
9. BushJ	39,1	1,3	2,6	2,1	10,1	1,3	4,3	0,9	0	0,4	0,4	2,1	20,6
10. Clinton	38,7	0	0	1,4	9,2	1,4	2,3	3,2	0	0	1,8	1,4	27,6
11. McCain	33,9	0	1,1	3,4	7,3	2,3	1,7	6,2	1,1	1,7	0,6	1,7	17,6
12. Duka- kis	33,5	1	1,5	1,5	11,9	1	1	1,5	0	0	1,5	0,5	16,7

Из таблицы видно, что доминантные признаки состояния X_3 используются всеми ораторами, что соответствует ожидаемому. Частотность их употребления варьируется в пределах 33,5% (в выступлении М. Дукакиса) и 55,7% (в выступлении Дж. Кеннеди). Это означает, что *псевдоаффективная* (имитационная) составляющая эмоционального компонента представлена в выступлениях разных ораторов в приблизительно равной степени.

В таблице 3.6 приводятся количественные характеристики употребления доминантных признаков апеллятивного состояния в ПТД и АР.

Табл. 3.6

**Частотность употребления доминантных признаков
состояния X_3 в ПТД и АР**

№	Признак	Рубрикатор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
1	Повтор- подтверждение/ отрицание	ER37	0,5	2,6
2	Обрыв потенциального синтаксического целого	EB01	1,5	3,3

Окончание табл. 3.6

№	Признак	Рубрикатор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
3	Разрыв-эмфатизатор	EB02	1,5	1,9
4	Уточняющий разрыв	EB03	12,1	6,1
5	Вопросно-ответное единство	ED07	1,4	2,3
6	Эллиптические предложения-эмфатизаторы	IE12	2,9	6,8
7	Изолированные предложения-апеллятивы	IL12	2,4	1,3
8	Несобственно-побудительные предложения	IP14	0,2	7,4
9	Повтор-побуждение	ER29	0,3	2,8
10	Несобственно-утвердительные предложения	IP12	1	2,6
11	Несобственно-отрицательные предложения	IP13	1,7	8,4
12	Эмфатизирующая инверсия	EI13	27	7,6

Из таблицы видно, что доминантные признаки состояния X_3 отличаются по частотности употребления в АР и ПТД. Так, в ПТД значительно чаще используется эмфатизирующая инверсия (27% в ПТД vs. 7,6% в АР), представляющая собой известный со времен античности риторский прием и заключающаяся в переносе в ненейтральную позицию элементов либо с целью их собственной эмфатизации, либо с целью эмфатизации последующей части предложения (см. раздел 2.2.1.5).

Кроме того, в ПТД чаще используется уточняющий разрыв (12,1% в ПТД vs. 6,1% в АР). Высказывания в ПТД отличаются сложной структурой, вследствие чего возникает потребность в их дроблении. Это облегчает как

продуцирование высказывания самим оратором, так и восприятие его аудиторией:

Instead our aid continued to Batista, which was ineffective; we never were on the side of freedom; we never used our influence when we could have used it most effectively – and today Cuba is lost for freedom. (Kennedy)

Изолированные предложения-апеллятивы (2,4% в ПТД vs. 1,3% в АР) в ПТД представляют собой прямую апелляцию к оппоненту, журналисту, ведущему или аудитории:

And you folks out there are going to have to choose who you think is right. (Clinton)

В ПТД они используются чаще, чем в АР, что объясняется стремлением оратора привлечь внимание аудитории к собственному высказыванию. Однако они не отличаются высокой частотностью и в ПТД. Данный признак относится к группе сходных конструкций, обладающих рядом отличий в ПТД и АР. Так, в АР изолированные предложения-апеллятивы представляют собой обращение к одному лицу или очень ограниченному кругу лиц, вызвавшему состояние эмоционального напряжения у говорящего. Функция данной конструкции в АР не призыв, а эмоционально окрашенное обращение.

Другие доминантные признаки состояния X_3 в ПТД встречаются реже, чем в АР. Их частотность в ПТД колеблется от 0,2% (несобственно-побудительные предложения) до 2,9% (эллиптические предложения-эмфатизаторы). Низкая частотность их употребления может быть объяснена конкретными характеристиками отдельных признаков.

Так, повтор-подтверждение/отрицание (0,5% в ПТД vs. 2,6% в АР) используется в ПТД в меньшей степени, поскольку выступления в данном жанре ПР носят преимущественно монологический характер, ораторы не вступают в открытый диалог, выражающийся в обмене репликами, а отвечают на вопросы журналистов и комментируют друг друга. Выражение оценки высказывания оппонента осуществляется за счет других лексико-

грамматических средств, в том числе, нейтральных, с точки зрения синтаксиса ядерного предложения (см. ниже примеры из фрагмента выступления Дж. Форда):

[MR. NEWMAN: Mr. President, your response.] Далее следует комментарий Дж. Форда на выступление Дж. Картера.

1) I don't believe that uh that Mr. Carter's been any more specific in this case than he has been on many other instances. (Ford) Ср.: <Mr. Carter has done little in this case.>

2) I notice particularly that he didn't endorse the Humphrey-Hawkins bill which he has on occasions and which is included as a part of the Democratic platform. (Ford) Ср.: <He didn't endorse the Humphrey-Hawkins bill.>

3) That legislation uh allegedly would help our unemployment, but uh – we all know that it would've controlled our economy, it would've added uh – ten to thirty billion dollars each year in additional expenditures by the Federal Government. It would've called for export controls on agricultural products. (Ford) Ср.: <That legislation is inappropriate, because it would have cost the country a lot of money.>

Обрыв потенциального синтаксического целого (намеренный обрыв) используется в ПТД реже, чем в АР (1,5% в ПТД vs. 7,6% в АР). Причины возникновения этой конструкции в ПТД и АР различны. В АР обрыв потенциального синтаксического целого возникает в ситуации, когда говорящий намеренно не завершает высказывание, но при этом выражает оценку вызвавшего эмоциональную реакцию явления:

Edmund (Bursts out with a look of accusing hate at his father). No wonder –
! (He controls himself – gruffly.) (O'Neill) [Синеокова 2003: 99]

Обрыву могут подвергаться фразы, содержащие оскорбление собеседника или неприятную, с точки зрения говорящего, информацию (см. раздел 2.2.1.3).

В ПТД говорящий обрывает высказывание, поскольку новая мысль, возникшая в процессе реализации первоначальной, показалась оратору более

важной и, не завершая высказывание в структурно-семантическом плане, он инициирует новое:

Secondly, we've set up what's called the – well, first of all, I agree with my opponent that the biggest threat facing this country is weapons of mass destruction in the hands of a terrorist network. (BushJ)

Низкая частотность употребления разрыва-эмфатизатора в ПТД (1,5% в ПТД vs. 1,9% в АР), возможно, может быть объяснена высоким апеллятивным потенциалом данной конструкции, увеличивающимся при сочетании этого риторического приема с другими известными приемами (повторами, транспозицией, инверсией и т.п.):

We're not – we're not – we're not rifle shots here. We are Americans. (McCain)

При этом высказывание по емкости использования приемов речевого воздействия начинает напоминать лозунг. По-видимому, в данном жанре ПР выступающие стремятся избегать таких прямолинейных, очевидных способов воздействия на аудиторию.

Несколько неожиданным представляется результат сравнения частотности употребления вопросно-ответных конструкций в ПТД и АР (1,4% в ПТД vs. 2,3% в АР). Возможно, данный прием чаще используется в других видах ораторской речи, например, – лекторской речи.

But what does he offer? He offers retreats of programs that failed. (Nixon)

Эллиптические предложения-эмфатизаторы (2,9% в ПТД vs. 6,8% в АР) используются для выделения эмоционально доминирующего элемента высказывания в АР и ПТД:

<I> Keep my promises to the American people. (Carter)

Их редкое, по сравнению с АР, употребление в ПТД может быть объяснено тем, что оратору нужно сохранять структурно-семантические элементы, выстраивать логические и грамматические связи внутри предложения.

Повтор-побуждение (0,3% в ПТД vs. 2,8% в АР) и несобственно-побудительные предложения (0,2% в ПТД vs. 7,4% в АР) содержат в себе прямую апелляцию и открытый или завуалированный призыв (волеизъявление). Возможно, в других жанрах ПР (например, в жанре митинга) частотность данных конструкций выше.

Несобственно-утвердительные (1% в ПТД vs. 2,6% в АР) и несобственно-отрицательные предложения (1,7% в ПТД vs. 8,4% в АР) также содержат открытый или завуалированный призыв к слушающему, навязывают слушающему имплицитно выражаемую точку зрения оратора:

[Well, you know, when I talked about the \$87 billion, I made a mistake in how I talk about the war. But the president made a mistake in invading Iraq.] Which is worse? (Kerry)

Таким образом, наличие *псевдоаффективной* (имитационной) *составляющей* эмоционального компонента в ПТД подтверждается фактом использования абсолютно всех доминантных признаков апеллятивного состояния. Данные конструкции составляют 43% базы данных ПТД и приблизительно одинаково представлены в выступлениях разных ораторов, что свидетельствует о том, что ораторы в равной степени владеют приемами эмоционального воздействия. Наиболее часто в ПТД используются эмфатизирующая инверсия и уточняющий разрыв. Другие доминантные признаки по X_3 в значительной степени используются при воздействии на эмоциональную сферу аудитории, однако ораторы стараются избежать чрезмерного употребления данных конструкций, что может быть объяснено некоторыми структурно-функциональными особенностями этих конструкций, а также особенностями жанра ПТД:

— очевидность манипулятивных интенций (повтор-подтверждение/отрицание, вопросно-ответное построение реплик, разрыв-эмфатизатор, несобственно-утвердительные и несобственно-отрицательные предложения) вступает в противоречие с жанровой спецификой ПТД (см.

раздел 1.4.3), представляющих собой регламентированную политическую полемику;

– прямая апелляция, призыв (повтор-побуждение, несобственно-побудительные предложения, изолированные предложения-апеллятивы) противоречат дискуссионному характеру ПТД;

– незаконченность и неполнота высказываний (обрыв потенциального синтаксического целого, эллиптические предложения-эмфатизаторы) противоречат стремлению говорящего сохранить структурно-семантические элементы, выстроить логические и грамматические связи между компонентами предложения.

На первый взгляд, низкая частотность большинства доминантных признаков состояния X_3 в ПТД может показаться противоречащей ожиданиям. Однако более пристальное рассмотрение характеристик данных признаков заставляет пересмотреть сложившиеся стереотипы. Все участники ПТД – политики с большим опытом выступлений перед аудиторией, демонстрирующие в этой сфере высокое мастерство. Вероятно, чрезмерное употребление доминантных признаков состояния X_3 в данном жанре ПР бросалось бы в глаза, раздражало слушающих; выступающим же необходимо казаться искренними. Возможно, в других жанрах ПР (например, в митинговой речи) частотность данных конструкций может быть выше.

По всей видимости, воздействие в ПТД достигается за счет других, менее очевидных ораторских приемов. Для выделения наиболее частотных синтаксических признаков ПТД представляется целесообразным рассмотреть особенности употребления других – *недоминантных* – признаков АР.

3.2.2. Использование недоминантных признаков аффективной речи в предвыборных теледебатах и аффективной речи

К недоминантным признакам АР относятся первичные признаки АР, не обладающие способностью однозначно прогнозировать тип психологического

состояния говорящего. Тем не менее, их отдельные устойчивые сочетания коррелируют с тем или иным типом психологического состояния, являясь доминантами третьего уровня [Синеокова 2008]. В задачи данного исследования не входило изучение комбинаторных особенностей употребления структурных признаков, поэтому в данном разделе рассматриваются количественные характеристики недоминантных признаков АР без учета их сочетаемости.

В таблице 3.7 приводятся данные о частотности употребления недоминантных признаков АР в ПТД и АР.

Табл. 3.7

**Частотность употребления недоминантных признаков АР
в ПТД и АР (в порядке убывания в ПТД)**

№	Признак	Рубри- катор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
1.	Потенциально сочиненные предложения	IL11	32,4	2,2
2.	Уточняющие МИЭ	EM05	29,2	2,7
3.	Смешанный повтор	ER32	23,5	8,7
4.	Контактоустанавливающие МИЭ	EM04	10,2	3,1
5.	Предваряющий ориентир	ED02	6,5	4,3
6.	Антиципация	ED05	5,2	3,9
7.	МИЭ-вокативы	EM02	5,1	11,3
8.	Модифицирующий повтор	ER31	3,5	3,3
9.	Тавтологический повтор	ER18	3,1	4,4
10.	Расширяющий повтор	ER20	1,3	3
11.	Абсолютивный атрибут	ED04	0,7	1,1
12.	Сужающий повтор	ER19	0,6	2,5
13.	МИЭ-аффективы	EM01	0,4	13,6
14.	Несобственно-вопросительные предложения	IP11	0,3	2,1
15.	Повтор-аффектив	ER24	0,04	1,7
16.	Тонирующие предложения	IP03	0	44,3

Окончание табл. 3.7

№	Признак	Рубри- катор	Частотность в ПТД (%)	Частотность в АР (%)
17.	Предложения-аффективы	IP15	0	4,5
18.	Междоментные предложения	IP16	0	2,3
19.	Эллиптические предложения-инвективы	IE11	0	1,7
20.	Квалифицирующая инверсия	EI11	0	1,4
21.	Повтор-вокатив	ER23	0	1,3

Недоминантные признаки могут отличаться частотностью, но они не обладают способностью однозначной идентификации психологического состояния говорящего в АР.

Как видно из таблицы, самыми частотными признаками в ПТД являются потенциально сочиненные предложения (32,4%), уточняющие материально избыточные элементы (29,2%), смешанный повтор (23,5%) и контактоустанавливающие материально избыточные элементы (10,2%).

Использование потенциально сочиненных предложений (32,4% ПТД vs. 2,2% в АР) позволяет оратору подчеркнуть логическую связанность предыдущего и последующего высказываний. Не случайно, в ПТД, в отличие от АР, потенциально сочиненные предложения могут вводиться не только соединительными, разделительными и противительными, но и причинно-следственными союзами, а также при помощи совместного употребления соединительного союза *and* и противительных (*yet, still*) или причинно-следственных (*so, therefore*) союзов (см. раздел 2.2.2.2):

And so we began a new dialogue with North Korea, one that included not only the United States, but now China. And China's a got a lot of influence over North Korea, some ways more than we do. (BushJ)

Следует также подчеркнуть, что использование предложений, вводящихся союзом *and/u*, является хорошо известным стилистическим приемом, используемым в Библии, суггестивных текстах и т.д.

Уточняющие материально избыточные элементы (29,2% ПТД vs. 2,7% в АР) позволяют оратору выделить семантические доминанты высказывания. Не случайно, список уточняющих материально избыточных элементов в ПТД значительно шире, чем в АР:

First, I've suggested that there are certain weapons systems which we don't need and we can't afford. (Dukakis)

Контактоустанавливающие материально избыточные элементы (10,2% ПТД vs. 3,1% в АР) позволяют говорящему привлечь внимание аудитории к своему высказыванию. Это становится особенно важным в ПР, поскольку выступления ораторов носят развернутый характер, воспринимать их на слух довольно сложно:

You know, back after World War II when we had hundreds of thousands of GIs who came back from the war, we didn't sit around. (Dukakis)

Смешанный повтор (23,5% ПТД vs. 8,7% в АР) представляет собой совместное употребление, по крайней мере, двух других разновидностей фокусирующего повтора. За счет использования этого признака достигается сразу несколько целей:

- эмфатизация элементов высказывания за счет повторной номинации;
- привлечение внимания слушающих к наиболее важным элементам за счет элиминирования некоторых компонентов;
- уточнение и усиление элементов за счет синонимической замены и/или введения новых компонентов:

In Iraq, no doubt about it, it's tough. It's hard work. It's incredibly hard. (BushJ)

Повтор вообще (и смешанный повтор в частности) является часто употребляемым приемом речевого воздействия, используемым как в

устных, так и письменных жанрах воздействующей речи («витийные» тексты, Библия, тексты молитв, фольклор).

Ниже будут рассмотрены специфические недоминантные признаки АР.

Междометные и тонирующие предложения, повтор-вокатив, предложения-аффективы, квалифицирующая инверсия и эллиптические предложения-инвективы не были зафиксированы в ПТД и квалифицируются как специфические признаки АР. К этой же группе относится и повтор-аффектив, единичное использование которого в ПТД рассматривается как сознательное употребление признака АР с целью эмоционального воздействия на аудиторию (см. главу 2).

Отсутствие тонирующих предложений в ПТД можно объяснить тем, что стенографисты ПТД избегают графического обозначения восклицательной интонации. Как было сказано в главе 2, трудно представить эмоциональную воздействующую речь, реализуемую без восклицательной интонации. Для определения факта наличия тонирующих предложений в ПТД требуется специальный анализ выступлений на фонетическом уровне.

Эмоциональное содержание междометных предложений и предложений-аффективов доминирует над их предметно-логическим содержанием, поэтому их отсутствие в ПТД представляется ожидаемым:

1) One-eyed Larry (frantically). Oooh! (O'Casey)

2) Miss Mossie. ... and Mr. Mulligan's just run out into the street in his stockinged feet!

Halibut (astonished). No? (O'Casey) [Синеокова 2003: 129-130]

Квалифицирующая инверсия и эллиптические предложения-инвективы также выражают эмоциональное отношение говорящего к его собеседнику и характеризуются использованием инвективной лексики. Их функция – эмоциональная номинация объекта:

1) Stella. DRUNK-DRUNK-ANIMAL THING, YOU! (She rushes through to the poker table.) (Williams)

2) John (passionately). [You are a] Bloody little creeping thing!
(Fugard)

В ПТД эмоциональное отношение к собеседнику выражается за счет других лексико-синтаксических средств: недопустимо использование сниженной лексики в отношении оппонента или, шире, предмета речи; оратору важно не столько дать эмоциональное имя предмету или явлению, сколько эксплицитно объяснить свою позицию.

В ПТД зафиксированы материально избыточные вокативы и контактоустанавливающие элементы, однако не зарегистрировано их дублированное употребление. По всей видимости, двойная апелляция, свойственная повтору-вокативу, является характерной чертой АР и не используется в ПТД.

Повтор-аффектив выражает эмоциональную оценку происходящего говорящим и заключается в изолированном употреблении слов утверждения/отрицания и их эквивалентов, а также повторы оскорблений, ругательств и проклятий:

1) George. NO! NO! NO! NO! (Woolf)

2) Sarah (finally unable to control herself, cursing him). Fire on your head! May you live so sure if you don't know what I'm talking about. The money fell out of my purse, I suppose. I dropped it in the street. (Screaming at him) Fire on your head! (Wesker)

Как отмечалось выше, употребление инвективных элементов в ПТД представляется недопустимым.

Как показывает материал, использование повтора-аффектива в ПТД возможно при сознательном выборе оратором той или иной конструкции, например, при псевдоцитировании, для оказания воздействия на эмоциональную сферу аудитории (см. раздел 2.2.2.1):

And DeGaulle waved them off and said, "No, no, no, no. The word of the president of the United States is good enough for me." (Kerry)

Таким образом, наиболее частотными недоминантными признаками АР в ПТД являются потенциально сочиненные предложения, уточняющие и контактоустанавливающие материально избыточные элементы, а также смешанный повтор. Нечастотные признаки АР гораздо более частотны в ПТД.

3.3. Статистические и содержательные характеристики специфических признаков предвыборных теледебатов

В ПТД зафиксировано три признака, не зарегистрированных в АР: повтор-противопоставление, корректирующий повтор и артикуляторная редупликация⁶⁶. К специфическим признакам ПТД относятся также материально избыточные паузозаполнители, единичное использование которых в АР не имеет статистической значимости (см. раздел 2.2.1.2). Специфические признаки ПТД составляют 14,7% всей базы данных.

В таблице 3.8 приводятся данные о частотности употребления специфических признаков ПТД.

Табл. 3.8

Относительная частотность употребления специфических признаков ПТД

Номер	Признак	Рубрикатор	Частотность в ПТД (%)
1.	Повтор-противопоставление	ER33	2,5
2.	Корректирующий повтор	ER41	3,9
3.	Артикуляторная редупликация	ER15	0,2
4.	Материально избыточные паузозаполнители	EM06	9,5

Механизмы возникновения специфических признаков ПТД различны. Так, повтор-противопоставление является приемом эмпатизации наиболее важной с точки зрения говорящего информации за счет дублирования элементов высказывания с лексико-грамматической модификацией:

⁶⁶ Данные признаки относятся к модификации «повтор».

As a matter of fact – now – I don't advocate amnesty; I advocate pardon.
(Carter)

Артикуляторная редупликация вызвана разрегуляцией органов порождения речи на моторном уровне:

I believe strongly we should d- do so in Formosa and I believe we should meet our commitments to every country whose security we've guaranteed.
(Kennedy)

Корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители имеют поисковый характер:

1) I think under presidents For- uh - Nixon and Eisenhower they passed about 60 to 75 percent of their legislation. (Carter)

2) I've just finished reading a book, I think it's called – what is it called, what is it, The Demise of the Democratic Party by Ronald Cardash or something talking about all the liberal influences in the administration. (Dole)

В таблице 3.9 представлена относительная частотность употребления корректирующего повтора и материально избыточных паузозаполнителей в выступлениях разных ораторов.

Табл. 3.9

Корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители в выступлении ораторов

Оратор	%Op		
	\sum EM06/ER41 (%Op)	EM06	ER41
1. Carter	62,9	61,9	7,2
2. Ford	44,9	41,7	5,8
3. Kennedy	24,3	17,1	9,3
4. Nixon	12,2	5,4	8,8
5. McCain	5,6	1,1	5,1
6. BushS	5,2	0,4	5,2
7. Clinton	3,2	1,4	3,2
8. Dole	2,6	1	1,6
9. Obama	1,8	0	1,8
10. BushJ	1,7	0,9	1,3
11. Kerry	1,6	0,4	1,6
12. Dukakis	1,5	0	1,5

Пояснения к таблице.

$\Sigma EM06/ER41(\%Op)$ – частотность употребления высказываний, содержащих либо материально избыточные паузозаполнители, либо корректирующий повтор, в выступлении того или иного оратора по отношению к числу реплик данного оратора.

Из таблицы видно, что материально избыточные паузозаполнители используется достаточно часто в выступлениях отдельных ораторов – Дж. Картера (61,9% от всех высказываний оратора), Дж. Форда (41,7%) и Дж. Кеннеди (17,1%). Корректирующий повтор наиболее часто используется в выступлениях Дж. Кеннеди (9,3%), Р. Никсона (8,8%), Дж. Картера (7,2%), Дж. Форда (5,8%), Дж. Буша Старшего (5,2%) и Дж. МкКейна (5,1%). При этом выступления Дж. Картера, Дж. Форда и Дж. МкКейна характеризуются наибольшим количеством доминантных признаков состояния X_2 . В выступлениях Дж. Кеннеди и Р. Никсона количество доминантных признаков состояния X_2 также достаточно высоко по сравнению с другими ораторами (см. табл.3.4).

Механизм возникновения материально избыточных паузозаполнителей и корректирующего повтора напоминает механизм возникновения доминантных признаков поискового состояния – заполнение паузы, поиск нужной структуры и/или элементов. Особенностью их реализации в ПТД является то, что они возникают чаще всего в выступлениях ораторов, характеризующихся наибольшим количеством структурных признаков X_2 .

На данном этапе исследования представляется невозможным однозначно определить, является ли возникновение корректирующего повтора и паузозаполнителей отражением эмоционального состояния говорящего, или же паузы, их заполнители, повтор в речи оратора в ПТД возникают в данном случае не под воздействием эмоций, а в результате того, что выступление является неподготовленным, спонтанным, высказывания носят развернутый

характер и имеют сложную структуру (см. примеры выше). Правомерно предположить, что такие конструкции являются неотъемлемой чертой спонтанной речи вообще.

В пользу первого предположения (корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители являются структурами, продуцируемыми при поисковом состоянии X_2) говорит то, что механизмы их реализации и внешние проявления похожи на механизмы реализации и внешние проявления доминантных признаков поискового состояния; наиболее часто данные признаки встречаются в выступлениях ораторов, использующих большое количество признаков X_2 .

В пользу второго предположения (данные признаки являются характерной чертой неподготовленной спонтанной речи, их реализация не связана с *поисковым* психологическим состоянием говорящего) служит то, что они являются специфическими признаками ПТД, не зафиксированными в АР. Возможно, это указывает на то, что существует некое *допороговое* психологическое состояние (некое X_4), которое может быть обозначено как пограничная зона между X_1 , X_2 и X_3 и нормой, экспонентами которого на лингвистическом уровне являются корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители. Для решения этого вопроса требуется отдельное сопоставительное исследование аффективной речи, разговорной речи в целом и различных жанров ораторской речи.

Таким образом, выделенные в главе 2 специфические конструкции ПТД, незарегистрированные в АР, неоднородны с точки зрения механизмов их возникновения. Так, повтор-противопоставление представляет собой приемы воздействия на эмоциональную сферу аудитории.

Артикуляторная редупликация является механической (моторной) пролонгацией звуков, не связанной с эмоциональным состоянием говорящего или его намерением воздействовать на аудиторию.

Наиболее интересными с точки зрения цели исследования представляются поисковые структуры, имеющие целью заполнение пауз или подбор правильного компонента речевой цепочки (материально избыточные паузозаполнители и корректирующий повтор). Данные структуры, с одной стороны, сближаются с доминантными признаками поискового состояния, а с другой, – могут рассматриваться как характерные особенности неподготовленной спонтанной речи. На данном этапе вопрос о статусе данных конструкций остается открытым.

Выводы по главе 3

1. Анализ структурных и статистических особенностей конструкций, входящих в выделенные в главе 2 группы (тождественные конструкции АР и ПТД, сходные конструкции со структурно-семантическими отличиями в обоих типах речи, специфические конструкции АР и специфические конструкции ПТД), а также рассмотрение их с точки зрения доминантности/недоминантности относительно типа психологического состояния позволили идентифицировать синтаксические формы ПТД, манифестирующие псевдоаффективную и собственно аффективную составляющие эмоционального компонента в ПТД.

А. Структуры, используемые при *апеллятивном* психологическом состоянии, характеризующемся стремлением воздействовать на слушающего (повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, обрыв потенциального синтаксического целого, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, вопросно-ответное единство, эллиптические предложения-эмфатизаторы, изолированные предложения-апеллятивы, несобственно-побудительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные предложения, эмфатизирующая инверсия), реализуют *псевдоаффективную составляющую* эмоционального компонента в ПТД.

Б. Структуры, используемые при *поисковом состоянии*, характеризующемся трудностями, связанными с выбором последующих компонентов высказывания (ложный повтор, разрыв-паузатор, повтор-подлинный переспрос, корректирующая инверсия), свидетельствуют о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения и, соответственно, являются экспонентами *собственно аффективной составляющей* эмоционального компонента в ПТД.

2. Специфические конструкции аффективной речи не используются в предвыборных теледебатах, поскольку эмоциональный компонент значения в данных конструкциях преобладает над их предметно-логическим содержанием. Однако некоторые специфические конструкции АР могут намеренно использоваться в ПТД с целью воздействия на аудиторию, например, повтор-аффектив при псевдоцитировании.

3. Специфические признаки ПТД неоднородны с точки зрения механизма возникновения и представляют собой:

- приемы эмоционального воздействия (повтор-противопоставление);
- разрегуляцию в работе органов речи на моторном уровне (артикуляторная редупликация);
- поисковые конструкции (корректирующий повтор, материально избыточные паузозаполнители), по механизму возникновения напоминающие доминантные признаки поискового состояния, но не реализуемые в АР при поисковом состоянии.

4. Рассмотрение частотности употребления признаков в ПТД позволило сделать следующие выводы.

А. Признаки, манифестирующие псевдоаффективную составляющую эмоционального компонента в ПТД, реализуются в выступлениях разных ораторов приблизительно в равной степени, что свидетельствует о том, что ораторы одинаково владеют приемами речевого воздействия.

Б. Признаки, манифестирующие собственно аффективную составляющую эмоционального компонента в ПТД, не отличаются высокой частотностью, что свидетельствует о том, что ораторы, в основном, контролируют эмоции. Частотность данных признаков, определяющих степень присутствия собственно аффективной составляющей, отличается в выступлениях разных ораторов и зависит, по-видимому, от ряда экстралингвистических факторов.

В. Наиболее частотными признаками ПТД являются эмфатизирующая инверсия, уточняющий разрыв, потенциально сочиненные предложения, уточняющие и контактоустанавливающие материально избыточные элементы, а также смешанный повтор. Высокая частотность употребления эмфатизирующей инверсии может быть объяснена тем, что этот известный со времен античной риторики стилистический прием позволяет выносить в сильную (ненейтральную) позицию наиболее важные для оратора компоненты высказывания. Высокая частотность использования уточняющего разрыва может быть объяснена необходимостью членить сложные в структурном и семантическом отношении высказывания, реализуемые в ПТД, для облегчения их продуцирования самим говорящим и восприятия слушающими. Потенциально сочиненные предложения, уточняющие и контактоустанавливающие материально избыточные элементы и смешанный повтор позволяют оратору подчеркнуть логическую связанность предыдущего и последующего высказываний, выделить эмоциональные доминанты высказывания и уточнить фрагмент высказывания или все высказывание в целом.

Г. Некоторые признаки, являющиеся известными риторическими приемами, не отличаются высокой частотностью в ПТД (повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, разрыв-эмфатизатор, вопросно-ответные единства, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения, изолированные

предложения-апеллятивы), поскольку их воздействующий потенциал очевиден.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выступая перед аудиторией, оратор стремится воздействовать как на рациональную, так и на эмоциональную сферы слушающих. При воздействии на эмоции используются различные виды деформаций нейтральных единиц языка. Так, на синтаксическом уровне используются высказывания, деформированные относительно нейтрального ядерного предложения и реализуемые в состоянии эмоционального напряжения, в том числе, в состоянии аффекта. Изучение структурно-семантических особенностей конструкций, реализуемых в политической речи, дает основание сделать вывод не только о возможности дифференцированного изучения воздействия на эмоции, но также о возможности разграничения *псевдоаффективной* – связанной с сознательной имитацией эмоций с целью воздействия на аудиторию – и *собственно аффективной* – связанной с отражением эмоционального состояния оратора – *составляющих* эмоционального компонента в ПР.

При создании структурно-семантической классификации речи, воздействующей на эмоциональную сферу слушающих, существенным оказался выбор ПТД в качестве исследуемого жанра политической речи. Поскольку коммуникативная ситуация ПТД во многом сближается с ситуацией реализации АР (устная форма, относительная спонтанность, наличие собеседника и прямого контакта с аудиторией, ориентированность на непрофессиональную аудиторию, высокая степень эмоциональной насыщенности), жанр ПТД в значительной степени реализует не только эмоциональный компонент в целом и его псевдоаффективную (имитационную) составляющую, но и его собственно аффективную составляющую.

Разработанная в настоящем исследовании лингвистическая классификация представляет собой трехуровневую иерархию, включающую

уровни трансформаций, модификаций и первичных признаков, основанную на анализе отклонений реализующихся в деформированной речи форм от структуры нейтрального ядерного предложения, характеризующегося набором дистинктивных грамматических признаков и относящегося к нейтральной в эмоциональном отношении речи.

Поскольку при воздействии на эмоциональную сферу аудитории используются элементы, реализуемые в состоянии аффекта, инструментом для исследования послужила корреляционная классификация структурных признаков АР, созданная с целью прогнозирования типов психологического состояния. При сопоставлении синтактико-семантических форм, используемых в ПТД и АР, были выделены четыре группы деформированных конструкций (тождественные конструкции, сходные конструкции со структурно-семантическими отличиями в АР и ПТД, специфические конструкции ПТД и специфические конструкции АР). Сопоставительный анализ статистических и содержательных характеристик конструкций, входящих в данные группы, позволил выделить структурные формы ПТД, являющиеся экспонентами псевдоаффективной и собственно аффективной составляющих эмоционального компонента в ПТД.

Ряд структур, относящихся к группе сходных конструкций со структурно-семантическими особенностями в обоих типах речи и реализуемых в *состоянии эвстресса*, или *апеллятивном состоянии* в АР (повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, обрыв потенциального синтаксического целого, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, вопросно-ответное единство, эллиптические предложения-эмфатизаторы, изолированные предложения-апеллятивы, несобственно-побудительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные предложения, эмфатизирующая инверсия), используется в ПТД с целью имитации эмоционального состояния. Данные признаки являются экспонентами

псевдоаффективной, имитационной составляющей эмоционального компонента воздействия в ПР.

Также были выделены признаки, манифестирующие *собственно аффективную составляющую* эмоционального компонента, т.е. свидетельствующие о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения (разрыв-паузатор, ложный повтор, повтор-подлинный переспрос, корректирующая инверсия). Разрыв-паузатор и ложный повтор являются тождественными признаками ПТД и АР, т.е. обнаруживают полное совпадение в особенностях употребления в обоих типах речи. Корректирующая инверсия относится к группе сходных конструкций со структурно-семантическими отличиями, обусловленными различиями в ситуации реализации рассматриваемых типов речи. Повтор-подлинный переспрос представляет собой специфическую конструкцию АР, употребление которой в ПТД свидетельствует о поисковом психологическом состоянии оратора.

Кроме того, анализ признаков на содержательном уровне позволил объяснить причины, по которым специфические признаки АР не используются в ПТД, а также причины единичного употребления некоторых из них в ПТД.

Так, повтор-подлинный переспрос, свидетельствующий об *адаптационном, поисковом* психологическом *состоянии*, используется в ситуации, когда реплика собеседника вызывает удивление у говорящего. В ПТД вопросы журналиста и комментарии оппонента понятны оратору и не вызывают удивления, поэтому такие построения не типичны для ПТД. В базе данных зафиксировано лишь одно высказывание, содержащее данный признак.

Эхололический повтор, артикуляторные персеверации и обрыв гипотетического синтаксического целого, реализуемые при *диссоциативном состоянии*, не используются в ПТД, поскольку их употребление связано с минимальной работой сознания.

Эллиптические предложения-инвективы и квалифицирующая инверсия не используются в ПТД по причине того, что они содержат инвективную лексику, не приемлемую в данном жанре политической коммуникации. Междометные предложения, предложения-аффективы и повторы-вокативы не зарегистрированы в ПТД, что может быть объяснено тем, что при их реализации на первый план выдвигается эмотивная информация, связанная с прямым отражением эмоционального состояния говорящего, а не с его интенцией воздействовать на аудиторию.

Однако, по всей видимости, специфические признаки АР могут быть единично использованы в ПТД с целью усиления эмоциональности высказывания, например, повтор-аффектив в высказываниях с псевдоцитированием.

Специфические признаки ПТД (повтор-противопоставление) используются с целью эмоционального воздействия на аудиторию.

Кроме того, был выделен ряд специфических признаков ПТД (артикуляторная редупликация, корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители), статус которых не однозначен: они не могут считаться как экспонентами псевдоаффективной составляющей, так и экспонентами собственно аффективной составляющей. Возможно, они являются особенностью спонтанной, неподготовленной речи и не связаны с выражением эмоционального состояния оратора.

Интересные результаты дало сравнение частотности употребления деформированных структур в ПТД и АР с целью выделения наиболее частотных признаков ПТД.

Наиболее частотными конструкциями в ПТД являются эмфатизирующая инверсия, уточняющий разрыв, потенциально сочиненные предложения, уточняющие и контактоустанавливающие материально избыточные элементы, а также смешанный повтор. Частотность их употребления в ПТД значительно

превышает частность их употребления в АР. Данные конструкции способствуют:

- эмфатизации высказывания за счет а) переноса элементов в нейтральную позицию (эмфатизирующая инверсия), б) дублирования элементов (смешанный повтор), в) выделения элементов в отдельное высказывание (уточняющий разрыв);

- уточнению элементов высказывания (уточняющий разрыв, смешанный повтор, уточняющие материально избыточные элементы);

- усилению логических связей между предыдущим и последующим высказываниями (потенциально сочиненные предложения, уточняющие материально избыточные элементы);

- привлечению внимания слушающих к элементам высказывания (контактоустанавливающие материально избыточные элементы).

Данные структуры осознанно отбираются оратором с целью воздействия на эмоции аудитории.

Некоторые конструкции АР не отличаются высокой частотностью в ПТД, что не соответствует ожидаемому, поскольку они обладают высоким апеллятивным потенциалом. Оратор в данном жанре ПР осознанно избегает чрезмерного употребления таких конструкций, в связи с тем, что их воздействующий потенциал очевиден (повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, разрыв-эмфатизатор, вопросно-ответные единства, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные и несобственно-побудительные предложения, изолированные предложения-апеллятивы).

В перспективе исследования решение таких задач, как:

- выявление комбинаторных характеристик ПТД, т.е. анализ сочетаемости признаков;

- сопоставительный анализ статистических характеристик нейтральных и деформированных структур в ПР;

– корректировка описания признаков и уточнение инструкций по их определению;

– изучение других жанров ПР и, шире, других видов ораторской речи, в которых соотношение эмоционального и рационального компонентов воздействия отлично от ПТД;

– выделение индивидуальных и гендерных особенностей реализации эмоционального компонента и его собственно аффективной и псевдоаффективной составляющих в ПР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамчук Т.В. Тематизация эмоций в тексте: (На материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1996. – 189 с.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
3. Андрианова Е.К. О границах предложения и регулярных моделях “непредложений” // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1985. – Вып. 5. С. 3-8.
4. Аникина О.Е. Синтаксическая имплицитность во французском языке в сопоставлении с русским: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 213 с.
5. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2000. – 33 с.
6. Антонова Е.А. Функционирование повторов в судебной речи: Дипломная работа. – Нижний Новгород, 2010. – 65 с. (Научный руководитель – Синеокова Т.Н.)
7. Аржанова И.А. Функционально–коммуникативные и лингвопоэтические особенности эллиптических конструкций в современной художественной литературе на английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 188 с.
8. Аристотель. Риторика. Кн. 1 // Античные риторики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15-69.
9. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. С. 52-56.
10. Астапова Г.М. Парцеллированные структуры с повтором в

- современном английском языке (утвердительный и отрицательный тип): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1975. – 216 с.
11. Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 21 с.
 12. Афанасьева О.Д. Коммуникативно-недостаточные высказывания современного английского языка и типы реакций на них: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 16 с.
 13. Ашмарина И.Л. Уточнение как член предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1999. – 203 с.
 14. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопэтики к психополитике (филологические этюды) // Политический дискурс в России – 3. – М., 1999. С. 6-8.
 15. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.
 16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
 17. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001. – 182 с.
 18. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – 193 с.
 19. Барсова О.М. Основные модели простого предложения // Уч. зап. / МГПИ. – М., 1964. – Т. 210. С. 25-45.
 20. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.
 21. Баталова И.К. Квалификация высказываний с присоединением в аспекте актуального членения в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1973. – 199 с.
 22. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Литературно

- критические статьи. – М.: Художественная литература, 1996. С. 428-473.
23. Безрукова А.В. Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке. (Опыт парадигматического описания): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981. – 200 с.
24. Бейли Н. Математика в медицине и биологии. – М.: Мир, 1970. – 326 с.
25. Белодед О.Р. Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности высказываний благодарности: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 181 с.
26. Беляева Е.И. Способы регистрации изменений восприятия при разработке однозначного классификационного описания // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. – Вып. 4. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 30-35.
27. Бердник Л.Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 1974. – 19 с.
28. Бердникова Л.П. Подтвердительные вопросы в современном английском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 33 с.
29. Беседина Н.А. Восклицательные предложения в современном английском языке (семантический, грамматический и функциональный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1995. – 16 с.
30. Биренбаум Я.Г. Роль союзных парентез в организации текста// Межуровневая организации текста в естественном языке: Межвуз. сборн. научн. трудов. – Челябинск, 1987. С. 28-35.

31. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. С. 88-120.
32. Блох М.Я., Мажар Е.Н. Аффект в ораторской речи и манипулирование аудиторией : [на материале англ. и нем. яз.] // Актуальные проблемы современной филологии. – Смоленск, 2001. – Вып. 2. С. 7-15.
33. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. С. 56-67.
34. Блох М.Я. К проблеме транспозиции в синтаксисе // Вопросы теории английского языка. – Вып. 1. – М., 1973. С. 37-43.
35. Блох М.Я. Об информативной и семантической ценности языковых элементов // Уч. зап. / МГПИ. – М., 1971. – Том 473. С. 3-27.
36. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. – Выпуск 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология), 2006. С. 14-19.
37. Блох М.Я., Сусллова М.М. Аффект в речевом поведении // Актуальные проблемы прагмалингвистики. – Воронеж, 1996. С. 23-29.
38. Блох М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса. (На материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1976. – 444 с.
39. Бойцова Т.А. Проспективная синтаксическая корреляция как компонент структуры текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 172 с.
40. Болдовская Н.В. Семантико–синтаксические и коммуникативные особенности предложений с расщеплением в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 183 с.
41. Буренина Н.В. Эмоциональные конструкции английской диалогической речи: (Структурно-семантические и прагматические аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1989. – 168 с.

42. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. С. 44-87.
43. Вакуленко Т.А. Структурно–семантические и коммуникативно–прагматические особенности вопросительных предложений фразеологизированной структуры в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1992. – 206 с.
44. Вансяцкая Е.А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1999. – 161 с.
45. Вардуль И.Ф. К вопросу о явлении эллипсиса // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения: Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. – М.: Наука, 1969. С. 59–76.
46. Вдовиченко П.С. Некоторые фразеологизированные синтаксические конструкции современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. – 19 с.
47. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов, 1997. С. 107-125.
48. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Астрель, 2001. – 128 с.
49. Вейхман Г.А. Признаки неполноты предложения в современном английском языке // Научн. докл. высш. шк. Филологические науки. – 1962. – № 4. С. 89-100.
50. Велтистова А.В. Обращение в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 19 с.
51. Ветрова О.Г. Вокативные предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 180 с.

52. Винокур Т.Г. Полилог // ЛЭС. – М., 1990. С. 381.
53. Витт Н.В. К вопросу о взаимосвязи интеллектуальных процессов и функционального состояния // Научно-методическая конференция «Лингво-психологические проблемы обоснования методики преподавания иностранных языков в высшей школе» (Тезисы докладов). – М.: МГПИИЯ им. М. Тереза, 1971. С. 84.
54. Власова Ю.Н., Нестерова Н.М. Особенности синтаксической связи сепарированной конструкции и базового компонента // Вопросы английской филологии и методики преподавания английского языка. – Ростов–на–Дону, 1974. – Вып. 3. С. 33-44.
55. Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1998. С. 111-115.
56. Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1993. – 158 с.
57. Волгина Е.А. Сокращение и расширение конструкции как прием экспрессивной речи: (На материале местоименных вопросительных предложений современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 160 с.
58. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса. <http://politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html>
59. Гаврилюк А.В. Структурно–семантические и коммуникативно-функциональные особенности односоставных предложений в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 193 с.
60. Гаибова М.Т. Присоединительные конструкции и их стилистические функции в художественной прозе: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 176 с.
61. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи-2. –

- Саратов, 1999. С. 23-37.
62. Гедминайте И.Ю. Особенности включенных предложений предложений в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 180 с.
 63. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2. – М., 1998. С. 20-23.
 64. Герасимова Е.Г. Усеченные высказывания в английской устной разговорной речи и в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 219 с.
 65. Герасимова О.И. Косвенные высказывания в английской диалогической речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1986. – 162 с.
 66. Гизатуллина А.К. Эмотивные предложения с сокращенной синтаксической структурой в татарском и французском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2001. – 219 с.
 67. Гильмутдинов В.И. Безглагольные реплики-реакции в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1984. – 222 с.
 68. Глаголев Н.В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи: (На материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 20 с.
 69. Гладуш Н.Ф. Повествовательные директивы в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1985. – 205 с.
 70. Голикова Т.И. Взаимодействие просодических средств с языковыми средствами других уровней в реализации отрицания в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 190 с.
 71. Головань В.И. Рематичность грамматического субъекта как способ реализации коммуникативного и семантического содержания высказывания: (На материале инвертированных конструкций английского языка XV века): Дис. ... канд. филол. наук. – Харьков,

1985. – 161 с.
72. Головкина Н.Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 19 с.
73. Гончарова М.А. Порядок слов как средство создания экспрессивности в современном немецком языке: (Синтез генеративного и функционального подходов): Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 1999. – 150 с.
74. Горошко Е.И. Речевая компетентность и речевой жанр как понятия речеведения. <http://www.textology.ru/public/gorsh1.html>
75. Грачева О.В. Мнимоотрицательные конструкции и их роль в английском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 152 с.
76. Грибкова Б.П. Лексико-грамматическая реитерация в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1987. – 209 с.
77. Григорьева Т.В. Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. С. 24-31.
78. Гриневич Т.С. Системные отношения внутри развернутого лексико-семантического поля: (На основе анализа английских слов, выражающих гнев) // Вопросы романо-германской и славянской филологии. – Минск, 1975. С. 62–74.
79. Гронская Н.Э. Базовые стратегии языкового манипулирования // Актуальные проблемы американистики: Материалы VI международного научного семинара. – Нижний Новгород, 2001. С. 337-342.
80. Гулыга Е.В. Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных // Филологические науки. – 1960. – №4. С. 38-48.
81. Гусаренко С.В. Синтагматический и семантико-прагматический аспекты функционирования вставных конструкций в современном

- русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1999. – 173 с.
82. Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса (на материале президентских обращений к нации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 20 с.
83. Данилова Е.А. Лексико-грамматические средства выражения эмоционально-грамматической направленности научной прозы: (На материале физико-технических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. – Симферополь, 1988. – 180 с.
84. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и стилистика. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
85. Денисов К.М. Соотношение лексико-синтаксических и интонационных средств в передаче эмоционального значения: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 271 с.
86. Денисов П.Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX в. – М., 1998. – 278 с.
87. Дорошенко А.В. Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 221 с.
88. Дудорова Э.С. Коммуникативно-прагматический аспект обособленных компонентов предложения и их семантико-синтаксические свойства: (На материале обособленных определений, обстоятельств и косвенных дополнений в английском языке): Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1994. – 208 с.
89. Егорова Т.Г. Функционально-семантические и прагматические особенности вопросительных высказываний, имплицитующих отрицание: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 181 с.
90. Елькин В.В. Диалогическая речь – основная сфера реализации

- языковой экономии: Дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2001. – 220 с.
91. Ершова Л.В. Синтаксический параллелизм в сравнительных предложениях (На материале старофранцузского языка)// Иноземна філологія = Иностранная филология: Міжвідомчий респ. збірник. Вип. 10. – Львів: Видавництво Львівск. ун-ту, 1966. С. 89-96.
 92. Жученко Д.И. Интонационная организация вставных конструкций: (Экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1973. – 361 с.
 93. Жучкова Н.Ф. Грамматические особенности эмоциональных структур в составе речевых комплексов: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 199 с.
 94. Занина Е.Л. Вариативность отрицательной синтаксической конструкции в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук.– М., 1994. – 224 с.
 95. Засыпкин В.П. Неполные и односоставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках: Дис. ... канд. филол. наук.– М., 1998. – 152 с.
 96. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1979. – 239 с.
 97. Зернецкий П.В. Повторная коммуникативная номинация в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук.– Киев, 1983. – 225 с.
 98. Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций: (На материале русского, украинского, английского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1981. – 180 с.
 99. Змеева Т.Е. ИмPLICITное выражение эмоций в функционально-коммуникативном аспекте. (На материале современного французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 19 с.

100. Змиевская Н.А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста (на материале английской и американской прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 19 с.
101. Знаменская Т.А. Парадигматика и синтагматика глагольных форм английского наклонения // Парадигматические отношения в языке. – Свердловск: СГПИ, 1989. С. 34-38.
102. Зубов А.В. О языковых средствах выражения категории оценки в современном английском языке (на материале англо-американской прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1974. – 16 с.
103. Иванина Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 19 с.
104. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.
105. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – 432 с.
106. Инфантова Г.Г. Об использовании в разговорной речи придаточных предложений в роли самостоятельных единиц // Науч. докл. высш. шк. Филологич. науки. – 1970. – №3. С. 100-103.
107. Ирхин Ю.В. Политология: Учеб. пособие. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во РУДН, 1996. – 463 с.
108. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. – 232 с.
109. Истомина Е.А. Взаимодействие синтактико-семантических компонентов предложения: (На материале вопросительно-отрицательных предложений современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 166 с.

110. Казанли О.А. Вторичные функции вопросительного предложения в авторской речи английского художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук.– Минск, 1989. – 172 с.
111. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // Политические исследования. – №5. – 2001. С. 46-54.
112. Караулов Ю.Н., Баранов А.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – 124 с.
113. Кашурникова Л.Д. Восклицательные предложения с эмфатическими интродукторами в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 156 с.
114. Кварцхава М.И. Стилистические функции порядка слов в английском предложении: (К проблеме актуализации): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 190 с.
115. Кисловская Е.Н. Побудительная модальность в структуре повтора (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 193 с.
116. Кобков В.П. Замещение в английском языке. – Новосибирск, 1964. – 56 с.
117. Кобрина Н.А. Предложения со вставной предикативной единицей в современном английском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук. – Ленинград, 1975. – 34 с.
118. Кожевникова К.В. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М., 1979. С. 34-46.
119. Колесников А.В. Подключенные конструкции в синтаксисе целого текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 297 с.
120. Колыхалова О.А. Функциональные свойства вводных предикативных единиц в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. –

- М., 1983. – 165 с.
121. Коретникова Л.И. Эллиптические конструкции и их взаимодействие с текстом: (На материале разных функциональных стилей русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1999. – 162 с.
 122. Королькова И.А. Семантико–синтаксические свойства вопросительного предложения: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 179 с.
 123. Косоножкина Л.В. Структурно–семантические и прагматические особенности эллиптических предложений в составе вопросно–ответных диалогических единств: (На материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1988. – 164 с.
 124. Костюк Н.Н. Синтактико-стилистические функции парентетических внесений в художественной литературе. (На материале английской художественной литературы XX века): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 147 с.
 125. Котляр Т.Р. Вставные конструкции в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1962. – 18 с.
 126. Кравченко В.А. Интонационная структура простых повествовательных предложений с некоторыми типами инверсии в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – 248 с.
 127. Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: (На материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 19 с.
 128. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М., 2002. – 124 с.
 129. Кузнецова О.А., Синеокова Т.Н. Корреляционные связи между структурно-семантическими разновидностями повторов и

- особенностями их актуального членения в эмоционально окрашенной речи. (На материале русского и английского языков) // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск четвертый. Часть 2. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 16-24.
130. Кульчицкая О.О. Интонация и смысл неполносоставного вопроса в английской диалогической речи: (Экспериментально–фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 205 с.
131. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995. – 124 с.
132. Курбатова Е.А. Функционально–экспрессивные особенности разделительных вопросов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2002. – 147 с.
133. Кутянина Е.М. Системное моделирование переспроса в немецком диалогическом синтаксисе: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1998. – 160 с.
134. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 399 с.
135. Лашкевич О.М. Роль вводных слов и словосочетаний в выражении модальности текста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 171 с.
136. Левин Ю. О семиотике искажения истины // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – 348 с.
137. Лейко А.М. Некоторые знаки препинания как средство выражения эмоций в прямой речи. (На материале английского языка) // Науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. – 1976. – Вып. 107. С. 29-33.
138. Леонович Е.О. Прагматический аспект обращения: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1999. – 207 с.

139. Леонтьев А.Н. Аффект // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. – 1972. – Т.2. С. 456.
140. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
141. Лисенкова Н.Н. Псевдovoпросительные высказывания в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1989. – 160 с.
142. Лисенкова О.А. синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 140 с.
143. Литвищенко Г.С. Синтаксический анализ одноядерных эмотивных предложений в современном английском языке: Дис...канд. филол. наук. – Л., 1972. – 162 с.
144. Лук А.Н. Эмоции и чувства. – М.: Знание, 1972. – 78 с.
145. Любавская И.Ю. Структурно номинативные предложения в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1985. – 152 с.
146. Мажар Е.Н. Аффективно-манипулятивный компонент ораторской речи: На материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 177 с.
147. Малахов О.Я. Послесловные присоединительные конструкции в современном английском языке (интонационно–грамматический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1965. – 187 с.
148. Малинович Ю.М. Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 1990. – 429 с.
149. Мальченко А.А. Повтор в синтаксических конвергенциях (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 173 с.
150. Малюга Е.Н. Функционально–прагматические особенности английских

- вопросительных предложений: (На материале британских и американских экономических газет и художественных текстов): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 311 с.
151. Малявин Д.В. Вводные элементы и вставки в составе предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Запорожье, 1963. – 165 с.
152. Маркелова И.Ю. Дистрибуционно независимые неполные предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 209 с.
153. Мед Н.Г. Структурные типы собственно-эмотивных предложений в современном испанском и португальском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 223 с.
154. Мильк В.Ф. Интонация присоединения в современном английском языке по сравнению с русским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 15 с.
155. Михайлова Н.А. Семантико–прагматические особенности функционирования имплицитных высказываний в диалогической речи: (На материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2002. – 164 с.
156. Михайлова Т.В. Особенности восполнения эллиптических конструкций: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1997. – 112 с.
157. Монин И.Б. Гипотаксис и паратаксис как способы связи смежных цельных предложений в современном английском языке: Дис...канд. филол. наук. – Л., 1977. – 196 с.
158. Морозова А.Н. Динамическое единство линейного и надлинейного рядов в динамике высказывания: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 372 с.
159. Намталишвили И.И. О некоторых эмоциональных конструкциях

- современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1971. – 188 с.
160. Нахапетова Л.М. Вводные конструкции современного английского языка в аспекте теории текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, – Тбилиси, 1986. – 18 с.
161. Нестерова Н.М. Сепарированные конструкции, омонимичные придаточным предложениям, в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 1973. – 197 с.
162. Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания – 1970. – №3. С. 117-123.
163. Ноблок Н.Л. Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе: (На материале предвыборных теледебатов Дж. Буша – Дж. Керри): Дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 178 с.
164. Новоселецкая Э.П. Эволюция функционирования вставных конструкций в английских научных текстах 18-20 веков: Учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1993. – 45 с.
165. Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2003. – 832 с.
166. Носенко Э.Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1979. – 434 с.
167. Образцова Е.М. Относительная позиция членов простого двусоставного неэллиптированного предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 166 с.
168. Обухова Е.Ю. Уточнение в английском языке: (Функциональный и семантический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 192 с.

169. Одинец А.И. Семантико–синтаксические и функционально–прагматические особенности номинативных предложений в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1997. – 147 с.
170. Олейник Е.Ю. Просодическая организация синтаксически неполных повествовательных фраз в английском непринужденном диалоге: Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1991. – 231 с.
171. Онищук М.Т. Особенности высказывания, осложненного вставной конструкцией, в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1998. – 176 с.
172. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования – 1986. М., 1987. – С. 47-68.
173. Пегина Т.П. Структурно-семантические и коммуникативные особенности междометных эмоциональных идиом: Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1994. – 168 с.
174. Першикова В.А. Немотивированно полносоставные реплики в структуре диалогического единства: Дис. ... канд. филол. наук. – Л. 1982. – 211 с.
175. Петрашевская Ж.Е. Парцелляция простого предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 177 с.
176. Петрова Е.Н. Повтор в английском диалогическом тексте (Ономасиологический аспект речепорождения): Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1996. – 167 с.
177. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. – Л., 1928. – 428 с.
178. Пименова М.А. Стилистическая инверсия в сфере фразеологии современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 191 с.

179. Пиотровская Л.А. Лингвистическая природа эмотивных высказываний: (На материале русского и чешского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. – Спб., 1995. – 510 с.
180. Плоткин В.Я. О связи вводных элементов с предложением и его частями. (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 1958. – 202 с.
181. Погосян В.А. Отношение эквивалентности как способ организации сложного предложения и диалогического единства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Спб, 1993. – 19 с.
182. Полищук Н.В. Номинативный статус междометных фразеологических единиц современного английского языка и особенности их контекстного употребления: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 207 с.
183. Полякова И.М. Английское нелично–глагольное предложение: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1991. – 177 с.
184. Пономаренко Е.В. Структурно–семантическая и коммуникативно–функциональная характеристика пояснительных номинаций в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1991. – 184 с.
185. Попов А.С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. С. 256–274.
186. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М., 1998. – 456 с.
187. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения: (На материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1967. – 633 с.
188. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения: Дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1989. – 480 с.

189. Примерова Н.Д. Речевая компрессия в диалогическом единстве: (На материале английского художественного текста): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 199 с.
190. Пумпянский А.А. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. – М.: Наука, 1974. – 247 с.
191. Рачковская Л.А. Функционирование парцелированных структур в художественных текстах современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2002. – 22 с.
192. Реферовская Е.А. Семантико–синтаксические принципы членения речевого потока // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. – М., 1974. – Ч. II. С. 32-34.
193. Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. – Л., 1984. – 33 с.
194. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. С. 5-79.
195. Романовская Ю.Ю. Структурно–семантические особенности вставных предикативных единиц: (На материале среднеанглийского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1979. – 209 с.
196. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1976. – 416 с.
197. Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 23 с.
198. Саидова М.С. Коммуникативная функция вопросительного предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1987. – 189 с.
199. Самойлова И.В. Эмфаза и коммуникативная актуализация в речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Уч. зап. – Горьковский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова. – Горький, 1975. – Вып. 6. С. 94-103.

200. Сафронова Т.Н. Сегментированные конструкции в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1975. – 190 с.
201. Седова Т.В. Коммуникативные ситуации, выражаемые испанскими вопросительными предложениями: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 156 с.
202. Семенихина Г.И. Способы актуализации категории отрицания в утвердительных предложениях английской и русской разговорной речи // Сопоставительные исследования грамматических категорий: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1985. С. 90-94.
203. Семенова Л.В. О характере связи между частями расчлененной синтаксической структуры // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Уч. зап. / Горьковский гос. пед. ин-т иностр. яз-в им. Н.А. Добролюбова. – Горький, 1978. – Вып. 9. С. 83-87.
204. Семина С.И. Языковой повтор как конститuent полипредикативного сложносочиненного предложения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 1999. – 197 с.
205. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. С. 34-55.
206. Сергеев В.М., Сергеев К.В. Некоторые подходы к анализу языка политики. На примере понятий «хаос», «лидер», «свобода» // Политические исследования. – 2001. – №5. С. 13-22.
207. Сергеева Т.А. Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой диалогической речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1993. – 195 с.
208. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопросы психологии. – 1982. – №6. С. 44-56.
209. Синеокова Т.Н. Интерактивные лингвистические классификации:

- статистические методы анализа: Монография – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 162 с.
210. Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 151 с.
211. Синеокова Т.Н. Экспликационная специфика английских коллоквиальных конструкций, реализуемых в состоянии аффекта: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1989. – 180 с.
212. Синеокова Т.Н., Лаврова А.А., Чернышова Е.И. Лингвометодический аспект классифицирования структурных форм ненейтральной речи // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. С. 40-58.
213. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: (На материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. – М., 2004. – 383 с.
214. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
215. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. – М.: Высшая школа, 1980. – 142 с.
216. Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. – Москва: УРСС, 2003. – 170 с.
217. Ситнова Н.А. Эллипсис строевых (служебных) элементов в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1978. – 171 с.
218. Сковородников А.П. О соотношении понятий “парцелляция” и “присоединение” (на материале русского литературного языка) //

- Вопросы языкознания. – 1978. – №1. С. 118-129.
219. Сковородников А.П. Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. С. 182-197.
220. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1994. – 240 с.
221. Скребнев Ю.М. Стилистические функции вводных элементов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Благовещенск, 1955. – 280 с.
222. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
223. Скребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Дис. ... д-ра филол. наук. – Горький, 1971. – 581 с.
224. Смирнова М.Д. Предложения с вопросительными словами в функции возражения: (Когнитивно-лингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 118 с.
225. Смирнова Р.Ф. О некоторых особенностях лексико-грамматического состава вопросительных предложений со значением отрицания и утверждения // Лингвистика и проблемы стиля. – Вып. 1. – Л., 1977. С. 53-59.
226. Соколова Л.И. Присоединительные конструкции в современном языке как явление коммуникативного синтаксиса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 20 с.
227. Солодова И.А. Синтаксический параллелизм в акте коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 155 с.
228. Солодовник И.П. Союзные пояснительные конструкции в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 30 с.
229. Сорокин Ю.А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий

- Явлинский // Политический дискурс в России – 3. – 1999. С. 46-55.
230. Спивак Д.Л. Политика и литература в контексте массовой психологии // Знамя. – 2000. – №8. С. 24-45.
231. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: Дис. ... д-ра филол. и психол. наук. – СПб., 1998. – 351 с.
232. Старикова Е.Н. Проблемы имплицитной номинации в современном английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1976. – 353 с.
233. Старцева Г.А. Тема–рематическая прогрессия различных коммуникативных типов вопросно–ответных диалогических единств: (На материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 158 с.
234. Степанова И.И. Семантико–синтаксические и прагматические функции включений, парцеллятов и присоединений в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1993. – 213 с.
235. Стернин И.А. Практическая риторика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 326 с.
236. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 223 с.
237. Стрельцов В.Н. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 176 с.
238. Стунгене А.Э. Проблема вводного и вставного элемента в потоке речи: (На материале английской лингвистической прозы): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 128 с.
239. Суровенкова Л.С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 30 с.
240. Сулова М.М. Речевое выражение аффекта // Университ. вестник.

- Москва – Смоленск. – 2002. – №1. С. 58-63.
241. Сулова М.М. Синтаксические конструкции аффекта в современном английском языке: Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1998. – 162 с.
242. Сухомлинова Т.Р. Однословные устойчивые высказывания в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 191 с.
243. Сызранцева Л.М. Отрицание в семантической структуре предложения: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 196 с.
244. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. С. 5-18.
245. Татакаева Л.М. Вербальные средства привлечения внимания в зачине диалога в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 168 с.
246. Трофимова Э.А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. – Ростов, 1981. – 158 с.
247. Труфанова И.В. Эмоции и речевые акты // Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография. – Волгоград: Перемена, 2003. С. 54-64.
248. Туранский И.И. К вопросу об интонационном разграничении основы и ядра высказывания в двусоставных безглагольных предложениях // Вопросы английской филологии. – Горьковский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова. – Горький, 1972. – Вып. 51. С. 235-240.
249. Турсунов Б. Парцеллированные придаточные предложения в немецком и узбекском языках (Опыт структурно-сопоставительного анализа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1975. – 23 с.
250. Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Политические исследования. – 1995. – №5. С. 142-153.
251. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х годов XX века. – Екатеринбург, 1998. – 65 с.

252. Фенова Е.А. Соотношение синтаксической просодии парентетических внесений и предидирующей паузы: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 150 с.
253. Филонова Н.К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л, 1982. – 189 с.
254. Фурс Л.А. Эмоционально-экспрессивные предложения квазипридаточной структуры как элементы синтаксической системы современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1995. – 149 с.
255. Ханутин М.А. Языковая природа и особенности функционирования парцелляции как стилистического приема. (На материале английской художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 151 с.
256. Херадштейт Д., Нарвесен У. Психологические ограничения на принятие решений // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. С. 45-56.
257. Хлевчук Н.В. Эллипсис в субстантивных словосочетаниях в современном английском языке как проявление тенденции к языковой экономии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 150 с.
258. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: Дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 1996. – 456 с.
259. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: «КСП», 1996. – 386 с.
260. Чернов А.В. Конструкции с междометием в формальном и семантическом аспектах: (На материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1998. – 136 с.

261. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000 гг.). – Екатеринбург, 2001. – 78 с.
262. Чумакова Ю.А. Семантическая структура приложений в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2001. – 209 с.
263. Шамшина О.А. Синтаксическая трансформация высказывания как выразительный прием художественной речи: (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 165 с.
264. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. (На материале английского языка): Дис...д-ра филол. наук. – М., 1988. – 402 с.
265. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
266. Шевченко И.С. Сегментированные вопросы в современном английском языке (структурно–коммуникативный анализ): Дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1987. – 159 с.
267. Шевякова В.Е. Вариации порядка слов в современном английском языке в аспекте функционального синтаксиса: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1981. – 385 с.
268. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 2004. – 326с.
269. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. – М.: Изд–во литературы на иностр. языках, 1952. – 368 с.
270. Шестопал Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // политические исследования. – 1996. – №5. С. 12-19.
271. Шигаревская Н.А. Новое в современном французском синтаксисе. – М.: Просвещение, 1977. – 104 с.

272. Шмелев В.Н. Коммуникативная природа неглагольных сегментов монологического высказывания в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1975. – 180 с.
273. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. С. 12-24.
274. Шпак О.А. Совмещение как проявление принципа речевой экономии на уровне предложения в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Львов, 1990. – 154 с.
275. Щербаков В.П. Однословные реплики английской диалогической речи: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 163 с.
276. Щербинина А.В. Косвенные высказывания и их функции в тексте: (На материале декларативных речевых актов): Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002. – 170 с.
277. Экман П. Психология лжи. – Спб., 1999. – 234 с.
278. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 162 с.
279. Якобсон П.М. Психология чувств. – М., 1958. – 384 с.
280. Янелюнайте С.С. Грамматические средства выражения эмотивности в тексте (современный немецкий язык): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 174 с.
281. Aitchison J. “Say, Say It Again Sam”: The Treatment of Repetition in Linguistics // Repetition / Ed. by A. Fischer. Tübingen: Narr, 1994. P. 15-34.
282. Allerton D.J. “Drop the verb if you can. Otherwise use proforms (in the same way other people do), but do it according to the rules”, or The Non-Repetition of Lexical Verb Structures // Repetition / Ed. by A. Fischer. Tübingen: Narr, 1994. P. 35-45.
283. Asher N., Hardt D., Busquets J. Discourse Parallelism, Ellipsis, and Ambiguity // Journal of Semantics. – 2001. – V. 18, №1. P. 1-27.

284. Attridge D. *The Movement of Meaning: Phrasing and Repetition in English Poetry // Repetition* / Ed. by A. Fischer. – Tübingen: Narr, 1994. P. 61–83.
285. *Beyond the Rhetorical Presidency*, edited by Martin J. Medhurst. Texas A&M University Press. College Station, 1996. – 270 p.
286. Bolinger D. *Language – the loaded weapon: The use and abuse of language today*. – London; New York, 1980. – 122 p.
287. Cameron D. *Language: Sociolinguistics and Sociobiology* – Winter, 1997. – 235 p.
288. Campbell K.K., Jamieson K.H. *Deeds Done in Words*. – Chicago & London: Univ. of Chicago Press, 1990. – 275 p.
289. Campbell K.K., Jamieson K.H. *Inaugurating the Presidency // Form, Genre and the Study of Political Discourse*. – Columbia (S. Car.): Univ. of S. Car. Press, 1986. P. 203-225.
290. Carey G.V. *Mind the stop*. – Cambridge, 1958. – 130 p.
291. Charleston B.M. *Studies on the emotional and affective means of expression in modern English*. – Bern, 1960. – 357 p.
292. Comorovski I. *Interrogative Phrases and the Syntax–Semantics Interface*. – Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, cop 1996. – 191 p.
293. Cooper W.E., Ross J.R. *World Order // Papers from the Parasession on Functionalism* / R.E. Grossman, L.J. San, and T.J. Vance, eds. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. P. 63–111.
294. Corcoran P.E. *Political Language and Rhetoric*. – Austin: Univ. of Texas Press, 1979. – 216 p.
295. Curme G.O. *English grammar (The Principles and Practice of English Applied to Present–day Usage)*. – New York: Barnes and Noble, 1966. – 308 p.
296. De Landsheer C. *The political rhetoric of a United Europe // Politically Speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere /*

- Ed. by O. Feldman. – New York, 1998. P. 667-89.
297. Denton R.E., Woodward G.C. Political Communication in America. – New York: Praeger, 1985. – 366 p.
298. Driven R. Emotions as cause and the cause of emotions // The language of emotions: Conceptualization, expression and theoretical foundation / Ed. by S. Niemer, R. Driven. – Amsterdam etc., 1997. P. 53-83.
299. Ekman P., Friesen W.V. Unmasking the Face: A guide to recognizing emotions from facial clues. – New Jersey, 1975. – 345 p.
300. Elliot D.E. Toward a grammar of exclamations // Foundations of Language: International journal of language and philosophy. – 1974. – V. 11. P. 231-246.
301. Foolen A. The expressive function of language: Towards a cognitive semantic approach // The language of emotions: Conceptualization, expression and theoretical foundation / Ed. by S. Niemer, R. Driven. – Amsterdam etc., 1997. P. 15-31.
302. Gardiner A. The theory of speech and language. – Oxford: The Clarendon Press, 1951. – 348 p.
303. Geluykens R. The Pragmatics of Discourse Anaphora in English: Evidence From Conversational Repair. – Berlin; New York, 1994. – 202 p.
304. Giddey E. Repetition in Byron's Don Juan: A Few Reflections // Repetition / Ed. by A. Fischer. – Tübingen: Narr, 1994. P. 145–156.
305. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195-224.
306. Haney J.E. Psyching and commas: syntactic and semantic relations // College composition and communication. – Champaign, 1970. – V. 21. – № 2. P. 173-176.
307. Hook J., Mathews E. Modern American Grammar and Usage. – N.Y.: Ronald Press Co., 1956. – 475 p.

308. Ilyish B.A. The Structure of Modern English. – Leningrad: Prosveschenie, 1971. – 367 p.
309. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. Part 5. Syntax. – Heidelberg: C. Winter, 1940. – 528 p.
310. Jucker A.H. Irrelevant Repetitions: A Challenge to Relevance Theory // Repetition / Ed. by A. Fischer. Tübingen: Narr, 1994. P. 47-60.
311. King T.H. Configuring Topic and Focus in Russian. – Stanford (Calif.): Center for the Study of lang. and inform., 1995. – 272 p.
312. Knowles J. Lexemic Iteration // Linguistics. – The Hague-Paris, 1979. – V. 17. – 7/8. P. 641–657.
313. Kruisinga E. A handbook of present-day English. – Nordhoff-Groningen, 1931. – V. 5. – 550 p.
314. Kryk-Kastovsky B. Surprise, surprise: The iconicity-conventionality scale of emotions // The language of emotions: Conceptualization, expression and theoretical foundation / Ed. by S. Niemer, R. Driven. – Amsterdam etc., 1997. P. 155-169.
315. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. – Stanford (Ca.): Stanford Univ. Press, 1987. – 516 p.
316. Leech G., Svartvik I. A Communicative Grammar of English. – Moscow: Prosveshchenie, 1983. – 304 p.
317. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistic / J.C. Richards, R.Schmidt. – Third Edition. – Pearson Education, Longman, 2002. – 595 p.
318. Longman Grammar of Spoken and Written English / Biber D. et al. – Longman Corpus Network, 2000. – 1204 p.
319. Nanny M. Textual Echoes of Echoes // Repetition / Ed. by A. Fischer. – Tübingen: Narr, 1994. P. 115–143.
320. Pence R.W., Emery D.W. A Grammar of Present-Day English. – N.Y., 1947.

- 235 p.
321. Poutsma H. A grammar of late modern English. – Nordhoff, Gronengen, 1929. – V. 1. – 1057 p.
322. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – New York: Longman, 1985. – 1779 p.
323. Radford A. Syntactic Theory and the Structure of English: A Minimalist Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 558 p.
324. Reuning K. Joy and Freud. A Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German. – Swarthmore, Pennsylvania, 1941. – 153 p.
325. Scheurweghs G. Present-Day English Syntax. A Survey of Sentence Patterns. – Bristol, 1959. – 434 p.
326. Skrebnev Y.M. Fundamentals of English Stylistics. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1994. – 240 с. (на англ. яз.)
327. Smith C.A., Smith K.B. The Rhetoric of Political Institutions // New Directions in Political Communication; a Resource Book. – Newbury Park: Sage Publications, 1990. – P. 225-254.
328. Thomas A.L. Ellipsis. The Interplay of Sentence Structure and Context // *Lingua*. – Amsterdam, 1979. – V. 47. P. 43-65.
329. Vallins G.H. Good English. How to write it? – L., 1974. – 255 p.
330. Van Dijk T.A. Ideology. A multidisciplinary study. – London, 1998. – 250 p.
331. Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? // *Political linguists* / Ed. by Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998. P. 48-59.
332. Walker S.G. The motivational foundations of political belief systems: a re-analysis of the operational code construct // *International Studies Quarterly*. – 1983. – Vol. 27. P. 13-24.
333. Wilson J. The pragmatic analysis of political language (Lectures in

- linguistics). – Ulster: Ulster Univ. Press, 1990. – 237 p.
334. Winter D.G., Stewart A.J. Content analysis as a technique for assessing political leaders // A psychological examination of political leaders. – New York, 1977. P. 12-34.
335. Word Order Variation: A Constraint-based Approach: Proefschrift. / Door Joao Miguel Marques da Costa.– The Hague: Holland academic graphics, cop., 1998.– 447 p.

Статистические характеристики структурно-семантических форм предвыборных теледебатов

Таблица 1. Частотность употребления доминантных признаков по X₃ в выступлениях ораторов по отношению к общему количеству признака в базе данных

Оратор	Признак (% от общего количества признака в БД)															
	Первый уровень доминантности										Второй уровень доминантности					Третий уровень доминантности
	ER37	EB01	EB02	EB03	ED07	IE12	IL12	IP14	ER29	IP12	IP13	IP12	IP13	IP14	IP15	IE13
1. Dole	27,2	8,3	10,8	11,3	25,7	21,1	14	16,7	37,5	20,8	20					10,6
2. Clinton	0	0	8,1	6,8	8,6	7	12,3	0	0	16,7	7,5					9,2
3. BushS	9,1	27,8	8,1	10,2	8,6	7	17,5	16,7	0	25	20					7,5
4. BushJ	27,3	16,7	13,5	8,5	8,6	14	3,5	0	12,5	4,2	12,5					7,3
5. Dukakis	18,1	8,3	8,1	7,8	5,7	2,8	5,3	0	0	12,5	2,5					6
6. Kerry	9,1	19,4	18,9	8,2	5,7	11,3	7	0	0	4,2	15					9,8
7. Nixon	0	0	2,7	9,9	17,1	4,2	3,5	0	0	0	5					8,4
8. Carter	0	2,8	8,1	8,9	2,9	11,3	0	0	0	0	2,5					10,6
9. Kennedy	0	8,3	5,4	10,2	0	12,7	1,8	0	0	4,2	0					7,8
10. Ford	0	2,8	0	9,9	0	4,2	0	0	0	0	5					10,6
11. Obama	9,1	0	0	3,8	5,7	0	15,8	33,3	12,5	8,3	2,5					7,6
12. McCain	0	5,6	16,2	4,4	11,4	4,2	19,3	33,3	37,5	4,2	7,5					4,7

Таблица 2. Частотность употребления доминантных признаков по X₃ в выступлениях ораторов по отношению ко всей базе данных

Оратор	Σ X ₃ (%2420)	Признак (%2420)												
		ER37	EB01	EB02	EB03	ED07	IE12	IL12	IP14	ER29	IP12	IP13	EI13	
1. Dole	5,4	0,1	0,1	0,2	1,4	0,4	0,6	0,3	0,04	0,1	0,2	0,3	2,9	
2. Kerry	4,4	0,04	0,3	0,3	1	0,1	0,3	0,2	0	0	0,04	0,2	2,6	
3. BushS	4,1	0,04	0,4	0,1	1,2	0,1	0,2	0,4	0,04	0	0,2	0,3	2	
4. Carter	3,8	0	0,04	0,1	1,1	0,04	0,3	0	0	0	0	0,04	2,9	
5. BushJ	3,8	0,1	0,2	0,2	1	0,1	0,4	0,1	0	0,04	0,04	0,2	2	
6. Ford	3,5	0	0,04	0	1,2	0	0,1	0	0	0	0	0,1	2,9	
7. Clinton	3,5	0	0	0,1	0,8	0,1	0,2	0,3	0	0	0,2	0,1	2,5	
8. Nixon	3,3	0	0	0,04	1,2	0,2	0,1	0,1	0	0	0	0,1	2,3	
9. Kennedy	3,2	0	0,1	0,1	1,2	0	0,4	0,04	0	0	0,04	0	2,1	
10. Obama	2,9	0,04	0	0	0,5	0,1	0	0,4	0,1	0,04	0,1	0,04	2,1	
11. Dukakis	2,7	0,1	0,1	0,1	1	0,1	0,1	0,1	0	0	0,1	0,04	1,6	
12. McCain	2,5	0	0,1	0,2	0,5	0,2	0,1	0,5	0,1	0,04	0,1	0,1	1,3	

Пояснения к таблице.

Σ X₃(%2420) – частотность употребления высказываний со всеми доминантными признаками состояняя X₃ в выступлениях того или иного оратора во всей базе данных (% от 2420).

%2420 – относительная частотность употребления признака оратором по отношению ко всей базе данных (% от 2420).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Анна Андреевна Лаврова

**Синтаксические особенности реализации
эмоционального компонента в политической речи**

Монография

Подписано в печать г.
Гарнитура Таймс. Печать RISO RZ 570 EP.
14,0 печатных листов. Заказ №197. Тираж 1000 экз.

Отпечатано ООО «Стимул-СТ»
603155, г. Нижний Новгород, ул. Трудовая, 6
Тел.: 436-86-40

ISBN 978-5-905520-03-7

